

Юрген Байконур

Утро не судное

Утро не судное

Глава 1

Неухоженный подъезд, лестничная площадка. Дверь приоткрылась медленно, как бы нехотя. Пятясь, выдвинулся фасадной частью Валерий Сюньков, сотрудник журнала «И так далее», избравший себе псевдоним Пил Игримов. Стоя на площадке, он настойчиво и небезнадёжно пытался удержать дверь, стремящуюся закрыться резко и решительно. Валерий проявлял настойчивость. Таинственная личность, находящая по ту стороны баррикады, упорствовала и, похоже, побеждала. И тут Пил Игримов взмолился: «Поймите... Материал о помилованных — это не мой каприз! Читатели ждут продолжения!» Но суровый голос из-за двери подчеркнул однозначность ситуации: «Ждать не вредно! Спасибо! Помилуйте... Хоть в петлю! Писатели!»

Дверь резко закрылась. Валерий потряс уставшей кистью, только что сжимавшей сохранявшую надежду на продолжение беседы дверную ручку, с досадой сплюнул на нечистый пол и решительно двинулся вниз по лестнице. «Я её что ли нарисовал? Художники!» — так странно он прокомментировал инцидент.

А его визави, немолодой мужчина в мятых потасканных спортивных брюках и майке не первой свежести, испытывая лёгкое чувство победы, решительно повернул ключ, подумал и не менее решительно водрузил на место предохранительную цепочку. «Хрен вам всем!» — лаконично пробормотал он и пошёл в комнату. Не без опаски подошёл к зеркалу, повернулся к нему спиной и, отчаянно вывернув голову, стал осматривать плечи. Татуировка — загляденье: крупная ярко-цветная ящерица. Мужчина отвернулся, размял движением головы шею и вернулся к осмотру. «Переползла... Не понравилось на спине?.. Место ищешь под солнцем? Нет здесь места. А остальная живность? Скушала? Может, и меня? Лучше бы я не опоздал на тот поезд!» — ворчал он дружелюбно и жалобно. Состояние его было близким к истерическому. Было от чего — ящерица слегка пошевелила головой и двинула хвостом.

Валера резво выскочил из подъезда, оглянулся на вычисленное заранее окно грубияна и, в глубине души слегка переживая поражение, быстро направился в сторону автобусной остановки. Он досадовал по поводу творческой неудачи и успокаивал себя мыслью о том, что свет клином не сошёлся на этом дёрганом типе. Трудно ему объяснить, что в течение сорока минут забыть перекрыть воду в кранах, а потом неожиданно об этом вспомнить, положить в холодильник ключи от квартиры, с трудом их найти, а затем, на выходе, один из них сломать, сесть не на тот автобус, подвергнуться на вокзале нападению инвалида-попрошайки, попасть в милицию, а там выяснить, что паспорт остался дома, — это слишком много. Но именно это «слишком многое» позволило ему тогда опоздать... Трудно объяснить!

Ох уж мне эти аномалии! И у меня случаи были. Студентами пьянствовали. Пошёл я за бутылкой. Через мост — время теряю. Понёс меня чёрт через железнодорожные пути. Товарный состав стоит. Оттепель, снег, естественно, подтаявший. Скользко, то есть. Решил под вагоном пролезть. Сам я — в длинном пальто, модном. Что-то остановило, за ворот удержало. Стою я и не могу шевельнуться. Даже как-то неловко стало — наваждение? А поезд в тот момент и тронулся. Не выскочил бы я из-под вагона в том пальто. Получается, я тоже помилованный? Да таких помилованных... Шестое чувство, интуиция... Мне моё шестое чувство подсказывает: если пошла чёрная полоса, надо просто переждать, и ворота в полосу светлую сами откроются. И остаётся только уповать на философский смысл окраски зебры.

Поток сознания стремился к бесконечности, закручивались пенистые буруны, вздымались волны, где-то близко зарождался девятый вал, как вдруг кто-то нежно и одновременно цепко подхватил Пилигрима за локоть. Валерий не сбавил шаг, его неожиданный попутчик следовал рядом, и со стороны было странным наблюдать, что гражданин, так ловко пристроившийся к почти бежавшему разработчику новых творческих и финансовых проектов, шёл, еле передвигая ноги, лениво, не проигрывая при этом в скорости передвижения. Впрочем, это мог быть обман зрения.

Попутчик, несмотря на приличную жару, одетый в длинный серый плащ, не скрывающий худощавую фигуру, при шляпе, продолжая поддерживать Пилигрима пол локоток, громко зашептал ему на ухо: «Валерий Сюньков? Он же Пилигрим? Валерий... Только не останавливайтесь, только вперёд. Прошу вас!»

Валерий остановился.

Мужчина тоже остановился, досадливо сморщился и сокрушённо покачал головой. Он говорил с укоризной и быстро:

— Что же вы так... Вся конспирация — насмарку! Впрочем, приземлённые наблюдатели нас не интересуют...

Незнакомец широко улыбнулся, приветливо приложил два пальца к шляпе и даже изобразил нечто напоминающее щёлканье каблуками. Пара мешала прохожим. Несколько озадаченных и спешащих граждан их слегка толкнули. Мужчина бережно приобнял Валерия, осторожно подвёл к кромке тротуара. Женя лихорадочно прокачивал ситуацию, она упрямо не прокачивалась. Незнакомец заговорил:

— Разрешите представиться. Женя. Можно Женька. Можно Женечка. Можно Евгений. Можно Иннокентий Лазаревич. Смотря какому случаю подходит...

Валерий думал. Он посмотрел на прохожих, на стайку голубей неподалёку, на свои изрядно поношенные туфли — нигде поддержки на экстренный случай не просматривалось. А случай мог, он чувствовал, перерасти в экстренный. Потому он и посмотрел на незнакомца так, как мог посмотреть только он — с недоумением, ожиданием, надеждой и уважением. Женя оценил этот взгляд и удовлетворённо хмыкнул.

— У меня к вам дело! Огромной важности, — быстро сказал он почему-то явно небрежно. — Дело — не терпящее отлагательств и надругательств над моим собственным достоинством. Мы — деловые люди. Уверен, мы поймём друг друга!

Валерий только и произнёс:

— Я к вашим услугам...

Женя всем своим видом показал, что он восхищён такой выдержкой. В его глазах — одобрение и торжественность. Сунул руку в карман. Валера забеспокоился. Женя достал из кармана диктофон, нажал кнопку — включил. Треск, шум, обрывки классической музыки. Женя с удивлением и досадой пожал плечами:

— Надо же! Хотел, чтобы торжественно... Специалисты речь подготовили... А тут — такой конфуз. — На мгновение задумался, сунул диктофон в карман и решительно продолжил: — Мне нужно... Мне нужно, образно говоря, завладеть одной... не принадлежащей мне вещью. Мне, конечно, стыдно. Но ради успеха нашего общего дела я стараюсь преодолеть это противоречивое чувство. А взамен я представлю вам много других, не принадлежащих вашей уникальной персоне вещей. Идёт? По рукам?

Валерий был удивлён таким содержательным и прямолинейным предложением. В глубине дремлющего сознания проснулся, зашевелился и осмотрелся по сторонам его величество азарт. Со стороны их дальнейшая беседа выглядела как немой диалог с живой жестикуляцией. Женя понимающе кивал. Валерий загибал пальцы сначала на правой руке, затем на левой. Видимо, условий, выставленных им в обмен на участие в дерзком предприятии, было немало. Пальцев не хватило. Женя услужливо протянул свою руку.

Глава 2

Антон шёл по битому кирпичу, перемешанному с кусками битума, размякшего от жары. Желтовато-чёрная с блёстками смесь прилипала к ботинкам. Приходилось время от времени очищать подошвы, что отвлекало и нервировало. Что это за труба? На десятки километров вокруг нет ни одной стройки или заводика захудалого. Она тянулась метров на сорок. С её поверхности свисали лохмотья пергаментно-битумной изоляции. Ещё не ржавая. Труба — справа, солнце — слева. Может, перелезть на ту сторону, в тень, что жариться-то? Скользко, грязно... Дойду, не растаю.

Это могла быть какая-нибудь брошенная стройка. Здесь-то? Во всяком случае, работы велись не так давно: коррозия металл почти не тронула... Ах, какие мы наблюдательные! А если отсутствие коррозии есть результат воздействия? Может, это просто очередной реквизит?

Теорий много родилось. Есть и у меня некоторые мысли. Я, конечно, людей смешить не хочу, но и молчание в данном случае не золото. Кто нас наказывает? Или проверяет? Хозяин? Сидел он на крыльце своего дома небесного и услышал возню в кустах, на Земле то есть. И запустил туда, в кусты, камнем или какой другой штуковиной, что под руку попала. Взвизгнуло что-то и убежало — то ли собака, то ли кошка, то ли человек какой бестолковый. А он сидит и ждёт, когда к нарушителю спокойствия раскаяние придёт или понимание, что, на мой взгляд, одно и то же. И пока никаких мёр не принимает. Пока.

А в кустах этих мы — главные. И не пристало нас камнями или хлыстами воспитывать — взрослые уже. Но, если мы главные и взрослые, значит, мы за всё в ответе. Скажем мы так хозяину? Если скажем, то и разговор завяжется. А если не скажем? Тогда, получается, не в ответе? Кто мы тогда? И как к нам относиться?

Плохо, когда выхода нет для одного, даже для многих. Но когда нет выхода для всех? Этот Город... Не можем мы ничего сделать, равным счётом ничего. Ни пулей, ни бомбой, ни лаской, ни обманом. И даже сдаться на милость победителя не получится.

Помню, как нас после эксперимента на выживание построили — тощих, голодных, обгоревших чуток. И сказали, мол, видите: человек может всё, даже невозможное. Но чуть позже очкарик какой-то мимоходом добавил: да, может, но когда есть надежда или мотивация сверхповышенная. Тогда каждый из нас, выживающих, знал, что пройдёт время, и мы вернёмся к нормальной жизни. А, если кто и не вернётся, сгинул не зря. Да и силком никто не тянул, это тоже немало важно.

Но, если «выживающему» сказать, что будет только так и всегда, как он себя поведёт? Будет ли он философом или, например, законопослушным гражданином? Особенно, если внутренне содержание подкачает. И ведь подкачает! Кто в себе уверен? Не думаю, что многие.

А если кто и уверен, если не трепло, то имеет в виду этот самоуверенный экстример, ситуации, так сказать, апробированные. А если лавина пошла неожиданно? И человек с ней ранее никогда не встречался — даже в мыслях? А если это не лавина, а прёт с горы что-нибудь совершенно непонятное, уродливое, разноцветное, с растопыренными ветвями вместо рук или лап, никогда ранее не виданное? И при этом не поймёшь, чего ожидать-то — весёлого розыгрыша или ножа в спину?

И тут Антон замер — глухой чмокающий звук. То ли из трубы, то ли из-за трубы. И надо бы упасть. Но ведь потом не отстираешься. Антон стал спиной к металлу. На земле — тень. Но ведь солнце в лицо. Тень — расплывчатая, чуть справа. Попытался повернуться — не получается. Спина словно прилипла к трубе — как магнитом припечатало. Теперь точно не отстираешься! И воздух — густой, как в русской бане. Опять чмокнуло.

Он вспомнил, как ругались эксперты. «Что вы мне говорите? Воздух стал гуще и теплее? А давление, радиация, ионизация, скорость ветра... Так же нельзя работать!», — распекал один. А второй ему отвечал: «Ты, как приехал, не делю из домика не вылезает, а коэффициент к зарплате идёт, значит, можно...»

Спина застыла — не шевельнуться. Спина — спиной. Но руки свободны. Антон достал пистолет, заслал патрон. Подумал при этом: а на хрена он мне нужен? И зачем вообще здесь оружие? Инструкция! А какой идиот... Да какая разница, какой. Я, человек с оружием дружащий, не понимаю, зачем оно здесь нужно. Не то, что трудно, нет — невозможно определить рамки его применения. Ни в качестве защиты, ни в качестве нападения. Нет здесь ни того, ни другого. И не может быть.

Возня идёт сложная, и надо разбираться, делать что-то. Но без оружия. Так я считаю. А что ствол выхватил — это рефлекс. Но палить в белый свет не собираюсь. Другое дело, если придётся его употребить в личных, так сказать, целях. Не хотелось бы стать безответной жертвой какой-нибудь гадости. Или её, эту гадость, успокоить или себя. Но об этом лучше не думать. Надо будет — употребим.

Тень ушла вправо — объект сверху. Антон попытался оторваться — бесполезно. Опять чмокнуло. Ну, зараза! Прилип. Труба начала вибрировать. По спине — мурашки, в глубине, в мышцах — слабые уколы. Антон почувствовал явную головную боль и мягкое прикосновение к... мозгу.

Через мгновение тень на земле распалась на лоскуты, и то, что было тенью, закружилось сначала по земле, затем отделилось от поверхности и чёрным вихрем, состоявшим из кусков тьмы, ударило Антона в лицо, как сильный ветер с песком. На мгновение он увидел свет сквозь рваные клочья и затем почувствовал, что спина более не скована неведомой силой. Всё — отключился магнит. Он сделал шаг вперёд, развернулся и одним прыжком, чуть подстраховавшись рукой, заскочил на злополучную железяку. Никого и ничего. Ну и чёрт с тобой, чмокало-глюкало.

Вдали хорошо виден Город. Сегодня виден. Стоит сам по себе, словно выдвленный из песка, и плюёт на всех. Антон не был допущен на объект. Нет, не так: Город его, как и многих-многих других, не принимал. Лишь некоторым он сделал и, возможно, сделает исключение. Припоминается что-то вроде: Объект, прилегающая к нему территория являются составными частями явления, находящегося на такой стадии технологической мощи, что оно не может быть ликвидировано, блокировано или смягчено никакими земными средствами.

А посему, хочешь — утирай плевок, хочешь сам плюй, хочешь бомбу бросай или на танке прорывайся, результат всегда один — никакой.

Глава 3

Она проползает по руке, перебирается через плечо и тихо пристраивается на спине, между лопатками. В зеркале это хорошо видно. Она неподвижна, и лишь веки время от времени слегка приоткрываются и поясняют: не сплю — задремала, всё вижу, слышу, я тебе мешать не буду, но знай — я здесь. Передвижение её не ощущается. Только увидеть можно: то она на спине, если зеркало есть, то на плече, на груди. С того момента, как она появилась, всё другие герои и участники этого жуткого мультлика стали исчезать. Она их прогнала, а, может, просто, извините за натурализм, съела. Может же быть такое? Если прогнала, то где же они прячутся сейчас? Под диваном, за шкафом, под ковром... Стоп: надо проверить под ковром. Как она относится к этому поиску? Одобряет? Не одобряет? Или ей вообще до всего происходящего дела никакого нет? Живёт себе, ползает помаленьку.

Хозяин я для неё или среда обитания? Вопрос, конечно, философский, но делать-то что?

Как быть в такой ситуации? Чем закончится поход в больницу — понятно. Посоветоваться с друзьями? Не таким однозначным, хочется верить, будет исход, но с известной житейской вероятностью можно предположить полную неудачу этого зова о помощи. Что делать? Мытьё, протирка спиртом и прочими хорошо зарекомендовавшими себя превентивными веществами результатов не дали. Может сесть в ванну с какой-нибудь соляной кислотой — разбавленной, конечно? Страшно — больно, наверное... Человек — существо сильное, живучее, многое может вытерпеть. Но этот кошмар! На лице она не появлялась ни разу. Сон поначалу был ужасным, теперь восстановился. Засыпаю и думаю: утром проснусь, а её нет. А внутри голос — спокойный, доброжелательный, немного насмешливый: а куда ж она денется? Куда она от тебя денется? — так и говорит. И добавляет: а ты от неё?

И всё же... Что это? Болезнь? Колдовство? Мечь? Повода вроде не было. Ничего странного в жизни моей не происходило. Единственное, что внесло некоторое разнообразие, так шумиха эта журнальная. Да, был случай такой — с женой поругался. Поскандалил даже. И билеты порвал, и деньги швырял, и кричал, и матерился даже, и сказал даже, что думаю. И так решительно сказал, что самому страшно стало — на мгновенье. И чтобы этот страх преодолеть, решил не останавливаться, так сказать на достигнутом. И понёс... Всё высказал. Тоже мне нашли подкаблучника. Пусть не путают со своей мамашей мягкость с мягкотелостью, взвешенность в действиях с трусостью, доброжелательность с заискиванием. Не ожидали от меня такого? Как же тут ожидать: молчит человек и молчит, хоть в морду ему наплюй. Вот и прорвало. Кончилось тем, что развелись. Не знаю, плохо ли хорошо — время покажет. А эта вода, хулиган, милиция... Не попал я на тот поезд. Взрыв — и говорят, и писали — был страшный. И поездов тех было два, и погибло там — тьма...

А случаев таких, оказывается, немало. Об этом и написали. И меня туда же. И тот гость намекал, что надо бы тему продолжить, интересно, мол, люди звонят, пишут. Но как продолжить, если именно в то утро, когда этот репортёр нежданный явился, несколькими часами раньше, первые картинки мультяшные и надписи появились. В зеркале увидел. Когда умывался. А затем картинки и слова стали преобразовываться и множиться, как образцы настенного творчества в школьном туалете. И вся эта неожиданная прелесть — в цвете. И всё рисунки передвигаются. Передвигались. Появилась она. Картинок уже через минуту стало меньше. Теперь их вовсе нет. А она есть. Но тогда она их ещё не всё съела. А я ж раздетым вышел, без рубахи имеется в виду. Почему, не могу объяснить? Но не могу я так: один я, совсем один, и тут кошмар этот происходит, с ума можно сойти. Я подумал: может, это всё мне кажется? Вот и вышел.

Он мне про везенье рассказывает — это мне! — а я за глазами его слежу. И вижу: рассматривает он мою галерейную грудь, картинки, то есть. Делаю вывод: настоящие. Но не вижу я ни удивленья, ни отвращения, ни укора в глазах его только интерес и азарт что ли. Это ж каким надо быть толстокожим, непрошибаемым! Мне даже показалось, что подружке моей ползучей он игриво подмигнул.

Я кое-что читал про загадки всякие, измерения пространственные. И вот что подумал. Если жизнь существует трёхмерная, то может же быть она, или какие-нибудь другие жизни, двумерной? Жизнь, так сказать, на плоскости. Может, картинки эти и гостя моя последняя — последняя ли? — это есть та жизнь? Понимаю, нелепость получается. А что ещё может получиться? Понимаю, что надежды на избавление случайное нет. Почти нет. Рано или поздно придётся сделать решительный шаг. В какую сторону — милиции, больницы, журнала этого, будь он не ладен, — не знаю, но сделать придётся. Но пока не решаюсь.

И уж вроде набрался сил, взял себя в руки... Утром вчера проснулся, смотрю, а она на стене. Прогуляться вышла. Подползла к розетке, уткнулась в неё носом, как бы принюхивается. Только кончик хвоста слегка подёргивается. Ну что тут делать. Разум мне кричит: беги, беги, другой возможности может не быть. А сердце не пускает. Не пускает и всё. И ничего при этом не объясняет.

И что же я сделал? Протянул я руку к стене, упёрся в неё пальцами. И она медленно по пальцам переползла по кисти и расположилась на предплечье. Кто зайдёт, удивится. Любитель, он же ценитель позавидует. Прекрасная татуировка, скажет, ящерица — как живая. Кто ж такое чудо сотворил, поинтересуется. А я ему не скажу.

Глава 4

Майский дождик обратился вполне приличным ливнем. Хляби небесные разверзлись не на шутку, к счастью, ненадолго. Выглянуло солнышко, резали глаз яркой зеленью мокрые деревья, последние водяные струйки рисовали на пыльном оконном стекле замысловатые узоры. Рой Каташов посмотрел на обнадёживающее небо, перевёл взгляд на узоры, попытался найти в причудливых рисунках закономерность — не получилось.

«Мрачное утро, грустное утро, тяжёлое, нерадостное...» Рой перебрал ещё несколько эпитетов к началу столь содержательно начавшегося дня и остановился на одном: «Дурное утро!»

Последнее время Рой ловил себя на том, что неосознанно подпадает под влияние своего собственного произведения: чаще и чаще «улетает» — в мир, созданный его воображением.

И поначалу легко там было, и если обнаруживался какой дискомфорт, то всё в твоих руках: можно сколько душе угодно переделывать и ваять по собственному усмотрению. Где-то решительно погромсать абзацами и сшить оставшееся. Где-то, пользуясь абсолютной монополией на критику и редакторство, подправить слегка и увести пока ещё несуществующего читателя совсем не в ту степь.

Однако проходило несколько дней, и «швы» уже представлялись грубыми, из-за небрежно перевязанных ниток выглядывали уши, за кои он притащил казавшиеся ему оригинальными и необычными обстоятельства. Путь «не в ту степь» оборачивался кюветом, а то и тупиком. И возникал вопрос: а надо ли было нарушать более-менее стройную сложившуюся картину? И ответ рождался всё же утвердительный. Не смотря на всё очевидные и, возможно, ещё невидимые огрехи, сочинение приобретало новые штрихи, новые акценты и новое звучание. То есть вмешательства были не лишними.

И к чему же привёл этот творческий волюнтаризм? А привёл он к тому, что Рой сам залез в такие авторские дебри, откуда его уже не мог вывести даже предполагаемый читатель. Начав с концепции преимущественно философской, он быстро в ней разочаровался — гордыня и тщеславие не лучшие спутники в писательском деле. Хотелось тиражей и известности, со всеми вытекающими отсюда радостями. Перешёл к формату коммерческому.

И опять фиаско. Слепленные неискренней фантазией суровые детективы, стрельба, погони, таинственные архивы, бессмертные диверсанты и ногастые зубодробящие китайцы достали его раньше, чем весь этот экшн приблизился к логическому завершению. Стало горько, противно и... стыдно. Рой плюнул на всё и забросил неблагодарное занятие.

Надо было на что-то жить. Подвернулся этот прохвост Пилигрим, и Рой после несложной и нетрудоемкой трансформации поделился с активным бездельником несколькими идеями, адаптировав их под журнальный вариант. И понеслось. Автором проекта, конечно, был Пилигрим, и Рой, конечно, не возражал. Он не был штатным работником журнала. Да и светиться в несколько сомнительных, спорных и шумных ракурсах у него не было никакого желания.

Почти полгода давала кушать хлеб с маслом раскрутка темы группы Дятлова. Да, это была эксплуатация извечной тяги к тайне неискущённого читателя. Но надо признать и не без гордости заявить, что направление было отработано творчески, вдумчиво, трудно и... честно. И что немаловажно — пересиливать себя не пришлось. Роя действительно ещё давно заинтересовала мутная история, выглядевшая в разнообразной журнально-телевизионной подаче одной из немногих, действительно достойных внимания.

Во-первых, она было полностью реальна. Во-вторых, сохранилось немало прямых и косвенных свидетельств, позволяющих воссоздать печальную и запутанную картинку прошлого. Кипы писем, копии протоколов, экспертиз, выписки из архивов, фотографии пару месяцев были основной составляющей сновидений, и наступил даже момент, когда граница между реальностью и миром морфея стабильно нарушилась. И казалось бы, вопрос отработан по-джентльменски — без явной пурги, подтасовок и конспирологических витиеватостей. Во всяком случае, так выглядела трактовка со стороны.

Но сам Рой прекрасно понимал, что при правильно выбранной конструкции, при более-менее профессиональном размещении в ней содержания всё равно есть нюансы, которые не позволяют назвать тему закрытой. Предложенный читателю героический финал — только одна из версий. Дело прошлое, и вряд ли доведётся ещё раз вернуться к этой истории.

Затем родилось новое направление. Надо признать, что никакой революционной новизны в нём было. Про везунчиков, назовём их так, опоздавших на поезда, самолёты, корабли, ставшие жертвами катастроф, писалось с избытком. Подмечено, задокументировано, что действительно на почти всех без исключения трагические маршруты процент опозданий и неявок значительно выше среднестатистического. Однако одно дело констатация интригующего факта, другое дело — копнуть это факт глубже и с разных сторон. Упор был сделан на судьбы везунчиков. И там открылось много интересного.

Конечно, на всю эту журнальную шелуху имелся взгляд и иной, отличный от широко открытых глаз наивного и ленивого читателя. Взгляд, так сказать, без протокола. Мы часто путаем объективные события и их субъективную оценку. Немало людей опаздывало на различные транспортные средства и мероприятия самым нелепым образом. Но в памяти и народной молве остались и пробрели особое

толкование именно те случаи, которые получили трагическую окраску: несчастья, взрывы, обвалившиеся потолки...

Но можно ли рассматривать это как везенье или избавленье? Ведь живёт человек не одной поездкой, полётом, плаванием и прогулкой. И уж кто знает, отчего избавился и что приобрёл везунчик, если его жизнь рассмотреть в более длительном периоде, без привязки к единичному событию. Но это уже философия, это другая песня и другая история. Но если слегка схитрить и сделать упор на бытовую арифметику, то есть, где развернуться и разгуляться рукастому журналисту.

На страницах журнала фигурировали реальные люди, фотографии, интервью. Процесс трудоёмкий, но и результативный. Став даже ненадолго публичными фигурами, герои расследования вольно и невольно включались в игру, и от этого документально-художественная компания выигрывала вдвойне.

Рой относился ко всей этой активной возне иронично. Но возня давала занятость, если проще — кормила. Получив в свои руки достаточный объём аналитического материала и имея возможность фильтровать необходимый вымысел, откровенное враньё, милое приукрашивание и грубое передёргивание, он всё же согласился с зыбким, спорным, но интересным выводом. Многие везунчики столкнулись после избавления с серьёзной компенсацией в виде не менее нелепого, непредсказуемого и неожиданного наказания. Вывод требовал дополнительного подтверждения, и Рой без особого усердия формировал статистическую базу. Но делать однозначные выводы он был пока не в праве.

Ажиотаж спадал, и если не кривить душой, вся эта катавасия изрядно надоела. И как-то постепенно, ненавязчиво вновь проснулся интерес к почти заброшенной книге. И вместе с интересом неожиданно выскочила из тёмного угла авторская гордость, которая резко отстранила не такое уж давнее желание пойти по пути коммерческому и настоятельно потребовала твёрдости и самопожертвования. Рой согласился и вернулся к первоначальному проекту, который уже за пару недель его основательно вымотал. Созданный воображением новый образ деформированного расстоянием пришедшего из звёздной глубины сигнала был интересен, но он никак не мог сообразить, как его прилепить к первоначальному варианту своего творения.

Посему разговор с зашедшим «на огонёк» хитромудрым Пилигримом был коротким, чай поспешным, обмен мнениями пустым. Что гостя не так уж смутило. Рой любезно предоставил ему возможность забрать всю электронную почту — пусть сам копается и намекнул, что желает свести своё участие в феноменальном проекте до минимума.

Когда покоритель читательских сердец и умов покинул обитель, Рой довольно долго смотрел на неплотно прикрытую творческой личностью дверь и пытался вспомнить и понять, зачем личность конкретно приходила. Не вспомнил и не понял. «Чёрт с ними — и с Пилигримом, и с дождём вашим, и с книгой, которая уже достала, и с днём дурным...» Рой плотно закрыл дверь и поймал себя на мысли, что очень хочет не видеть её открывающейся.

Глава 5

Валерий Сюньков в соответствии с инструкциями, полученными по телефону, разыскал пивную. Заведение — не ахти какое, но что поделаешь — вошёл. Быстро нашёл указанное место. Женя сидел за пустым столиком и олицетворял собой безграничное радушие. Приглашающим жестом указал на место справа от себя. Но сесть не на что: там пустое место. Валерий смутился. Женя ловко достал из-под стола солидный офисный стул и царственно указал на него двумя руками. Гость

последовал приглашению, был осторожен. Женя посмотрел на часы и повёл себя поначалу сухо и официально:

— Вы удивительно точны. Точность — вежливость ваших королей.

Валерий выдавил из себя улыбку. Не нравилось ему всё это. Но тянуло, ох, как тянуло.

— Вы принесли? — спросил Женя.

Валерий молча протянул ему флэшку. Хотелось от неё избавиться — что уж тут скрывать.

— Прекрасно. Лояльность по отношению к организации — прежде всего. А то — сами знаете... — строго и задумчиво произнёс Женя, помедлил и продолжил: — И мы своё слово держим.

Достал из кармана плаща незапечатанный пакет из грубой бумаги и протянул его Валерию. Новоиспечённый член таинственной организации не удержался, заглянул — какие-то бумаги и деньги. Хотелось посчитать — никак нельзя. Женя сменил тон на более фамильярный:

— Я рад, что вы решили украсить своим присутствием это приветливое заведение. У меня вопрос первый и, полагаю, для вас неожиданный. Просветите меня: что здесь делают эти люди?

Вопрос обескуражил собеседника. Но молчать нельзя.

— Какие? — осторожно спросил Валерий.

— Эти всё, скрашивающие наше одиночество, — пояснил Женя и окинул взглядом пивную.

— Отдыхают, — кратко ответил Валерий.

— От чего и от кого они отдыхают?

— От жизни, от работы, от семьи, от начальства...

Женя глубоко задумался, достал из-под стола кружку пива, отхлебнул.

— Денег у вас теперь много, можете угостить всех присутствующих. Люди примут это с пониманием и благодарностью. Хотя, мне кажется, лучшим вариантом для них была бы полная и надёжная изоляция от жизни, то есть, от всего того, что вы мне минутой раньше перечислили. По-моему, это называется смерть.

Валерий пытался оценить глубину высказанной мысли, у него это плохо получалось. Помолчу пока, подумал он. Женя от него ответа и не требовал, заговорил сам.

— Я вот поутру стихи набросал, — задумчиво сказал он и прочёл с вдохновением: — Безумству храбрых поём мы песню...

Женя оборвал чтение и с восхищением посмотрел на Валерия.

— Это о вас. И подобным вам. Спасибо вам за то, что вы есть. А я, в свою очередь, полон уверенности, что вы полны благодарности нам за то, что мы есть. За творческий союз!

Женя достал из-под стола второй бокал пива и поставил его перед Валерием. Лихо стукнул по нему своим и душевно отпил. Он был полон восторга и умиления, даже утёр слезу.

Валера был тронут, но он не забывал о поручении нового и весьма неожиданного шефа и как человек дисциплинированный готов был доложить об исполнении. Собственно, и докладывать было почти нечего, но его вины в этом не было. Женя пояснил ему, давая инструкции, что имел место на днях странный казус. Шла женщина по дороге и встретила своего покойного мужа. Дело, в принципе, житейское, как выразился Женя, но женщина та самая упала в обморок и была доставлена в больницу. Вот Валерию и надо было посетить пострадавшую, побеседовать, уточнить детали. Валера, конечно, проникся. Посетил даму, поговорил. И мутная такая история нарисовалась...

— Итак, что там, в больнице? — спросил Женя.

— Представляете, еле к ней в палату пробился. Она в шоке, накололи её лекарствами. Может, привиделось...

— Сердце женское не обманешь, — строго вмешался Женя. — Получается, сбежал стервец.

Женя с досадой стукнул кулаком по столу. Некоторые посетители, кто с осуждением, кто с интересом, на него оглянулись.

— Стервец — это двойник покойника, — пояснил он.

— В каком смысле, простите, двойник? Не понимаю... В каком смысле?

— Понимаю, что ничего не понимаете. Вы — как медведь в берлоге. Держайте!

Женя отхлебнул из бокала и продолжил:

— В самом прямом смысле. Человек умер, и вскоре появляется его двойник. Рождается из плазмы — чтобы вам, мой друг, понятней было. Вроде он, но не совсем он. Задачи перед ним стоят всякие непонятные. Такая вот драма разворачивается в подлунном мире. И вот этот с позволения сказать двойник не хочет следовать назначенному предназначению. И жил бы себе спокойно, нет, понесло... Разве так можно? Это же, по меньшей мере, безответственно — нарушать привычные каноны. Люди простились, поплакали, может, порадовались — и такое бывает. А он! Удивляюсь я вам!

Валера поморщился, напрягся. Тяжело. Положил пальцы на пакет с деньгами — на месте.

Женя развивал свою мысль:

— Имейте в виду, коллега, доказательств, что это двойник, нет. Да и существуют ли они на самом деле? Может, это всё выдумки журналистов и спецслужб. Газеты уже вовсю пишут: здесь двойник, там ... Может, мы уже всё — двойники?..

Валерий всё же решил проявить реалистичный подход к беседе.

—Извините, по-моему, эта тема не освещается вовсе, — осторожно вставил он.

— Не пишут? Странно. Будут писать! Но тема, я вам скажу, глубокая и опасная. Такие талантливые люди, как мы с вами, не могут разобраться! Что уж тут

говорить про дилетантов. — Женя покрутил головой и как бы вспомнил: — А закусить-то нечем, хоть с голода подыхай!

Он засуетился, достал из-под стола большую тарелку с разнообразной закуской. Извлёк из кармана плаща две алюминиевые вилки. Одну протянул Валерию.

— Вот видите, как приходится работать, — он игриво подмигнул Валерию. — Проблема здесь в том, что скрываемое от общественности настолько само по себе иррационально, а развитие процесса настолько непредсказуемо, что и увести никого и никуда не надо. Уводить можно от правды, конкретных фактов, реальных свидетельств и документов, прогнозируемой динамики, наконец. А если эти свидетельства, факты и документы настолько далеки от привычной реальности... Это я вам говорю как признанному мастеру кинжала и пера.

Валерию польстила столь высокая оценка его профессиональной пригодности, но он был вынужден про себя отметить, что пока ещё ничего не понял. И Женя ничего не прояснил.

— Незаметно уходим, — заговорил он тихо и быстро. — Цель наша высока и благородна — гражданское согласие. Хотя, на кой чёрт? Вы... как мастер, ну, сами понимаете, чего, а может быть и всего, умеете выделять главное. А главное сейчас — это наш генерал. Именно так и именно так точно. Еду к генералу. Доложу ему о вас. Бессмертный легион, когорта, бригада, ну, вы меня поняли!

Женя встал. Валера — тоже. Женя бережно взял его под локоток и повёл к выходу.

На улице стояла большая чёрная машина. Из неё выскочил маленький рыжий мужчина неопределённого возраста, похожий на подростка. Он приветливо и демонстративно услужливо распахнул заднюю дверь. Женя обнял Валеру, сочно поцеловал его в щеку и прошептал: «Вы даже не представляете, насколько я счастлив. Трудно так — одному. Я с вами свяжусь. Непременно». Решительно сел в машину, помахал Валерию ручкой. Машина сорвалась с места, оставив Валерию в глубокой, но оптимистической задумчивости.

Глава 6

Руководитель новоиспечённого подразделения производил положительное впечатление: краток и мозги не пудрит. И что интересно — непредсказуем. Впрочем, это не удивительно: скорее всего, он сам движется в тумане, на ощупь, так что предсказывать нечего. Если предположить, что мне предоставлена минимальная доля информации — иначе и быть не может — и от неё голова кругом идёт, каково тогда его самочувствие? Хотя — лирика это всё...

Игорь Устинов дал себе команду не отвлекаться на пустые рассуждения. Начальник проходил в данной разработке под псевдонимом Гиацинт — тоже, кстати, что-то из области бреда. Игорь посмотрел в интернете, ничего интересного не нашёл: ранний цветок весны — вот и всё. Внешне — неказист, цветок имеется в виду. Никаких зацепок, никаких аналогий.

Гиацинт закончил барабанить пальцами по столу:

— Ну, что, Игорь... Александрович, красивая получается сказка под названием «Дело о помилованных»?

— Туман.

— Иначе быть и не могло. С документами ознакомился?

— Да.

Гиацинт спохватился, подвинул Игорю пепельницу и пачку сигарет.

— Какие соображения? — спросил он.

— Информации мало.

— Приумножай. Тебе и флаг в руки. А предварительно?

— На собеседовании фигурировал термин — «вмешательство». Хорошо подходит.

Шеф слегка занервничал:

— Термин подходящий. Мы стараемся понять... Кто? Что? Откуда?

— Я бы ещё прибавил «зачем?»

Шеф улыбнулся и укоризненно покачал головой:

— Молодец! Круто берёшь. Как просто быть солдатом?

— Просто, но скучно.

— Голос не мальчика, но мужа. Как сын?

Игорю не понравился переход.

— Пока никак.

Гиацинт:

— Вопросы?

— Этот объект, он же Город, он же ... Это объективно? Не визуальный эффект? Не мираж? Не голограмма?

— Объективно! Как и всё эти коты, двойники, доллары...

— Доллары?

— Они — тоже. Зайди в оперативку — возьми отчёт. И ещё. В Молокамске объявился занятый фигурант. Сбежал из психушки не так давно... Возможно, это самый первый — ещё до изолятора...

— Какого изолятора?

— Повторяю: пойді в оперативку — возьми отчёт.

Глава 7

Поздним субботним утром Зоя Сергеевна Кудасова, пенсионерка, старожил старенькой девятиэтажки, женщина безупречной репутации, излагала участковому при форме, врачу при белом халате и какому-то типу в гражданском свои впечатления от этого самого утра. Впечатления были сложными, но, судя по живому заинтересованному взгляду гостя при белом халате, не столь экзотическими, какими они казались двум другим участникам беседы.

Дело, вроде, простое. В подъезде сломался лифт. Забираться на шестой этаж — не сахар, это понятно. Правда, Зоя Сергеевна определяла случившееся как издевательство и перманентную голгофу. Что ж — каждый человек имеет право... Это тоже понятно. Но вот остальные детали и смешили, и тревожили, и порождали странное чувство внутреннего несогласия.

Зоя Сергеевна рассказывала свою историю второй раз — первым слушателем был участковый. Она уже вошла в роль, говорила, как отметил про себя полицейский, более связно:

«Открываю дверь, захожу домой, включила свет в коридоре. Лампочка — пых, бух. Перегорела. Пошла на кухню, взяла из запаса. Всё ж сама, сама... Поменяла — чуть не упала. Включаю, опять — пых, бух. Четыре лампочки ввинтила. Четвёртая — нормальная.

Отдохнула. Почистила картошку. Поставила на газ. Включила счётчик, или как его там — таймер — на плите. Пятнадцать минут — точно помню. Услышала сигнал, попробовала, а она, картошка, — сырая! Ткнула вилкой — сырая. Посмотрела — вода кипит вовсю. Может, уксус или лимонка попала... Нет, нормально. А счётчик — механический, да. И исправен он, знаю наверняка. Был бы сломан, я б печь не смогла. Рецепты у меня есть, годами проверенные, каждая минута при выпечке важна. Включишь его, а он: тик-так, тик-так. Картошка эта кипела час. Целый час. Я даже воду два раза из чайника добавляла. Целый час. Тут я совсем разревелась. И пенсия эта, и картошка... Выключила я — всё равно сырая. Воду слила — кипяток.

И тут смотрю я: Коша мой на столе развалился, лежит на спине, лапу под голову подложил и смотрит на меня... нагло так. Я ведь его ещё маленьким приучила, что б на стол — ни-ни. И вдруг развалился барином. Я ему, конечно, говорю: «Коша, маленький мой, ты же умненький мальчик, разве так можно?» А он, видно, обиделся, прыгнул на пол и пошёл в комнату. Ну, весь день кривой какой-то.

Пошла я в зал, включила телевизор. Села на диван. Бубнил он, бубнил, телевизор, я и задремала. И слышу сквозь дрему — вода в ванной журчит. Что за ерунда, думаю, ведь утром всё краны проверяла: это на случай, если...ну, сами знаете. Ночью-то не было воды. Поднимаюсь, иду. Вхожу и — замерла. Ванна полна воды горячей — аж пар поднимается. А в горячей воде Коша плещется. Лежит на спине. Представляете? А я-то знаю, что Коша мой воду горячую терпеть не может. Посмотрел он на меня...строго так и опять плещется. Страшно мне стало.

А тут ещё этот пришёл — писака. Ерунду какую-то спрашивает, из журнала говорит. Про какие-то опоздания рассказывает, несчастные случаи, совсем голову заморочил! Не принимаю я лекарства сильнодействующие, говорила уже, и не буду принимать. Сон — нормальный. Больше ничего такого не было. Но кота этого я боюсь. Забрали бы вы его отсюда...»

— А где он? — спросил участковый.

— Кто? — несколько опешила Зоя Сергеевна.

— Кот, конечно, кто же ещё? — уточнил участковый.

Зоя Сергеевна встала, неуверенно и с нескрываемо нежеланием прошлась по комнатам, заглянула в кухню, ванную, туалет. Тип в гражданском неотступно следовал за ней. Участковый сидел на стуле и фиксировал их перемещения движениями головы и шеи. Кота нигде не было.

Тип в гражданском, он же Игорь Устинов, вышел из подъезда, оглянулся, поёжился. Его ждала машина, он сел на заднее сиденье и поспешно позвонил. Быстро изложил ситуацию и затем с минуту выслушивал ценные указания. Реакция была краткой: «Если она есть в списке, то и мудрствовать не требуется. ЭТОТ пропал, чего и следовало ожидать. Но и настоящего нет. Ещё один эпизод».

Глава 8

Сила должна быть безжалостной — холодной и твёрдой, как северный лёд. В противном случае это уже не сила — это то, что побеждено слабостью. А жалость — это та же слабость. Василий Савельевич Переплётчиков, в обозримом давнем прошлом хулиган Васька-Череп, затем в более обозримом — уголовный авторитет города Молокамска Переплёт, а ныне при полном обозрении и оборзении уважаемый экономист-практик, реформатор, поклонник изящных искусств в лице (в лице?) курируемых им подающих надежду балерин и актрис.

После довольно продолжительного, длящегося уже почти два года (после последнего передела власти и собственности) спокойствия Васька Переплёт — а чуйка у него дай бог каждому! — почувствовал опасность. И опасность какую-то новую — «опасную опасность», как он сам для себя определил. Ещё не обложили, но подбираются, его не трогают... но касания лёгкие ощущаются.

Ему прямо не угрожают, но мандраж такой иногда охватывает телеса нехилые, что только и думать остаётся: как бы кто не заметил — будет тогда и авторитет, и коронация, и решающее слово... Опасность подбирается, но откуда — понять трудно. Это были не менты и не конкуренты, хотя бывшие подельники, а теперь вассалы, опять начали помаленьку наглотать и показывать зубы. Какое-то ОНО осторожно и в то же время демонстративно подбиралось к нему, пробовало мягко, пока мягко, прикоснуться к нему, как кошка лапой. Действовало это ОНО умно и жёстко и, как расценил Переплёт, играючи. Что и злило, и пугало.

У делового мента Верещекина в личной машине обнаружилась папка, содержащая подборку материалов, рассказывающая о всех его, Переплёта, деяниях. Хвала всем и всяким вышним и всевышним, что обнаружена она, эта папка, была самым Верещекиным. Подборка настолько полная, что сформировать её мог только сам Переплёт и никто другой.

Подумал Переплёт и призвал на помощь Очкарика. Пришлось ему открыться немного. Тот почитал, подумал и задал вопрос странный и витиеватый: мол, скажи, уважаемый Василий Савельевич, были ли в последние месяцы-недели какие-то дела серьёзные, весомые, этапные? Так и сказал — этапные.

Переплёт сначала не понял, вернее, по-своему понял, что это значит — неловкая возникла ситуация. Но сообразил, и быстро сообразил. Очкарик пояснил. Человек, материал готовивший, безусловно, информирован от «а» до «я». Но обрывается информация, резко обрывается, и отсюда можно сделать вывод простой: опасными данными неизвестный пока объект обладает исчерпывающими, но устаревшими. И вытекает отсюда — была утечка, а теперь её нет. Задумался Переплёт.

Началось с нелепости. Поступили на счёт фирмы Переплёта деньги, небольшие деньги. Назначение платежа: за ритуальные услуги. Затем — ещё несколько раз. Затем атака прекратилась. Слухи распространяются быстро — подчинённые стали посматривать на Переплёта не так, как раньше. Нехорошо стали посматривать.

Чуть позже случился перебор — виски многолетней выдержки. Проспался — с кем не бывает. День промучился, а вечером пришёл баклан из шестёрок и гонит не то что не туда, а вообще не туда — в сторону, куда и направлений-то нет. Рассказал: в тот самый вечер, он, Переплёт, самолично домой к нему зашёл и выпросил — именно выпросил, со слезами на глазах — сто баксов, мол, проигрался в буру, не хватает, долг чести, дворянская кровь... Кентуха-юнец и не понял, что рассказом своим ударил — и очень больно! — ошарашенного авторитета. Никто, никто не знал, что была у него сокровенная мечта — купить себе родословную и титул князя.

Промолчал Переплёт, помрачнел только. А визитёр дальше гонит. Мол, обещал уважаемый Переплёт отдать заём на следующий день, в гости приглашал — и домой, и в офис в любое время. На работу обещал устроить. Заставил Переплёт, удивлённый выше всякой изрядности, всё описать: что ели, пили, о чём говорили, и здесь пришлось выжимать всё до деталей. О чём вспоминали? А вспоминали о том, о чём мог вспоминать только он, Переплёт, собственной персоной и никто иной. Призадумался Василий. Есть такое слово — наваждение. Хорошее слово. Может это оно есть?

Нарисовался недавно оффшорный директор — с рекомендациями и процентом вполне приемлемым. Использовать его надо было один раз, для переброски денег, минуя общаковских компаньонов, разумеется. Так этот простак приглянулся, что и убирать его даже как-то и не хотелось — после проведения операции, конечно. И не пришлось: вели его до банковской кассы, а потом он как в воздухе растворился. Зашёл в кабинет к заместителю управляющего и... не вышел. И только на другой день выяснилось, что этот изобретатель затеял с замом скандал, тот вынужден был вызвать «для прояснения обстоятельств» главного бухгалтера, мужчину более чем упитанного. Там их обоих находчивый парнишка на ковёр и положил. Переоделся, загримировался «упитанным» бухгалтером, а полноту, надо полагать, теми самыми пачками «зелени» и обеспечил. Вышел из кабинета, прошёл мимо охраны, небрежно кивнув, одного из пацанов плечом чуть с ног не сшиб и был таков...

И чувствовал Переплёт, что не в деньгах здесь дело: как-то всё просто, как в кино. И правильно чувствовал. Сегодня утром он обнаружил всю сумму в своём сейфе. А сейф этот — надёжней не бывает. И Переплёт впервые в жизни ощутил то, что, наверное, называется ужасом. На мгновенье, но ощутил.

Он долго смотрел в открытую дверцу сейфа, затем пересчитал пачки. Дверь в кабинет была закрыта, он это знал точно, но для того, чтобы просто оглянуться, пришлось ущипнуть себя за ладонь. ОНО пробралось и сюда, что было практически невозможно. ОНО проникло в его сейф, что было ещё более невозможным: всё шифры и секреты офиса знал только он один. Василий Савельевич уже потом, когда выпил рюмку коньяку и уселся в своё любимое кресло, перебирая варианты возможных объяснений происходящего, даже предположил, что он сошёл с ума: может, сам положил эти деньги, и вся история с банком — плод его воображения...

Он полистал рабочий календарь, просмотрел записи в блокноте. Всё вязалось, всё совпадало. Но на одном листочке надпись, его, Переплёта, рукой: «С головой всё в порядке. Я поцелую тебя мёртвыми губами. Я тебе не шмара». Васька Переплёт упёрся ладонями о стол, его волчий взгляд скользнул по комнате. Он поймал себя на мысли, что ведёт себя так, словно за ним наблюдают. Он чувствовал... не взгляд, нет, он осознавал, что он открыт, как одинокий курортник, отдыхающий на пустом пляже. Никто, никто не мог знать об этой фразе. Это случилось один на один, без единого свидетеля, в лесу. Да, он убил официантку. Да, он считал её своей, но она, к его удивлению, так не считала. Он сначала избил её и когда достал нож, это были её последние слова.

Может, уже тогда за ним следили? Но зачем же так всё усложнять? Если ОНО так всесильно и хочет его погибели, то его бы уже давно не было в живых. Значит, такая цель, по крайней мере, пока, не ставится. Чего же хочет этот таинственный враг? Он хочет запугать его, Переплёта, и вынудить к бегству? Возможно. Он хочет свести его с ума? И это возможно. В этих двух случаях не надо бояться и не надо теревить свою нервную систему. Не надо. Что касается «надо»... Так вот надо срочно вычислить этого шутника. А для этого нужна фора по времени. И достигается она несложно: ОНО пусть думает, что план его удаётся. Васька Переплёт покажет, что он испугался, впал в депрессию и даже готовится к бегству. Этим

он подаст надежду на успешное в понимании таинственного врага развитие операции, чем усыпит его внимание и получит возможность нанести ответный удар.

Итак. Время терять нельзя, но и спешка излишняя делу способствовать не будет. Создать, и создать без промедления — как это сейчас называется? — рабочую группу. Досконально изучить ситуацию — до мельчайших винтиков и шпунтиков. Каждый работает в одиночку, сливает всю информацию лично Переплёту. Версия? Появилась новая тема, надо разобраться, покумекать — этого достаточно: много будешь знать, скоро... А что может случиться скоро, каждый человек, думающий и хоть иногда по сторонам оглядывающийся, знает и без подсказок и напоминаний. Руководитель — Очкарик. Пусть покомандует. А затем — и на отдых можно отправить, вечный отдых. А можно и не отправить — как карта ляжет. Версия для него? Обнаглевшие «варяги». Не поверит, догадается. Пусть — он умный. Но версия всё равно такая. Всё? Пока всё. К делу.

Глава 9

«Стоит помянуть дьявола, как он появится» — вроде так поговаривали во времена былые английские моряки. Вот и сегодня: стоило подумать о дожде, как... Слабый с каждой минутой затухающий ветерок утихомирился, и наступило тревожно—неприятное затишье, которое в сочетании с дальними грозowymi раскатами и явно ощущаемой повышенной влажностью воздуха назойливо нашёптывало: сейчас польёт, сейчас польёт. Ну, и, конечно, накаркало — затишье это самое, что перед бурей. Вода хлынула — как из брандспойта. Почерневшее в минуту небо вспорола на полгоризонта молния. Теперь гроыхнёт, подумал начальник оцепления и внутренне приготовился услышать раскат грома, не забыв при этом отсчитывать секунды: на каком расстоянии гроза? Но громовой вал нарушил мерный шум проливного дождя почти без паузы и заявил о себе настолько раскатисто и основательно, что, казалось, этот грохот плюс ко всем художественным характеристикам наделён ещё и качеством физическим — весом: мягкая, но вполне ощутимая тяжесть легла и голову и плечи, на мгновенье сковала движения. Ребята до нитки промокнули. Да и костёр этот, наверное, зальёт.

Эх, дать бы команду «отбой», но майор тут же погнал от себя прочь эту крамольную мысль: впервые за последние несколько лет нелепая процедура захвата условного противника выполнялась в сопровождении такого явного и никем не объясняемого прессинга. Вышестоящие товарищи явно нервничали. Явно. И он, человек вообще-то хорошо понимающий, что такое служебная информация, равно как и знающий, что нет ни одной глубочайшей тайны, которая бы рано или поздно не стала коллективным достоянием, осознавал, что, несмотря на всю неуклюжесть и даже нелепость происходящего, пришлось ему и ему людям стать участниками чего-то экстраординарного. И потому скоропалительных выводов не делал и старался не нервничать.

Вся информация, которой он обладал на этот момент, была крайне скудной. В степи обнаружен... костёр. Как он понял из отдельных слов и фраз, костёр какой-то необычный. Задача поставлена простая: оцепить, никого не выпускать, никого не пропускать. Что и было сделано. Какую может представлять опасность в приволжской степи костёр, никто не объяснял. Да, впрочем, объяснять и не должен. Как доложили наблюдатели, пламя шириной метра полтора, да высотой метра три вырывается как бы из земли. А ещё сообщили, что пропущена по спецпаролю в сопровождении самого комдива группа гражданских лиц в «будке» — машине то ли медицинской, то ли что-то из области химзащиты. Последнее не радует: потравят ребят к чёртовой матери, а потом заморочат голову подписками, да собеседованиями, полными намёков, вкрадчивых обещаний и завораживающих недомолвок.

Понятно, что нет необходимости делать носителем секретов каждого солдата, ни к чему это, да и ему же от такого широкого доверия может быть только хуже —

другого здесь не дано. Но командному составу в мирное время можно доверять? Случись какое ЧП — не обычное, не штатное, ведь никто с места не сдвинется, потому как не привыкли — с ни к доверию, ни к самостоятельным действиям. Что делать тогда, каким звёздам молиться? И если найдётся вдруг какой служака, уверенный в себе и решительный (верится с трудом, но всякое бывает), что ж ему при командирских погонах, дополнительный вес этой уверенности придающих, действовать вслепую, по наитию? А если это очередная покраска газонов, то на кой делать участниками этого казарменного цирка такую уйму народа? В такого рода содержательных мероприятиях можно обойтись и меньшей кровью...

А затем наблюдатели доложили, что «машина с гражданскими ушла», оставив недалеко от костра багрового лицом — надо полагать, от негодования — комдива, слава богу, при плащ-накидке. Тот выждал под дождём минут десять и дал отбой, при этом, будучи в состоянии раздражённом, сказал, неизвестно кому: пусть эти умники свой метан сами и тушат — нам он не мешает. Сказал-то он не так — соседствующие свидетели доложили слово в слово. Но суть его безадресного пожелания была именно такой.

Игорь Устинов, находившийся в командирской будке, долго смотрел через запотевшее стекло на удаляющийся костёр. Он был искренне рад, что никто из местного начальства не задавал лишних вопросов. Причина радости была банальна: к лишним он относил не те вопросы, на которые не имел желания отвечать, а те, на которые не мог ответить при всём желании.

Глава 10

Ночью бойня разыгралась на складе нешуточная. Это было ясно сразу. Когда в помещении два раза ухнул гранатомёт, и на асфальт посыпались оконные рамы, милиционеры из оцепления поняли, что дело — нешуточное вдвойне. Вмешиваться в разборку было нежелательно — потери большие, а толку никакого.

Стреляный боец из банды Переплёта взрывом гранаты шокирован не был. Но по ушам резануло серьёзно, отдало в затылок, придавило глаза — лёгкая контузия. Он быстро оправился и прикинул, что в пистолетной обойме осталось четыре патрона. Осторожно прошёл вдоль стены, пригибаясь на директрисе стрельбы возможных снайперов. Вот он, покойник.

Осторожно, не убирая палец со спускового крючка, подошёл к лежащему на спине человеку. Опустился на корточки, внимательно осмотрел. Переплёт. Точно Переплёт. Боец попробовал сонную артерию. Теперь ясно — пахана нет. Вернее, он есть, но это уже не пахан — кусок мяса. А это значит, что впереди разборки, передел и прочие прелести. Работы будет много. Боец уловил движение и в одно мгновенье понял, что оглушённый взрывом он потерял бдительность: невдалеке стоял человек. На него падал лунный свет — сверху из окна. Стоял спиной и не двигался.

Свой — не свой? Может, кажется? Вокруг стрельба, на улице менты, а этот замер, как изваяние. Изваяние шевельнулось, медленно повернулось и сделало шаг в его сторону. Лунный свет из окна чётко обрисовал и лицо, и фигуру. Боец узнал незнакомца. Посмотрел на покойника, затем — на странно ведущего себя мужчину. Боец не впал в ступор, но чётко осознал, что, если останется жив, да ещё выберется из этой западни, то работы будет точно очень много. Человек понимал, что боец его хорошо видит, понимал он и то, что в любой момент этот ловкий сидящий на корточках парень может выстрелить. Поведение его было неадекватным ситуации. Он улыбнулся и медленно поднёс палец к губам — тихо, не дёргайся.

Боец его понял, к своему удивлению успокоился и всё же украдкой и с опаской глянул на покойника у своих ног. Для полной ясности надо бы сделать контрольный выстрел, так он почему-то решил. Человек словно прочитал его мысли и согласно и выразительно кивнул. Боец незамедлительно сделал труп вдвойне мёртвым.

Стоявшая в оцеплении милиция отметила, что дело идёт к концу — изредка звучали лишь отдельные пистолетные щелчки. Подполковник, обращаясь к молодому оперу Сергею Панину, поинтересовался:

— И где этот Му-Му набрал бойцов? Ведь не было движения, не было!

На что Сергей ответил:

— Он мог их вообще не набирать.

— Откуда же тогда это... этот ночной праздник?

— Он мог действовать один, — упрямо и зло ответил Сергей.

— Ты опять за своё? — подполковник слегка вспыхнул. — Ну, двойник — чёрт с ним! Но он что — спец? Это какой надо иметь уровень?

— Будучи двойником, можно так все замутить, что и уровень не понадобится, — возразил Сергей.

И, видимо, в его словах был резон. Подполковник согласился:

— Возможно.

— Столкнул лбами. Темно, да и нервы не железные, — продолжил Сергей. — Оба они нам нужны, оба. И они там — увидите.

Подполковник бросил на Сергея взгляд строгий, но уважительный — сам в молодости был строптив. Глянул на часы. Стрельба утихла три минуты назад. Можно было пускать спецназ. И там — хрен с ними со всеми — бандитами, двойниками и строптивыми операми. Лишь бы без потерь.

Таким было предисловие к встрече, состоявшейся днем позднее.

Игорь Устинов не стал усложнять и без того непростое дело — назначил встречу Сергею Панину в парке, на скамеечке. В основном он был знаком с информацией по интересующему его делу, но во всех отчётах явно просматривалось желание свести громкий инцидент к очередной ординарной бандитской разборке и не давать ходу каким-либо сомнительным и тем более мистическим толкованиям. Такая позиция не удивляла, она была естественной, и посему Игорь вовсе не собирался устраивать дополнительные потрясения там, где и обычных потрясений хватало.

— То есть — необычный двойник? — продолжил разговор Игорь, выслушав предположения молодого опера.

— Очень даже необычный, — Сергей нервничал, в его тоне присутствовал лёгкий вызов. — Я это утверждаю. И дело здесь не только лишь во внешнем сходстве. Поймите... Ну, похож. Ну, грим... О гриме, кстати, в акте экспертизы — ни слова... Есть объективный набор: шутки, присказки, ключевые слова и обороты, интимное поведение, так сказать, жесты... Это уже не внешняя схожесть. Он такого накуролесил. Всю братву развёл, всё окружение Переплёта. Я всё сопоставил. Это — не просто двойник приодетый, да подмазанный. Это — одно и то же лицо.

Игорь был согласен с Сергеем. Он как никто другой осознавал объективность выводов молодого небесталанного парня. Но не мог же он принять его в свои добрые объятия и успокоить примерно следующим образом. Да, так оно и есть, у некоторых людей в последнее время появились дубликаты. Это антинаучно, это алогично, но это так. И об этом надо сейчас же рассказать твоему любимому подполковнику, чтобы тот рассказал генералу, а затем довести эту информацию до всего личного состава в общем и до каждого гражданина в частности.

Ещё можно было добавить, что недавно одна немолодая дама грохнулась в обморок, встретив на улице своего покойного мужа. Однако гражданин этот оказался родным братом мужа — их разлучили давно и трагично. Однако это земное объяснение вовсе не исключало другие случаи, имеющие формат настолько сложный и разнообразный, что, если даже набраться смелости и начать разговор на эту тему с неподготовленным человеком, всё равно этот разговор окажется неоконченным, так как желанный конец всей этой чертовщины, похоже, находился за пределами понимания и восприятия. Поэтому Игорь предпочёл промолчать и оставить своего интересного собеседника в неведении.

Получалось, что автор этой трагикомедии — Му-му. Когда его подобрали, он только мычал и ни одного слова, тем более фразы не мог произнести. Затем психбольница, затем бегство, затем ошивался в Молокамске, просил милостыню, бормоча что-то невнятное, затем быстро поумнел и пропал...

— Понимаю — бред, — продолжил Сергей. — Мне тоже непросто было согласиться... с самим собой. Но — один... настоящий Переплёт, а второй его полный двойник. Невозможно добиться такого сходства ни легендированием, ни актёрством. Невозможно! Впрочем, вы и сами можете убедиться. Хоть сейчас. Если разрешат.

— Мне — разрешат, — сказал Игорь. — Ты холодильные камеры сам осматривал?

— Да. В одной — Переплёт. А в другой — тот, второй.

— И как ты их различаешь?

— По ранениям.

— То есть?

— Тот, второй, пытался уйти с бойцом Переплёта. Как уж они спелись, не знаю. Боец рванул в подвал, а тот, второй, замешкался, остановился и затем — тоже нелепость какая-то — вышел навстречу нашим. Слово отход прикрыл. Ну, и дыркнули его основательно.

— Так он ещё и герой? — спросил Игорь.

Сергей затравленно глянул на Игоря, Он уже устал от обвинений, намёков, приколов, иронии и прочих проявлений отношения к своей персоне со стороны коллег по работе и начальства.

— Не знаю, если и герой, то не нашего романа.

Глава 11

От звука дверного звонка Виктор Фёдорович вздрогнул. Заметно обрюзгший, с трусоватыми бегающими глазами, он, чертыхаясь, направился к двери. Дом — надёжный, люди в нём живут достойные, потому открыл, не спрашивая. В прихожую весьма нахально протиснулся прилично одетый, не молодой, но молодцеватый гражданин:

— Евгений Харламов. Институт универсальных проблем. Кандидат. Без пяти минут доктор. Возглавляю отдел. Несказанно рад встрече с коллегой по творческим мукам. По мукам творчества, я имею в виду.

Виктор Фёдорович несколько опешил от неожиданного напора:

— В столь ранний час...

Незнакомец нисколько не сконфузился:

— Ранний? Это же чудно, Виктор Фёдорович! Доброе утро!

Ну, что тут скажешь:

— Доброе, доброе...

Женя окинул взглядом прихожую, слегка поморщился и продолжил атаку:

— Я ненадолго. Сам терпеть не могу, когда ко мне вот так. Хе-хе. Но!

Он торжественно указал пальцем в потолок. Виктор Фёдорович проводил жест взглядом — на потолке ничего не было. Женя пояснил:

— Дело моё — чрезвычайно важности! И без вашего участия... всю чрезвычайность... жалко и нелепо теряет!

Виктор Фёдорович ничего не понял. Но довольно странная вступительная часть подействовала. Он предложил:

— Проходите, обсудим.

Расположились в зале. Удобные кресла, журнальный столик. Женя достал из бокового кармана пиджака потрёпанную пачку «Беломора», ловко выбил из неё почему-то сигарету. Из другого бокового кармана вынул роскошную громоздкую зажигалку. Вопросительно посмотрел на Виктора Фёдоровича, прикурил и уже затем спросил:

— Миль пардон! Курить можно? Пристрастился, знаете ли, здесь у вас...

Виктор Фёдорович неуверенно пожал плечами, достал из нижнего отделения столика пепельницу, подвинул гостю. Он обычно курил на кухне, но жена в отъезде — что уж тут. Женя со вкусом затянулся, с восхищением посмотрел на сигарету и, как надеялся хозяин квартиры, приступил к делу.

— Цель моего визита — инновации. Ваши инновации, — весомо произнёс Женя и торжественно замолчал.

Виктор Фёдорович понял, что пассивным оставаться нельзя.

— Простите... Какого института?

— Универсальных проблем. Повезло с вакансией. Платят. Статус приличный. Финансирует несколько банков. Поддерживает Лига наций... Всё путём, — говорил он скороговоркой, при этом оптимистично подмигивал.

Виктор Фёдорович смутился и нерешительно заёрзал в кресле.

— Лига?..

— Лига? Да, шут с ней — с лигой этой. Вы не о том думаете. Вы... Как бы так выразиться убедительно... Вы — автор иницилирующего проекта. С чем вас и поздравляю!

— Вы имеете в виду... — начал Виктор Фёдорович и тут же поймал себя на мысли, что понятия не имеет, что мог гость иметь в виду. Однако визитёр был настроен на продолжение. Он перешёл на торжественный тон:

— Да! Да! И ещё раз — да! Где документы?

Обескураженный Виктор Фёдорович захотел определённости:

— Какие?

Женя пояснил кратко:

— Последние, конечно. Что на техсовете обсуждались. Ранние креатуры рассмотрим в далёком будущем.

— Но... Это — служебная документация, — нашёл в себе силы слегка возразить Виктор Фёдорович.

Незваного гостя это несколько не смутило:

— Я в этом не сомневаюсь. То, что вы делаете на службе, — это служебное. То, что вы делаете дома, это — домашнее. А если вы думаете дома, а чертите на работе, то тогда — какие это документы? А если вы, к примеру, творите на балконе, а то и в каком-нибудь другом, вовсе не подобающем столь ответственному процессу месте? На яхте с друзьями, в личном самолёте... блондиночка рядом? — неся эту несуразицу, он игриво подмигнул и продолжил: — Можно посмотреть, другой?

Виктор Фёдорович впал в состояние зомби. Сам себе удивляясь, он встал, пошёл в другую комнату и возвратился с большой конструкторской папкой. Медленно разложил на столе чертежи.

Женя наполнился восхищением:

— Колоссаль! Колоссаль! Беллисимо! Удивительно: на этой планете, в этой стране, в этом городе, в одиночестве, без поддержки и локтя... Я и не сомневался!

К искреннему восхищению прибавилась торжественность:

— Прекрасный унитаз!

Виктора Фёдоровича покорило такое дилетантство. Он поправил:

— Это биде.

— Биде так биде. В любом случае — оригинальное решение! Сокрушительный авангард!

Женя закрыл папку. Строго и решительно посмотрел на автора проекта. Достал из внутреннего кармана пиджака очки — добротные, модные, дорогие. Надел их. Он был краток.

— Беру. За триста, — решительно сказал он и, заметив замешательство Виктора Фёдоровича, пояснил: — В долларах. Только в долларах.

Это была редкостная удача — втюхать никчёмные, мягко говоря, позаимствованные разработки за такие деньги. Однако Виктор Фёдорович заставил себя поторговаться. Он уже понял, что пришёл к нему какой-то прохвост-заочник. Как ему казалось, ответ был жёстким:

— Пятсот, — решительно произнёс он. Нервы сдали, и автор проекта учтиво, проникновенно, с расстановкой пояснил: — Подарок хочу себе сделать. Спиннинг... Природа...

Реакция Жени была вполне положительной:

— «Откуда мы пришли, куда свой держим путь...» Помните у Омара Хайяма? Интересно, он рыбалкой увлекался? В вас есть что-то общее.

Женя суетится. Достал правой рукой из-за кресла портфель, поставил его на столик, вынул из него приличных размеров дипломат и выложил его рядом. Виктора Фёдоровича существенно смутил тот факт, что гость пришёл с пустыми руками. Впрочем, мог и не заметить, подумал он. Женя прервал его мысли:

— Здесь пятсот. Фирма фиников не вяжет.

А затем случилось то, о чём Виктор Фёдорович успел только подумать. Женя быстро встал, сгрёб чертежи, небрежно запихал их в портфель, расшаркался и стремительно попятился к выходу. Виктор Фёдорович пошёл проводить, фиксируя взглядом дипломатик, лежащий на столе, и пытаясь понять, о каких финиках говорил нагловатый гость. Прощание было душевным и кратким.

— Чао, мой друг. Желаю вам стать графом и вставать каждое утро с настроением на великие дела. Чудесный иницирующий проект, — сказал Женя, будучи уже в прихожей.

— Я тоже... Почему... Такая встреча... Смывной бачок... Справа... А если человек левша?... Не так просто... — внёс свою лепту в прощальный диалог Виктор Фёдорович.

Женя изящно выскользнул. Виктор Фёдорович поспешно прикрыл дверь, он услышал, как Женя с прискоком спускается по лестнице и напевает что-то на итальянском языке. Итальянского языка он не знал, но почему-то решил, что это именно так.

Глава 12

Скорость была сумасшедшая. Дома, окна, витрины, киоски мелькали, как в недобром калейдоскопе. Машины — и встречные, и поперечные, и следующие в направлении движения — замерли. Он нёсся по городской улице, как на учебной гонке с препятствиями. Спасибо — научили!

Резко свернул, визг тормозов, арка, поворот и всё — дальше некуда. Две пожарные машины, соседи, зеваки, развёрнутые шланги, от них почему-то идёт пар, и скорая медленно ползёт сквозь толпу зевак и, не смотря на вопящий мысленный призыв обождавать, набирает скорость и неумолимо удаляется, оставив бешенный стук сердца, холодный пот на спине и отчаянную надежду. Судя по всему, пожар уже был потушен, но из окна квартиры всё ещё валил чёрный дым.

Лакуна.

И доктор смотрит холодно, не мигая. И прочесть в глазах что-либо невозможно, и читаешь в них то, что хочешь прочитать. И язык не поворачивается, но говорить надо:

— И сколько это может продлиться? Процесс обратимый?

И звучит ответ:

— Мальчик пережил сильный стресс. Всё время говорит про сгоревшие игрушки. Снятся они ему. Делаем всё возможное... На быстрый успех вряд ли можно рассчитывать...

Игорь уже проснулся и разделял сон-воспоминание и явь. Самолёт стоял на бетонке, пассажиры суетливо пробирались к выходу. Ненавистные сны! Последнее время чаще и чаще — как напоминание: ну, не сиди, не спи, делай же что-нибудь! Реальное, волшебное, сказочное, оккультное, сумасбродное — что угодно, но делай.

Игорь был уверен, что необычные молокоамские события получат необычное продолжение. И всё же, выслушав по телефону сообщение молодого опера, замер и несколько минут не мог решить, что делать: чертыхаться или креститься.

Санитара, дежурившего ночью в морге, откачали, затем накачали, затем доставили в отделение пограничных состояний. Инцидент ввёл дежурного медработника в душевный штопор, и потому трудно было судить о его впечатлениях. Они, впечатления, просто отсутствовали: когда его нашли, он был в стельку пьян и спал. Однако обрывки воспоминаний сохранились, что прибавило несколько положительных баллов в пользу употребления медицинского спирта.

Картина нарисовалась следующая. Санитар услышал ночью подозрительные звуки и пошёл в холодильное отделение. Звуки доносились из камеры, где пребывал двойник Переплёта. Затем дверь камеры была выбита мощнейшим ударом изнутри, и пациент, крайне недовольный своим заточением, выбрался на свет. Фигурант осмотрелся, успокоился и вежливо поздоровался за руку с впавшим в ступор санитаром. Поблагодарил его за гостеприимство и внимание к своей персоне, раскланялся и ушёл.

И опять детали. Санитар — изрядно обрусевший армянин. И утверждал этот безвинно пострадавший, основательно подзабывший родной язык, что общался пациент с ним по-армянски. Так что, было, отчего приложиться — сначала к мензурке, затем к колбе, затем к бутылки. Ну и приложился...

Глава 13

Виктор Фёдорович Амбросимов, расставшись со столь странным визитёром, облегчённо вздохнул и тут же одёрнул себя: не расслабляться! Замочек был простой — открыл. И взору его предстали аккуратно уложенные пачки долларов в банковской упаковке. Абсурд продолжался. Осторожно достал и аккуратно разложил пачки на столике. Рассмотрел пачки, купюры. Никак не мог сообразить — сколько? Сосчитал пачки, затем ещё раз и... ещё раз. Разорвал упаковку на одной из них, пересчитал. Запутался. Взял ручку, листок бумаги. Опять пересчитал. Получилось пятьсот тысяч долларов.

Виктор Фёдорович не был эрудитом, но как-то неожиданно ему вспомнилось: "Внезапна радость, как скорбь, ума лишает". А вдруг этот тип сейчас вернётся? Извините, скажет, забыл случайно, зарплату сегодня получил, понимаете ли. И руку тянет — настойчиво так. А я ему по руке, в потом... Виктор Фёдорович настолько ясно представил себе перекошенное болью испуганное лицо недавнего визитёра, что ему стало не по себе: шум какой-то в ушах, ноги обмякли. И видится ещё дальше, за лицом этим, островок песчаный среди голубых волн и профиль прекрасной незнакомки, увиденной однажды им в отделе кадров... Прекрасной и недосыгаемой. Тогда не досягаемой!

Он взял несколько бумажек из надорванной пачки. Посчитал. Девять. Оставил пять. Надо пойти проверить. Деньги взять с собой или оставить? Что опаснее? Об опасности думать нет смысла — ничего не понятно. Взял портфельчик, хотел сложить в него деньги. Нет. Если с деньгами подвох, то и с портфельчиком может

быть связана какая-нибудь пакость. Сложил пачки в полиэтиленовый пакет и — в письменный стол.

На улице он раздумывал. Надо проверить деньги. Как? Попросить, чтобы всё пять купюр пропустили через детектор? Нет. Засекут. Он поступил мудро: прошёл по пяти обменным пунктам и поменял всё пять купюр. Деньги — настоящие. Мафия? Какой смысл? Разведка? Мои услуги столько не стоят! Какие услуги, он для себя не определил. Евгений — сумасшедший? Ограбил банк? Слишком сложно — так не бывает.

Виктор Фёдорович перебрал ещё несколько версий. Пришёл к выводу: видимо, в его разработках действительно есть нечто, о чём он сам пока не знает, и это нечто представляет потенциальную ценность. Копии чертежей ценности не представляет. Ему заплатили за мозг. И в этом нет ничего удивительного. А посему, сделал вывод внезапно разбогатевший Виктор Фёдорович, просто так никто не платит. Никакие секреты он не продавал. Это важно. Это главное. Ему просто дали карт-бланш: живи, трудись, твори. Возможно, вскоре последует более серьёзное предложение — кадрового плана. Больше на ум ничего не шло, да и голова болела — столько всего навалилось...

Виктор Фёдорович уже собрался домой. Но тут он заметил, что его окружает Мир: действующий фонтан с весело барахтающимися в болотной воде детьми, деревья, не поддавшиеся иссушающим лучам необычно жаркого солнца этого необычного мая, десятки лиц суетящихся прохожих, отмеченные печатью круглосуточной заботы, ребёнок, которому пока всё по фигуре, так как он ещё только мчит на красно—голубом самокате к этим самым изматывающим и унижительным заботам, юные дамы в юбках с ножками и в брюках без ножек, весьма однозначно корректирующие направление поиска смысла жизни, и даже разочаровавшийся в определении этого самого направления гражданин вселенной — подвыпивший бомж, расположившийся на скамье напротив и внимательно изучающий оставленную кем-то газету...

И ноги сами понесли. Ему захотелось хоть на мгновение почувствовать себя человеком! — выпить коньяку. Но нельзя — засекут! Выпил водки, закусил лимоном. Выпил ещё — закусил бутербродом с сыром. Пошёл в другой бар. Выпил коньяку, закусил шоколадным батончиком. Отоваривался в разных магазинах. После долгого боренья с самим собой Виктор Фёдорович приобрёл: два сырка "Дружба", палку брауншвейской колбасы, банку шпротов, две бутылки водки (вторая на всякий случай), устройство для заточки ножей, бутылку кетчупа, белый батон, копчёную горбушу. Виктор Фёдорович купил большую кожаную сумку, сложил в неё покупки. Зашёл в бар и принял ещё коньяку.

Покупки второго эшелона: баночка красной икры, пачка масла, бутылка коньяка (пусть будет!). Всё — хватит. В спортивном магазине были приобретены изящный импортный спиннинг с безинерционной катушкой, красивый раскладной нож отечественного производства — металл лучше! — и два прекрасных длинных сверхчувствительных поплавка.

Виктор Фёдорович всё же время от времени себя одёргивал себя: мол, не зарывайся, держи себя в рамках. Но вскоре лёгкое головокружение осторожно спросило его: тебе не стыдно перед собой? Как это так: прожить всю жизнь в страхе, не совершить ни одного поступка. Он не смог припомнить случая, чтобы он послал всё к чёрту и реализовал, не смотря ни на какой дискомфорт, хоть какую-нибудь мало-мальски безумную затею. Всё время что-то мешало: то не было денег, то жена имела своё особое мнение, то возникало беспокойство по поводу того, что подумают на работе, то лень-матушка, родившаяся не во время...

Дома Виктор Фёдорович принял под колбаску, под горбушку, под икорку и под отбивные. Прикинул: чем я хуже этого сопляка Кувычкина? А не подкатиться ли к секретарше Яне? Право я имеющий о нот ту би? Подкатиться этак элегантно и... гарантированно. Не раскрывая, конечно, при этом полностью своих финансовых возможностей.

Вектор мыслей уж было совсем сформировался, но позвонили с работы — начальник отдела. У начальника возникли трудности с подготовкой отчёта. Виктор Фёдорович почему-то обращался к своему шефу весьма своеобразно: "ваше ренегатство" и "ваше милопроходимость", при этом намекая, что у плохой балерины пуанты всегда развязываются в самый неподходящий момент.

Шеф сказал, что надо закусывать. Виктор Фёдорович сообщил, что если бы его телефонный оппонент закусывал так, как он сейчас обедает, то его прокрустовова рожа давно бы треснула и директорат отправил бы его в племена гогов и магогов составлять отчёт о приготовлении гоголя-моголя, ибо на большее он не способен. Шеф переспросил: вы ли это? Виктор Фёдорович отреагировал сурово: я — кто же ещё? И сообщил, что не собирается ежедневно совершать двенадцать подвигов Сизифа (каламбур ему очень понравился, он восхищённо икнул) и заниматься фигурным копанием ямы для ближнего. На последней фразе он игриво хихикнул, решительно бросил трубку и стал искать записную книжку с номерами телефонов. Пока дошёл до буквы "Я", принял ещё. И это была его ошибка...

Глава 14

Игорь Устинов шёл по Городу уже восемь минут. Объект, имеющий до десятка официальных и неофициальных названий, принял его — к такому выводу пришло руководство. Интересная логика, размышлял Игорь: если не погубил — значит принял. Только любовь и нелюбовь. А как же дружба, соседские отношения? Пока он принял, пока не погубил. А если он губит, но медленно? Длительное сиденье на стуле можно рассматривать как прямой путь к геморрою, а можно — и как гиперзамедленный пинок в зад.

Утром прошёл дождь — явление крайне редкое для этих мест. Казалось бы, хорошо: пыль прибьёт. Но нет здесь пыли. Почти нет. Посему неестественно чисто.

И настроение неважное — словно тебя берут железной рукой за горло, бьют головой о стену, при этом ничего не объясняя и даже не приговаривая. Только сам понимаешь: это уже не злая шутка и не превратности судьбы, это — конец, это два конца, это — безнадёга. Если человек сходит с ума, значит, это кому-то нужно? Кому нужно, чтобы в городе не оказалось ни одной машины? Почему здесь вообще нет птиц? Они-то кому помешали? Да и в птицах ли дело? Кому птицы, кому тайны вселенские. Он вспомнил, что гость ни разу в разговоре с ним не упоминали птиц. Но стоило ему рассказать про пернатых, как они сразу начали фигурировать в его рассказах. Впитывают, как губка.

Обошёл кучу мусора (и мусор, словно декорация), покрывающую предполагаемую проезжую часть. Игорь рассеянно смотрел на дорогу и отметил тот факт, что каждый раз, когда он по ней проходит, его посещает один и тот же не прорисованный образ. Он подбирал слова, сравнения, стараясь хотя бы для себя его расшифровать, но к чему-то законченному, конкретному не пришёл. Он не раз пытался представить, как по этой дороге во времена какие угодно — недавние, стародавние, незапамятные и прочие — передвигались, например, кареты, паровые автомобили, танки, гигантские позолоченные шестиногие тараканы... И не мог: какой-то участок мозга, отвечающий за «ведомство третьего глаза», интуицию, недискретные мыслительные функции и ещё, чёрт знает, за что, нам не понятное и нами не контролируемое, строго говорил ему: «Не было этого! Не было!» Не было

— и всё. И понимай, как хочешь. И этот же пресловутый советчик уже не так строго, но назидательно-вкрадчиво подсказывал: «И не будет!»

Как это «не было» и «не будет»? — со слабой надеждой спрашивал Игорь это своё маленькое «я», но ответа не получал: мол, тебе подсказали, и хватит, хорошего помаленьку. И если упростить, что Игорь и пытался неоднократно сделать, то представлялась ему эта дорога, как и всё здесь происходящее и виденное, чем-то вроде проездного билета: сейчас он и нужен, и важен, но ни вчера, ни завтра у этой бумажки нет. Это пренебрежительное сравнение он гнал от себя: с Городом так нельзя! И тут же оправдывался: почему пренебрежительное? Проездной билет способен куда угодно завезти: он может быть и путеводной звездой, и недобрым ауканьем в тёмном лесу. И всё же упомянутую оторванность и от прошлого, и от будущего он чувствовал постоянно. Что-то в этой дороге было временное, пробное, экспериментальное, случайное — неосновательное и сиюминутное. Как, впрочем, во всём, здесь происходящем.

Ходит упорный слух, — а как ещё можно назвать непроверенную информацию? — что ребята, некоторые из поисковиков, нарвались на неприятности. Один из таких «перво-» забрёл в квартиру, по предварительным данным пустовавшую, и увидел там повешенного. Мало того, что повешенного, так ещё и почти живого — болтался в петле и доходил, что называется. Мало того, что почти живого... Это был он сам. И вытащил он из петли себя. И откачал. Потрясение было не слабым. Висельник оклемался и, попросив в изысканных выражениях подождать и пообещав ВСЁ объяснить, преспокойно удалился.

Бедолага ждал его, ждал, затем возвратился на базу и по всей форме доложил о происшествии. На этом его карьера поисковика закончилась. Прошло чуть больше месяца, и неудачливый визитёр покончил жизнь самоубийством через повешение. Вот и гадай теперь: или он подсмотрел фрагмент своего будущего, или событие это невесёлое стало толчком, спуском курка, последней каплей, наполнившей до краёв одному покойнику известную душевную чашу. И чаша эта переполняется здесь форсажным порядком.

И гонит от себя Игорь сон один жуткий, иногда в памяти всплывающий. Подходит он к двери — новой, лакированной, открывает без страха, волнения с особым чувством зреющей надежды и видит картину. Сын его — сейчас ещё маленький, а там, в квартире, повзрослевший, очень повзрослевший, но всё равно он, сразу понятно, стоит голый перед большим зеркалом и кривляется. И в зеркале виден он весь, и видно отражение его безумного лица, перекошенного гримасой дебильного счастья. А глаза наполнены бездонной потусторонностью...

Чем сон навеян, понятно: болен мальчик. Но чувство это — перед дверью — особое что ли. Как в детстве: проснулся как-то поздно, солнце давно взошло, светло, радостно, и кажется, ждёт тебя большое, светлое, и ждёт именно сегодня. Это он, тот день, напоминает о себе через годы: открой дверь! Но годы эти про день тот, полный надежды, подзабыли и прилепили недобро к светлому воспоминанию страшную комнату — уже не из детства.

Деревьев, урн, клумб нет. Дома выполнены под старину, 2-3-этажные. Подошёл к подъезду. Интересное решение: оформлен в виде арки, обложен камнем. Красивая массивная деревянная дверь открыта.

Остановился. Навстречу из-за угла вышли две человеческие фигуры. Два мужчины, судя по одежде, причёскам и лицам. Шаг левой ногой, правая подтягивается и становится рядом, опять шаг левой ногой и опять правая подтягивается... Сначала было страшненько, затем забавно, теперь опять страшненько.

Пара приблизилась. Мимика почти отсутствует. У того, что слева, в руке портативная рация. Похожа. Игорь бросил взгляд на свою: на месте. Гость смотрит на рацию как на игрушку и выдавливает на лице нечто вроде улыбки. Второй неловко и неуверенно пытается её выхватить. Не получилось. Игрушка падает и разваливается на две части. Игорь присмотрелся — два куска пластмассы, имитация. Прогуливающиеся господа не оборачиваются, удаляются. Тот, который был слева, приостанавливается, оглядывается. Его лицо приобретает нормальные человеческие черты. Он приветливо улыбается. Отворачивается, делает несколько нормальных уверенных шагов, догоняет своего спутника, и они вновь экзотически ковыляют.

Игорь постучал пальцем по стене — камень, как и прежде. Отщипнул от двери, кажущейся деревянной и плотной, кусочек материала — застывшая пена. Вошёл в подъезд и замер. Всё — как дома. Почти как дома. На стене почтовые ящики. Не оригинально, только и подумал Игорь. Открывать не хочется. А ключа-то у меня нет, вспыхнула в голове радостная мысль. Но ящик не заперт. Что ж... Отбросил с вызовом крышку. Надо же, он укоризненно покачал головой: книга в мягкой обложке. Посмотрел обложку, полистал и пробормотал: «И это не оригинально...»

Положи книгу в карман куртки. Медленно поднялся по лестнице. На площадке одна дверь. Справа. Вопросительно и иронично посмотрел налево. Глухая стена. Усмехнулся: «метаморфоза».

Постучал пальцами по двери. Тишина. Постучал сильнее. Дверь твёрдая, но звука от его барабанных попыток не слышно. Удовлетворённо кивнул головой, толкнул, зашёл. Коридора нет — сразу большая комната. Кресло, письменный стол, на нём бумаги, большой старинный стул. Вдоль стены стеллаж с книгами. Виден затылок Астуса. Пригласившая сторона не спешит поворачиваться.

Астус задумчиво смотрел в окно. Его лицо было копией лица Игоря. Он сделал лёгкое круговое движение головой и мгновенно преобразился — серьёзный солидный мужчина средних лет. На письменном столе в беспорядке бумаги, корявые детские рисунки. Астус наконец соизволил повернуться. Игорь присел на стул.

— Здравствуйте Астус...

— Доктор Астус.

— Здравствуйте, Астус. Вы хотите следовать примеру доктора Самоа... Но вы не доктор. Вы — Астус. Кстати, кто он — этот доктор Самоа? В ходе краткого общения с ним мне выяснить ничего не удалось. К сожалению.

Астус отвесил лёгкий поклон и даже изобразил улыбку.

— Может, и не к сожалению. Я не могу знать, кто он, доктор Самоа. Я даже не знаю, как он выглядит. Истинно выглядит... Странник, наблюдатель, посторонний, прохожий... Мне этого знать не дано.

Игорь не был перегружен иллюзиями и не надеялся ни на откровения, ни на ясность. Но на зацепку, ценную крупницу рассчитывал. И потому, не меняя тона, продолжил:

— Мы оба испытываем дефицит информации и... понимания происходящего. Сегодня я хотел поговорить об Огнях Большого Города.

Астус оживился:

— Это место так называют?.. Красиво. Что о них говорить... Обыкновенный пустырь. Днём — ничего. Ночью — светлячки какие-то летают, да с людьми неприятности иногда происходят.

— У этой красоты уже две жертвы. Один человек сошёл с ума, второй...

Собеседник прервал:

— Другой обрёл ложное счастье.

— Он исчез, — поправил Игорь.

— Если он здесь исчез, это вовсе не означает, что он нигде не появился...

Чёртова кукла опять игралась. И что оставалось? А ничего — продолжать:

— Я рассчитывал на помощь...

— Я — тоже...

Если он впитывает, как губка, должно же в нём рано или поздно появиться что-то человеческое, подумал Игорь и слегка довернул:

— Я не хочу оскорбить ваши чувства... И чувства тех, кто с вами...

— Чувства? Вы о чём? И мрак опустился. А что может быть страшнее мрака? — подумал и продолжил: — Мраком рождённое...

Проще, конечно, встать и уйти, но надо продолжать:

— Я не могу не сказать: как-то это всё нелогично и... безжалостно, что ли... Понимаю: имеем дело не с моделью катастрофы, которая включает сам факт катаклизма и последующий этап устранения его последствий. Мы вступили в новое качественное состояние, мы находимся в этом состоянии, мы не знаем, что значит улучшить или ухудшить имеющийся статус, мы идём на ощупь. Скажите... Вы — тоже идёте на ощупь?

Астус оживился, но его настрой Игорь понять не мог. Да и зачем его понимать? Тигр, наверное, может улыбаться, дельфин точно может, возможно, и змея... Только улыбки эти разные. А что касается куклы, робота... Ну-ну? То что? Нет ответа. А посему сиди и слушай. Астус изобразил задумчивость:

— Насчёт безжалостности... Я узнал здесь много странных слов и понятий. У вас есть прошлое, настоящее и будущее... У меня и у других прибывших нет прошлого и, думаю, нет будущего. Метаморфоза. Мы возникли из ниоткуда. Из ничего. И я только недавно начал понимать, что такое безжалостность... Вы задаёте странные вопросы.

— Своё появление вы называете метаморфозой... — Игорь уже просто цеплялся за хрупкую нить разговора.

— Надо же его как-то называть... Итак, Вы хотите знать, контролируема ли ситуация. Чёткий ответ снял бы всё ваши тревоги. Вот видите, вы опять тяготеете к чудесному избавлению. Во всяком случае — к надежде на это избавление.

— Признаюсь, что это так, — выдавил Игорь

— А если я вас обману?

— Зачем? — Игорь приготовился к очередному алогизму.

— Действительно, незачем. Вы и так находитесь в витиеватом лесу изысканных заблуждений. Допустим — контролируема. И что вам это даёт? Вдумайтесь!

— Стараюсь... — честно ответил Игорь

— А если это природное явление — как землетрясение, цунами, которое не имеют морали, политических или других целей...

— Природное явление тоже поддаётся контролю...

В глазах Астуса родилось удивление:

— Поддаётся... От того, что цунами будет ускорено или замедлено — вам станет легче?

— Нет.

— Значит, и интерес ваш праздный.

Попробую напрямую, подумал Игорь:

— Я понимаю. Но хотел бы знать: это — наказание, пощёчина, назидательный шлепок по задку или случайность?

— А ваши эксперименты тучевые — это игривый шлепок по задку или игра случая?

Так, опять трёп — сколько человек существует, столько и экспериментирует. Причём здесь тучевые? Надо что-то отвечать:

— Это процесс, движение...

— И это процесс, — Астус был неумолим и уже невыносим.

— И всё же я не понимаю... — только и осталось пробормотать Игорю.

— А вам и не понять... Вы — как медведь, спящий в берлоге. И берлога эта ваша малая, очень малая вселенная.

Кукла уже начинает учить. Но не сама же она, или он... Попробуем ответить:

— На смену сну приходит пробуждение...

— Вот и пробуждайтесь.

Похоже, аудиенция закончилась. Расстаться надо добрыми друзьями.

— Спасибо за беседу, Астус. Пожалуй, я откланяюсь. Дел много.

— Погодите... Насчёт доктора Самоа... Я действительно не знаю, кто он. Удивительно, что я вообще что-то знаю. Неведомо мне, и почему выбрали меня.

Астус замялся, была видна внутренняя борьба. Он сжал подлокотники кресла, с тревогой посмотрел в окно и затем, видимо, решившись, тихо сказал:

— Я теряю сформировавшуюся память. Крутятся какие-то обрывки, и я уже не могу понять: то ли это отрывки воспоминаний, то ли новых знаний. Если интересно понаблюдать за процессом, приходите чаще. А то может случиться так, что во время следующего визита здесь буду уже не я, а кто-то другой. В моём обличье. Возможно, в обличьях. И с моим именем. Как бы то ни было...

Астус замолчал и опять посмотрел в окно. Человек так шею не повернёт. Взгляд его был тяжёл:

— Игорь, будьте осторожны. Я вас прошу — будьте осторожны и оставайтесь самим собой. Я верю в вас. То, что с нами случилось, произошло... Я не могу подобрать слова. Происшедшее для вас обозначает границу между тем, что было и что стало. Мы же, как вы говорите, гости, представляем из себя только то, что стало. Вы можете это понять?

На Игоря смотрела уже не механическая игрушка. Взгляд Астуса был осмысленным и глубоким. Он горячился — это было впервые — и с истерическими нотами в голосе добавил:

— Вы можете это понять? Какая нелепость! И какая трагедия. Мне уже несколько дней снится пожар. Но я никогда не видел пожара...

...И вновь дорога. Уже сухая.

«Снится ему... А спит ли он? Видите ли, никогда не видел пожара... А что он вообще видел? Пока им не расскажешь, память их забита неким универсальным содержимым. Модель мира они выстраивают самостоятельно. Ну, накачали их, наполнили эти заводные игрушки ментальным содержанием. Но ведь, осознавая себя, они, если не всё, но единицы могут воспротивиться этому базовому заводу? Андроид, вынужденный разыгрывать человека и понимающий при этом, что он и вынужденный, и андроид, — джин в бутылке!

И этот пожар? Совпадение? Я болтаюсь среди этих... Чего этих? Просто болтаюсь... И не могу, не могу... Но надежда зародилась здесь. И окрепла она здесь. Почему? Потому что больше нигде? Или? Может, стоило продолжить разговор? Просить? Не понял бы он... И страшно подумать, не поймёт. Странно, нет балконов. И птиц нет, голубей, воробьёв каких-нибудь паршивых. Ни одного балкона...

Справа — скрип, треск. Игорь остановился. В большом окне первого этажа женщина. Не юная. Красивая. В бордовом платье с длинными рукавами. Платье закрывает шею. Волос не видно: они прикрыты роскошной чёрной шляпой. В шляпу вставлен цветок. Какой? Игорь не разобрался в цветах. Можно упростить: цветок большой и красивый. Руки опущены. Она смотрит на него, не отводя глаз. Во взгляде — спокойствие, интерес и ещё нечто, что кажется Игорю обидным: то ли ирония, то ли укор.

Из глубины комнаты появляется пожилой человек, почти лысый. Смотрит приветливо, задумчиво кивает удивлённому прохожему. Затем, не отводя от него глаз, снимает с женщины шляпу, затем парик. Голова женщины становится похожей на манекен. Но глаза живые. Мужчина слегка обнимает даму левой рукой. Опять слышен скрип. Окно трескается, кривая рваная стрела пробегает по диагонали через всё стекло. Заоконная парочка никак не реагирует. Игорь слегка поклонился и пошёл прочь, не оглядываясь.

Сначала фиксировал новые детали, появившиеся на маршруте. Затем пытался обнаружить на крышах или в небе запретных птиц. Затем подумал, что Астус слишком сложен для куклы. Что доктор Самоа слишком прост для наблюдателя. А господин в окне может быть и первым, и вторым... и каким-нибудь третьим. И всё они могут быть одним развлекающимся от скуки могучим и непонятным фигурантом.

Глава 15

Дверь с кодом. И код этот каждый день меняется. И там камеры наблюдения, и здесь. Везде. Всё снимают, всё отслеживают. А душу? Туда не заглянешь, камеру нестроишь. Можно просчитать, угадать, спрогнозировать, проработать возможные варианты развития поведения... Но чтобы полностью — увы и ах. Хорошенькая история. Начала у неё нет. Пока нет. Есть только продолжение. Откуда они берутся? Их привозят. И привозят в состоянии очень даже неприглядном. Изолятор по сути — тюрьма. Строили его наспех. Получилось крепко и небрежно — бывает и так.

И этот новенький воет, как волк. Протяжно, заунывно, зловеще, как в страшном кино. Предыдущий пациент тоже выл, рвался, рычал, стонал, визжал, плакал, замолкал на несколько часов и опять бесновался. Выкрикивал ругательства, иногда очень даже затейливые. Так бывает... Бывает после наркоза — в той, нормальной жизни. Случается такое часто, потому привыкаешь быстро и вскоре не обращаешь внимания: больной есть больной. И всё же примечательно: попадались дамочки вида весьма и весьма интеллигентного, но такое выдавали, и так это у них грязно получалось... Чужая душа... Понятно, в общем. Об этих неловких минутах больному даже намекать не этично — мало ли что бывает, подкорочка растормаживается, а в ней...

Здесь иначе. Тяжёлые длинные дни. Нескончаемые. Затем понемногу, тот, предыдущий, лопотать начал, маму звать, а голосище — хоть на сцену в оперу. А через недельку и вовсе нормально заговорил, стало ясно, кто он, откуда родом, где проживает. И город указал родной, и подробности всякие вспомнил. Описал состояние, похожее на обморок. Дальше — пробел. Только сны, навязчивые воспоминания, озноб, боль.

А этот новый, который пока воет и скоро лопотать начнёт, тоже будет уверять, что проживает он в каком-нибудь Перекатиполе. Будет. И трудно ему будет объяснить, что в свой родной Перекатиполе он попадёт не скоро — если вообще попадёт. Потому что попадать ему туда нельзя никогда и ни при каких обстоятельствах. И будет он обиженно лупать глазками, усиленно сморкаться, потирать виски, силясь что-то вспомнить, недоумённо пожимать плечами, изображая готовность разобраться в происходящем. И остаётся уповать при этом на терпение и доверчивость пациента. И ждать момента, когда он потребует правды, только правды, какой бы она не была.

Правда? Не объяснять же ему: мол, может быть два варианта.

Первый. Действительно, Вы, мил человек, проживаете в милом вашему сердцу городе Перекатиполе. Проживаете — в полном смысле сказанного — именно там и именно сейчас. И одновременно вы находитесь на лечении — тоже в полном смысле сказанного — здесь и сейчас. И дополнительных вопросов не задавайте. Верьте на слово. Верьте и всё. Верьте мне, верьте другим докторам, с сожалением и не без боязни на вас глядящим, верьте охранникам, что день и ночь глаза мозолящим, верьте постоянно болтающимся здесь внешне приличным господам, для которых и вы, и я — да, я тоже — просто рабочий материал.

А второй вариант ещё краше: не проживаете вы не только в полюбившемся вам городе со столь странным названием, но и вообще не проживаете НИГДЕ, нет вас. Тем не менее, факт вашего полного отсутствия не препятствует вам пребывать на столь странном и для вас, и для нас лечении. Вот так взять всё и выложить. Вой — это цветочки. А вот общение с «прозревшим» — ягодки. Слушай, записывай, сопоставляй и, главное, ни в коем случае не подавай вида. Ни в коем случае.

Валентина работала с очередным пациентом. Память к нему медленно возвращалась. Больше ей нравилось выражение «память вселялась». Она спросила осторожно:

— Это озеро вы хорошо помните?

Он ответил неуверенно:

— Не знаю... Плохо... Но было озеро... Мы... переплывали...

Валентина пошла на провокацию и следующий вопрос задала с явным ударением на необычном слове :

— Пересплавлялись?

Пациент слегка растерялся:

— Как? Пере... — Задумался и с облегчением, как бы вспомнив: — Да... Пересплавлялись... Что-то произошло... Один утонул. Вода холодная...

Валентина продолжила:

— Не волнуйтесь. Это же был не первый ваш поход. Вы же и раньше пересплавлялись?

Пациент устал.

— Не помню... Наверное. Но это помню.

Замолчал. Предпринял попытку сосредоточиться. И главное — в глазах, вернее во взгляде зародилась ясность.

— Доктор?

Понимает, понимает, подумала Валентина. Пациент посмотрел на неё, отвёл глаза.

— Это не болезнь... Кто я? — спросил он удивительно спокойно.

— Это болезнь. Она пройдёт. Мы с ней боремся, и вы мне в этом помогаете.

— Верю и надеюсь, — почти прошептал пациент. Обвёл взглядом комнату, с сомнением покачал головой и добавил: — Доктор... Это была река... Не озеро... Точно река. Но река, я сейчас пытаюсь вспомнить, какая-то ненастоящая.

Понятно, что ненастоящая, подумала Валентина. Потому что на той реке ты никогда не был и никогда через неё не «пересплавлялся». И туристом ты никогда не был. И то, что ты пытаешься выложить, произошло с другим пациентом. Горизонтальное взаимопроникновение. Но я же об этом не скажу! Не могу сказать.

И что же дальше? Будем мы бесполезно и больно встречаться. Ты будешь надеяться. Я буду играть. И может случиться так, что пройдёт немного времени, и окажемся мы вот так, как сейчас, в комнатке с решётками, будем смотреть друг на друга расширенными от ужасных откровений глазами и выть — тихо и страшно.

Глава 16

Незнакомец окинул взглядом комнату, слегка удивлённо посмотрел на включённую днём лампу, помялся и выдержал гостевую паузу. Рой отметил — загар явно не по сезону и явно не курортный, взгляд усталый, но спокойный, открытый и... искреннего интереса не прячущий. Может, моя персона не так скромна, подумал он.

— Игорь Устинов, — представился посетитель.

— Каташов. Рой.

— Я представляю организацию, о которой вы мало знаете, — сказал Игорь, протянул Рою документы, улыбнулся и добавил: — Я, как ни странно, тоже.

Рой не стал глубоко вникать в содержание документа и лишь уточнил:

— Также мало знаете?

— Именно так.

— Забавно. А может, нам вернуться к разговору, когда вы с большей тщательностью изучите своё рабочее место и функции? — не без дерзости спросил Рой.

— Нет времени. Придётся навёрстывать в рабочем порядке.

— Присядем? — предложил Рой.

— Не получится. Нам надо лететь. Срочно.

— Вы каждый день приходите к незнакомым гражданам с такими предложениями? — спросил Рой.

— Вы — первый.

— Прямо сейчас? — уточнил Рой.

— Прямо сейчас. Подробности — в пути, времени у нас будет достаточно.

— Надо бы домой заехать...

— Заедем, — твёрдо сказал Устинов.

В лифте Рой выжидал, в машине не стал настаивать на объяснениях из вредности: путь сам колется. Вряд ли драматическая интрига с показными паузами устроит самого незваного гостя. Игорь не заставил себе долго ждать.

— Моё появление, — без ожидаемого вступления пояснил Игорь, — вызвано необходимостью прояснить некоторые обстоятельства. Также мне нужна ваша помощь и, — он помедлил, — понимание.

Обычно говорят «нам нужна», подумал Рой. Впрочем, может, так говорили раньше? А насчёт понимания... Неплохое начало.

— Речь пойдёт, — уточнил Устинов, — о так называемом "Деле о помилованных".

О господи, подумал Рой, поглядывая на знакомые улочки, и эти туда же. Видно, всё-таки есть основания для появления в СМИ информации о «сенсационном» креативе. То спецслужбы и гениальные выходцы из народа инерциды строят, то торсионные поля хотят поставить на службу, если не человечеству, то лучшей его части. И притом светлый образ этой лучшей части формируется почему-то по собственным образам, подобию, родственным и иногда даже по бубновым пристрастиям. Чувство ожидания сменилось разочарованием, но какой-то затаённый уголок сознания показывал: не спеши с выводами — это только начало.

— В частности, — продолжил Игорь, — нам желательно поговорить о некоторых нюансах этой довольно популярной журнальной компании. Если коротко, речь идёт о своего рода компенсациях, можно сказать, плате за помилование.

Рой взял ироничный тон:

— Понимаю. Предполагал, что угодно, но не это. Неужели всё другие оккультные проблемы уже решены? Это приукрашенная, дорисованная и раздутая журналистами статистика. Это чисто вероятностное выравнивание условного соотношения добра и зла, причём, естественно, в оценке человека — существа субъективного, значит, пристрастного.

— Возможно, и так, — тихо сказал Игорь. — А возможно, что не так. И притом настолько не так, что...

Игорь замолчал. Припарковал машину возле подъезда Роя.

Дорожная сумка, документы, деньги — вот и всё сборы. Подходя к машине, Рой почувствовал нечто вроде душевного укола. Ему вдруг стало неприятно и даже больно: к нему обратился человек, имеющий серьёзные основания для такой странной формы общения. Он же, Рой, ведёт себя как невоспитанный сообразительный ребёнок, который знает наверняка, что получит интересную игрушку, но всё равно по инерции капризничает.

Игорь заметил перемену. Предупредительно открыл дверцу. Рой сел.

— Здесь недалеко, — сказал Игорь, тронув машину. — А что касается нашей учёной беседы... Дело в том, что помилование происходило более-менее естественным способом: опоздал, проспал, сломалась машина и так далее. А вот компенсация протекает в весьма странных формах. Я бы назвал эти формы индикативными, то есть демонстративно заметными. Если бы стояла задача просто обратить внимание на какой-либо факт, это можно было бы сделать более простыми способами. Заменить нелепость масштабностью, внешним эффектом. Все бы сбегались посмотреть. В нашем же случае индикативность касается весьма узкого круга участников и не менее узкого круга лиц, их изучающих. Почему выбрана такая игривая форма общения? Шутка? Предупреждение? Тактика? Возникает вопрос: кем? Наивный такой простенький вопрос. Только вот задать его некому.

Стало «теплее». Проснулся живой интерес к разговору:

— Уж не хотите ли вы сказать, что некая таинственная сила не только милует избранных по неизвестным нам признакам некоторых особей рода человеческого, но и демонстрирует нам посредством тех же помилованных своё грозное могущество? По-моему слишком сложно. И апокалиптично. Не скрою, вы меня пугаете.

— Я не хотел — обстоятельства вынуждают.

Игорь устал от этого витиеватого разговора и явно чувствует себя не в своей тарелке. Он был готов к длительным объяснениям, максимальным упрощениям, но выяснилось, что можно играть в открытую, почти в открытую. И это несколько спутало карты и требовало экспромта. Он говорил медленно, иногда сбивался:

— Не думаю, что речь идёт о могуществе... как о некой агрессивной силе. Но неординарность явлений заставляет задуматься о том, что эти люди имеют какое-то особое предназначение. Они — индикаторы, сигнализирующие, может даже информирующие. Но о чём?

Игорь замолчал, что Рой расценил как паузу выжидания и потому не суетился, лишь одобрительно кивнул. Игорь продолжил:

— Кажущиеся столь странными форма и содержание общения могут быть и не умышленными. Возможно, для ТОЙ стороны это один или один из немногих вариантов приемлемого общения. Сторона может быть настолько отличной от нашей, что избранная форма контакта ни в коей мере не является вызывающей или демонстративной. Напротив, форма эта максимально адаптирована, с их точки зрения, к нашим условиям.

Или я плохой драматург, подумал Рой, или жизнь не так драматична, как её воспринимают и показывают. Не каждый день к человеку приходит довольно странный незнакомец и вот так простенько, доходчиво вводит в тему контакта с какой-то чертовщиной. При этом катает на машине и предлагает лететь. Не известно, куда, не известно, зачем и, кстати, не известно на чём. Может, он просто маньяк? Сидит удобно — правой в ухо и дёру. И через тридцать метров покой, надёжный общественный транспорт, забегаловка с чашечкой кофе, смешные воспоминания и главное — полное отсутствие этого довольно неожиданного наваждения. Если бы так... Но ведь не так, не так. Похоже, дверца открывается, пока медленно. И если он говорит о компенсациях... Откуда такие наблюдения? Всё материалы у меня. Значит, не все.

Машина остановилась недалеко от перекрёстка — на грани нарушения ПДД. Игорь вышел, Рой последовал за ним. Игорь направился в метро, Рой не отставал. Уже у входа он заметил, что в машину сел какой-то простовато-подозрительный гражданин и стал выруливать на проезжую часть. Рой никак не отреагировал — будь что будет.

Тот, кого он недавно рассматривал в ипостаси маньяка, недалеко от кассы продажи проездных решительно отворил дверь, извещавшую, что обитель сия есть ни что иное, как служебное помещение, оглянулся на Роя и зашёл, придерживая дверь. Длинный коридор, несколько боковых дверей. Игорь последовал к крайней слева, оглянулся, отворил. Рой заметил, что его спутник отработанным и быстрым движением скользнул по датчику магнитным ключом. Опять коридор, дверь, на этот раз их было две, избрана тупиковая в конце недлинного коридора, опять магнитный ключ.

Рой прикидывал, что же сейчас откроется его взору: гигантский генеральский кабинет, великолепная оранжерея с тропической экзотикой, сырой подвал, вид на море... Однако, как всё же прозаична жизнь. Можно было и догадаться. За дверью — эскалатор. Недолгий спуск, быстрая прогулка по очередному коридору с весьма обшарпанными стенами и довольно симпатичная площадка, выходящая на рельсовый путь. И самое интригующее — вагон с открытыми дверями, куда быстро зашёл Игорь. Рой, понятно, тоже заскочил, при этом поймал себя на вполне понятном беспокойстве: вдруг дверь закроется, и что тогда? Пока Рой беспокоился, Игорь опять провёл картой по нехитрому цифровому устройству и нажал на панели несколько кнопок. Двери закрылись. Вагон тронулся.

— Может сразу в космос? — попытался пошутить Рой.

— Мы и так в космосе — живём — не тужим...пока, — без каких-либо эмоций ответил Игорь и добавил: — Давайте сделаем небольшую паузу.

Рой хотел было съязвить, но не решился.

Прибыли. Площадка. Быстрым шагом к двери. На этот раз Рой догадался — лифт. Так оно и оказалось. Лифт скоростной, пол амортизирующий, но всё же слегка придавило. Быстрый шаг, поворот, ещё поворот, выход. Вертолётная площадка? Да, она. Здоровая. И... великолепный вид на город, сливающийся вдаль с серо-голубым небом. «Улететь бы куда-нибудь, к чёртовой матери...» — подумал Рой, ещё в полной мере осознав, что он уже летит где-то в указанном направлении.

— У нас есть несколько минут, — проинформировал Игорь.

Что он имел в виду, трудно было понять. Скорее всего, речь шла об ожидании вертолѐта.

— О чём мы говорили? — досадно поморщившись, спросил Игорь.

Опять захотелось связать.

— Мы говорили о ТОЙ стороне и её избранниках.

— Это понятно, а конкретно... — задумался Игорь неожиданно для Роя достал сигареты и закурил: — Мы говорили о весьма своеобразной форме контакта, которая, возможно, является таковой только в нашем представлении. А в представлении ТОЙ стороны, возможно, — вершиной коммуникации.

— Где-то так, — дипломатично вставил Рой.

— Так вот... упомянутая мною индикативность в последнее время возросла, и одним из проявлений этого процесса являются факты, имеющие, на мой взгляд, прямое отношение к вам. Скажите, вам близка тема помилованных? Вы к ней прикипели?

— Нет. Небольшой интерес присутствует. Ну... и сами понимаете, работа есть работа.

—То есть, вы способствуете активизации и тиражированию индикативности без особого желания и осознаваемых мотивов?

— Где-то так, — повторился Рой.

Взгляд Игоря, как оценил Рой, был нехорошим — осуждающим и даже презрительным. «Если продолжение будет в таком духе, то это перебор», — подумал он.

— А как же сепарация рода человеческого по неизвестным пока признакам? Появление катализатора, пробуждающего эти самые, будь они неладны, признаки? Предназначение? Природу не обманешь? Кротовые норы или червоточины? Понятно, что это более образы. Ваши пассионарии негумилевские, жаба, зависшая между мирами? Аргумент Кардашева, стирающий границу между прагматизмом эволюции и выбором сердца? Разве всё это и многое другое не соотносится с обсуждаемой нами темой?

Вот это уже был перебор. Игорь выхватил тезисы из книги, вернее, из разных её вариантов, из книги, не дописанной и никем и никогда не виденной. Перебор! Он не успел возмутиться и проявить ответную решительность.

— У меня нет времени играть в прятки, — жёстко сказал Игорь. — Мне понравилась ваша повесть "Раздуть червоточину".

И вот здесь Рой, что называется, выпал в осадок. Собеседник озвучил первый, почти забытый вариант названия книги, который он мучительно пытался восстановить и доработать. Называлась она теперь иначе. Сдержался и лишь спросил:

— Что же конкретно вам в ней понравилось?

— Эпиграф из Сенеки.

Рой прекрасно знал, что не было не только книги — откуда бы ей взяться? — но и эпиграфа. Он решил помедлить с разъяснением этой довольно странной ситуации и ограничился вопросом

— А кроме эпиграфа?

— Своеобразная трактовка идей русского космизма и социально-этических проблем. При этом космистские идеи привлекли меня более всего. И я согласен, что именно это миропонимание даёт гармоничное представление об окружающем мире.

Без нервов, без нервов... Рой изобразил из себя само спокойствие, хотя походило оно больше на холодную злость.

— Книга, которую вы упомянули, не издана и даже не готова к изданию. Она называется не так, и в ней нет никакого эпиграфа. Рукопись я никому читать не давал... Ваши хакеры постарались?

Игорь достал из кармана лёгкой куртки небольшую книгу в мягком переплёте и протянул её Рою. Тот глянул на обложку. Автор Р. Каташов. Название: "Раздуть червоточину". Есть и эпиграф — простенько так: "Если человек не знает, куда он держит путь, то ни один ветер не будет ему попутным".

День перестал быть томным. Дыхание сбивалось, в висках постукивало и даже побрякивало.

— Я получил... мне передали... вручили... эту книгу довольно странным образом в не менее странном месте, — сказал Игорь. — Больше экземпляров я не встречал. — Поморщился, вздохнул, устало улыбнулся и сделал предложение: — А не перейти ли нам на «ты»?

Глава 17

Было от чего начаться головокружению: оказаться в центре такого масштабного процесса — это вам не в журнальчике популярном дурака валять. В 17.00 Валерий был у здания городской мэрии. В 17.02 к нему подошёл рыжеволосый подросток и, нагло дёрнув его за рукав, громким шёпотом сообщил: «Тебя, карась, ждут за углом!» — малолетний наглец движением головы показал, за каким углом, и удалился, громко насвистывая мелодию «С одесского кичмана». Да, работают, люди, с завистью подумал Пилирим и направился, оглядываясь по сторонам, за угол.

Евгений был одет так же, как и во время предыдущих встреч, вёл он себя непринуждённо. Плащ расстёгнут, галстук сбит, в руке початая бутылка пива, и, что удивительно, на лице, которое ещё в баре было гладко выбрито, гармонично топорщилась трёхдневная щетина. Евгений поставил бутылку на землю, мотивировав своё действие присказкой: «Делу — время, потехе — вечность!» Огляделся по сторонам, крепко обнял Валерия, расцеловал в обе щёки и прошептал: «Вы целы и невредимы... Я несказанно рад». Поднял бутылку, отхлебнул и начал говорить, задумчиво глядя вдаль:

«Это будет аверс и реверс народной печали. Я конечно, понимаю — либералы, демократы... Но эти-то на хрена сдались: на уме только бабы и выпивка, мозги — куриные... И каждая харя неумытая стремится заказать себе кривое зеркало непременно в Чикаго. Как будто мы сами кривые зеркала делать не умеем. Больно за нашу землю! И знайте, когда Швейцария разморозит счета, мы, интеллигенты, скажем: ну и лоханулись...»

И замолчал. Валерий чувствовал себя крайне неловко. Явно переигрывает, подумал он. Евгений душевно посмотрел ему прямо в глаза и пояснил:

«Это из моей предвыборной речи, возможно, меня изберут в совет, не обращайтесь внимания. Мы сейчас едем к генералу... Вообще-то, он не совсем генерал. Если быть точным — тенъенте повстанческой армии. По-моему, Кальвадоса или Санталучии... Нет, Лучия — то была его боевая подруга. И далеко не санта, Но, фемина, скажу я тебе, ноги... Окончил курс университета. Экстерном — когда столицу взяли этого самого Кальвадоса. Дело прошлое. Потом он занимался моделированием виртуальной опасности — врагов пугал. Минимальными затратами, кстати. Словом, специалист по дезинформации. Отличный парень, хороший семьянин, любитель вставать спозаранку, спортсмен, пьёт в меру, высокообразован, кандидат в элиту. К нему бы лучше на конке. Но придётся на автомобиле. Если на автомобиле, вот — он уже подан».

Валерий оглянулся. На дороге вдоль бордюра был припаркован солидный чёрный автомобиль неизвестной ему марки. Водительская дверь распахнулась, из неё выскочил уже знакомый рыжеволосый подросток и широким жестом пригласил в машину, в которой звучала клавесинная музыка.

— Это недалеко, здесь, за городом, — задумчиво сказал Евгений.

Валерий с тоской оглянулся на мэрию и пошёл к автомобилю. Евгений догнал его и безадресно сказал:

— Можно было, конечно, на таксомоторе, но с такой работой... Денег нет!

Ехали узкими улочками и проходными дворами. Негабаритный, как подумалось Валерию, автомобиль не всегда вписывался в повороты, и рыжеволосый заливчато матерился. При этом он громко и неоднократно сигналил каждой миловидной и не очень особе, встречавшейся на этом тернистом пути. Евгений заметил: «Не принимайте всерьёз его низкое поведение: какая должность — такое и отношение к работе. Слушайте Баха!» — и слегка шлёпнул водителя по затылку. Тот угомонился.

Вскоре автомобиль катил по загородной трассе, затем свернул на грунтовку. Валерий ощутил явный неприятный запах. Женя заметил его беспокойство и пояснил: «Городская свалка. Свалка городских бытовых отходов. Свалка и утилизация мусора. Прекрасное место для уединения — никто не сунется. Можно было и мисс вселенную какую-нибудь прихватить, есть у меня одна на примете, познакомлю, но, сами видите и слышите... Вонюха — хоть противогаз вешай. Нельзя оскорблять эстетические чувства. Возможно, это всё пережиток, но обойдёмся мужской компанией».

Машина остановилась на дороге посреди свалки, вдалеке нутужно ревел бульдозер, пытавшийся столкнуть в овраг издержки цивилизованного быта горожан. «Прекрасный индустриальный пейзаж! Разве не чудо?» — гордо произнёс Евгений. «Чудо...» — нехотя согласился Валерий.

И здесь вмешался рыжеволосый водитель:

«Это — чудо? Чудо — это когда жрать нечего, а мыслей — хоть за границу отправляй. Как вы живёте? Надо непременно ввести чрезвычайное положение и обнажить войска. Пришельцы, двойники, помилованные... А вы всё про баб. Ты посмотри на него, Иннокентий Лазаревич, он же не видит опасности. Он даже не знает, что такое коллапс. Как можно? Заберите у него документы. Это же бомба, это Клондайк, это рулетка намагниченная. На прошлом совещании я пытался... Оппонент обозвал меня сморчком и, обошедшись посредством нецензурного оборота, довёл моё самолюбие до нулевой отметки. Только тогда я ощутил момент

истины и понял: да этот представитель крупного бизнеса — просто свинья с сотовым телефоном. А этот типичный представитель — как их там? — гомо сапиенс... И почему сапиенс, я не понимаю! Он же, он же...»

Евгений опять шлёпнул рыжего по затылку, и тот замолчал. Валерий даже обиделся: он знал, что такое коллапс, он даже знал, что такое сфера шварцшильда — писал об этом статью. Евгений быстро погасил неловкость — наклонился к обиженному и доверительно прошептал ему на ухо: «Прокачивает — работа такая. А с мисс той самой я тебя познакомлю. Не паникуй!» Я не паникую, ответил про себя Валерий и призвал себя к внутренней дисциплине.

— Я же вижу, друг мой, что-то вас сильно беспокоит, возможно, вы не паникуете, но явно приближаетесь к этому состоянию, — сказал Евгений.

Он был сама доброжелательность. Глаза полны задумчивости. В руке — дымящаяся сигара. И опять длинная витиеватая тирада:

«Паника, уважаемый коллега, это не только явное бегство с отчаянным криком «спасайся, кто может!» Можно же и не бежать, и не кричать, но уже спастись — пути к бегству искать. И если всё же предположить факт появления и динамического существования некой могучей чуть ли не потусторонней силы, то возникают вопросы: как спастись? Здесь всё зависит от кругозора, границы которого, как отмечал философ, принимаются иногда за конец света. И мучается человек вопросами всякими несуразными. Всегда драпануть можно было, а теперь нет? Не может такого быть! А за границу, а на острова, а в пещеры, а на... Мы имеем дело с опасностью не локальной — с планетарной, с всеобъемлющей, дружище. Ты думаешь её, эту опасность, обхитрить можно? Пообещать что-нибудь, подкрепить расчётами, результатами опросов общественного мнения, попросить отсрочки, а там раз — и спрыгнуть? Нет, не получится. Она видит тебя насквозь и не верит. Не верит и всё. Во, брат, дела! Что ж тогда остаётся? Правду говорить? И не только говорить, но ей ещё и следовать? Ну, это, действительно, конец света, понимаешь? Тупик. Вот в каких условиях работать приходится. Ну, пора на выход».

От кучи горящего мусора тянулся над землёй шлейф тяжёлого чёрного дыма. Глаза слезились. Что касается запахов, Валерий хотел прикрыть нос платочком, но, увидев, как мужественно ведут себя его спутники, постеснялся. Они стояли на дороге. Валерий пребывал в растерянности и выжидающе посматривал по сторонам. Женя с нетерпением нажимал на кнопки роскошного мобильного телефона. Пока его усилия были тщетны. Водитель причёсывал пальцами рыжие кудри. Валерий только сейчас смог рассмотреть его лицо и понял, что это далеко не подросток, а достаточно зрелый мужчина небольшого роста. Евгений громко выругался и швырнул телефон в кучу мусора. Постоял в раздумье и решительно заявил:

— Генерала не будет.

Валерий опешил, но старался не подавать вида: прокачка? шутка? ошибка? Столько всего навалилось за эти дни, нужна пауза, чтобы всё это переварить, но этой паузы не было. Принимать решения и действовать приходилось «с колёс». К чему этот маскарад? Что здесь вообще происходит? Плюнуть на всё и уйти? Денег и так достаточно...

— Извините, — сказал Женя, — иначе мы поступить не могли. Прибытие генерала и не планировалось.

— Почему? — тупо спросил Пилигрим.

— А вы не догадываетесь? — ответил Евгений. — Вы, полагаете, что всё так просто? Поехать в незнакомую местность с малознакомым человеком? А вдруг вас подменили и вы уже двойник? Может, вы хотите убить, то есть уничтожить физически, нашего любимого генерала? Мы-то знаем, что это невозможно. Но мы знаем, что вы об этом не знаете! Вы попытаетесь совершить этот глупый поступок, у вас ничего не получится, вам станет стыдно, мы себя почувствуем неловко... Зачем всё это? Как вы думаете?

— Я, честно говоря, не ожидал... И в мыслях не было... — только и пробормотал Валерий.

— Неправда, — гаркнул Евгений, — голова ваша с детства забита корыстными помыслами и постыдными устремлениями! Признайтесь!

— Вообще-то... — начал Валерий.

— Вот, видите, — победно заявил Евгений, — признаёте. И ничего страшного: лучше худая правда, чем... Думаю, вы поняли. Простите нас. Вы прекрасно смотрите в этом диком месте. Один на фоне этого безрадостного пепелища. Разбавьте своё одиночество мощной идеей. Вы сразу почувствуете, что мир нужен вам, а вы нужны миру.

Женя говорил с пафосом, но это не помешало ему сойти с дороги и разыскать в мусоре брошенный телефон. Он вытер его о полу плаща и положил в карман. Водитель в это время закончил свой туалет, приосанился и горделиво кивнул Жене. Тот вытянулся стрункой и отрапортовал:

— Позвольте представить — мой друг и начальник генерал Эдик.

Представленный генерал строевым шагом подошёл к Валерию, боднул воздух головой и раскатисто пробасил:

— Генерал Эдик! К вашим услугам!

Он душевно обнял Валерия и похлопал его мощной ладонью по спине. При этом Валерий удивился не только силе и величине ладони, но и тому удивительному факту, что он вообще дотянулся до спины. Евгений ловко подскочил и шепнул Валерию: «Согласны, что в нём есть нечто демоническое?» Всё были растроганы. Эдик продолжил речь, но уже в умеренном тоне:

— Приступаю к обязанностям и принимаю решение первое. В это мрачное место мы заехали ошибочно. Необходимо сменить место дислокации. В путь, господа офицеры! Не за орденами — за победой.

Генерал сделал паузу, посмотрел на Валерия и менее решительно добавил:

— Впрочем, если вы имеете такое вполне понятное желание, вам я орден дам. Конечно, на моей груди он бы смотрелся значительно лучше... Принципы не позволяют. Но вам — дам. Возможно, посмертно.

Валерий достал из кармана мятый платок, вытер пот со лба. К нему подошёл Женя и весело подмигнул.

— Валерыч, в город мы тебя доставим. Но до штаб-квартиры доберёшься сам. Понимаешь... — Заговорчески улыбнулся, кивнул в сторону генерала Эдика и добавил: — Следит сволочь.

Глава 18

Время всевластно — это понятно. Никто и ничто не могут противостоять его разрушительному воздействию. И с этим никто не спорит. Несколько десятилетий должны были не только превратить эти ветхие временки в кучу хлама, но и развеять оставшийся прах по долам и высям. Однако стоят бараки как новенькие, двери на ветру поскрипывают, стёкла без трещин поблёскивают, и даже высоченный громоотвод, выделяющий, надо полагать лабораторию, ярко зеленеет, слово окрашен на днях, может, вчера.

Пожухлая трава сохранила протоптанные во времена далёкие дорожки. Антон понимал, что следов не разглядеть, и если даже обнаружатся таковые, попробуй догадайся, когда они образовались и кем оставлены. Вроде тарантулы выползают из своих убежищ поздним вечером, ночью и мелькают перед глазами стремительными бесформенными пятнами. А этот выбрался на тропинку и нагло ждёт. Антон топнул, тарантул сместился влево на ширину ладони и замер — пропускать незваного гостя не пожелал. Антон топнул сильнее, и паук нехотя удалился в траву, не пожелав вступить в битву с заведомым исходом.

Антон понимал, что на станции никого быть не может — на сегодня и в предыдущие дни никому сюда маршрутник не выдавался. Но уж слишком, слишком безлюдными выглядели эти нестареющие трущобы. Возможно, сомнение вызывал контраст между вполне жилым видом строений и полным отсутствием здесь признаков пребывания человека.

И дело не только в этом. Устинов уже два раза подчеркнул возможность появления некого Му-Му — личности весьма занятой и, безусловно, опасной. Это первое. А второе — появиться этот самый Му-Му мог с группой коллег криминального толка, и коллег этих назвать занятыми оснований не было, а что касается опасности, то здесь они могли дать значительному фору своему организатору и вдохновителю. Просто так или из чисто романтических побуждений никто пустыню, да ещё в запретную зону не пойдёт. Скорее всего, он воодушевил своих соратников красивой и броской легендой, включающей солидную материальную мотивацию. Так что ребята будут землю рыть и рогами, и копытами, и зубами, и когтями.

Свежепобеленная будка, окрашенная металлическая лестница. Наверху дверь. Антон поднялся, осторожно ступая на каждую ступеньку, зашёл. Довольно светлая комната, на окнах скученные и перевязанные лентой чёрные шторы. В стене амбразуры, и в них глядят два старых проекционных аппарата. Теперь понятно, что там, на улице, за ряды стульев. Нечто вроде летнего кинотеатра. Тогда должен быть экран. Но экрана нет. Есть только неказистая решётчатая конструкция, хорошо видимая в сквозную нишу, на которой он, надо полагать, закреплялся. А может, это только имитация конструкции. Где же смотрели кино зимой? В это время года здесь несладко — до минус тридцати и ветер с песком. Где «здесь»? Такой вопрос задал себе Антон. И в ответ усмехнулся.

Здоровенная бобина, даже с плёнкой, была аккуратно заправлена. И пыли не было. Чёрт побери, но не может же всё это быть плодом воображения, галлюцинации? Очень хочется верить, что не лежу я где-то в госпитале, накачанный транквилизаторами... Но и реальностью это не может быть: пыль где? И нельзя задать даже шёпотом далеко не риторический вопрос: и когда же всего это кончится? Ибо понимаешь, что в лучшем случае — нескоро.

Управлялась штукавина несложно. Что тут мудрить? Антон нажал тумблер, замигала и набрала силу яркая проекционная лампа, аппарат загудел, зашелестел, бобина тронулась, нехотя совершила несколько оборотов и вышла на равномерное

вращение. Антону стало не по себе. И не потому, что аппарат заработал. Источник питания — где?

Снаружи раздался грозный нарастающий рокот, напоминающий запуск самолётного реактивного двигателя. И затем прозвучал взрыв. Антон смотрел в амбразуру и не шевелился. Не было там ни стульев, выстроенных в ряд, ни конструкции для размещения экрана. Огромное поле, гигантский костёр, дым, вдали что-то огромное, извергающее языки пламени и... бегущие, одетые в чёрную одежду горящие люди. Некоторые падали и не вставали. Некоторые вставали и продолжали страшный факельный путь. Из огня вырвался тягач стариной конструкции, весь облепленный огненными языками, рванул резко вправо и исчез в дыму. Антон почувствовал — холодный пот ручьём бежал по спине. Хотелось орать от отчаяния и ещё более хотелось исчезнуть, убежать, улететь, как угодно самоликвидироваться с этого проклятого места.

И ещё Антон подумал: те, что на тягаче, прорвались? И ещё он зафиксировал, что горящих людей уже нет. Из тех, кто бежал в его сторону, никого не осталось. Никого. Были видны отдельные догорающие «кочки», и Антон не хотел ничего додумывать и дорисовывать.

И наступила тишина. Аппарат не гудел. На улице не грохотало. Бобина кончилась. И только лампа горела. Антон нажал выключатель. Всё! словно ничего и не было. На полке у стены лежала открытая пустая коробка от киноплёнки. И две закрытых. Антон попробовал на вес — не пустые. Повозился, снял бобину с аппарата, положил в пустую коробку. Достал из боковой сумки большой свёрнутый брезентовый пакет, потрянул, уложил в него находки и направился к выходу. По ступенькам, хоть путь и проверенный, ступал осторожно.

Глава 19

Я устал. Мы всё устали. И всё же. Позволим себе некоторые вольности. В мыслях. Мы предполагаем — как же без этого? — самые разнообразные варианты развития своей собственной судьбы, вплоть до самого печального, закономерного и неизбежного, что нас вообще-то тем меньше волнует, чем выше значимость решаемой нами задачи. Видимо, жизни противостоит нечто большее, чем смерть, и именно наличие этого большего позволяет назвать существование жизнью. И всё же по-детски хитро, по-взрослому изобретательно обходим, огибаем, обползаем, замалчиваем пугающие нас своим несоответствием нашему миру умозрительные прогнозы.

Рой заставил себя отвлечься от обыденности, обратить мысли к тому, чего долго и трусливо избегал. Главное — улыбка и немного фриivolности. Ну, предположим, надо же такому случиться, шторы задёрнулись. Чувство времени отсутствует, и потому эта категория в данном случае нас не интересует, мы её не используем в ходе нашего фантастического — пока! — превращения. Прошло мгновение — а длиться это мгновение может сколько угодно — и твоё сознание или часть его просыпается. Ты осознаёшь своё я, но без всякого на то желания и согласия падаешь в рвущий душу мрак и надеешься, что чёрный колодец — это и есть обещанный туннель.

Однако что-то не так. Даже слабая искорка света не блеснёт, ничего не светит, не мерцает, не зовёт и не притворяется путеводной звездой. Ты падаешь стремительно и чувствуешь: тело уже перестало быть привычным, родным и послушным, оно уже не принадлежит тебе, оно не принадлежит никому. Но тебя это не сильно расстраивает, ты его не ощущаешь и даже впадаешь в несвойственную тебе ересь: а нужно ли оно тебе это тело — обуза да и только. И хотелось бы испугаться — по сценарию положено — но нет страха.

Ты уже не знаешь, что это такое. Чувство полной и оскорбительной беспомощности, но всё же вызывавшее поначалу хоть какие-то слабые нотки протеста, сменяется осознанием полной неизбежности и необратимости происходящего: компромисса нет, сопротивляться бесполезно, просить — поздно, только и осталось — смириться. И тебе не жалко себя, потому что жалость — та же скрытая слабость, предполагает ответный ход судьбы в виде надежды. Но и её нет — надежды.

Нерешительные, робкие первоначальные попытки хоть как-то зацепиться за густую темноту и остановить падение тщетны, и повторять их — значит выставиться напоследок во всём своём ничтожестве. Ты уже растворился и в этом колодце, и в этом мраке. И только какое-то маленькое и строптивное «я» навязывает остывающему мозгу крамолу: «Но это же глупо, парень, нелепо! А как же те, кто верил и сейчас верит в тебя? Ведь было же и тебе что-то дорого? И ты тоже был кем-то ценим? Зачем же так!» Но почему «был»? Что за чушь! На миг ты забыл, да, забыл: теперь всё для тебя только в прошлом. Потому и возмущаешься, но длится это проявление стропливой наивности недолго.

И ты уже думаешь о другом: должен же быть где-то конец этому холодному колодцу и этому бесконечному падению, неумолимо превращающему твой многосложный мир в паническое унижительное ожидание? И ты не хочешь ждать и рвёшься вверх. Этот сильный отчаянный рывок замедляет стремительный спуск и несёт тебя куда-то вниз и в сторону, но точно — не на дно, и оказываешься ты во власти странного ощущения: падая, поднимаешься.

И вспыхивает свет — неожиданно, слепит тебя, но ты уже осознаёшь: что-то произошло — лучшее — худшее, оценивать рано, — но это уже не страшный полёт.

И ты, поняв и согласившись, что всё для тебя теперь только в прошлом, осознаёшь: теряется память. Часть тебя уходит, как луч света в темноту. Основные воспоминания ещё с тобой, но ты уже не можешь восстановить детали прошлого, в голове твоей больной нет фона: пустота, и в ней возникают большие яркие картины. Они ничем не связаны между собой: лоскуты, вырванные из ткани сознания наугад, случайно. И они постепенно меркнут. И ты превращаешься в точку, осознаёшь себя частицей, которая настолько одинока, что даже не может поверить, если ей кто-то скажет, что, кроме неё, ещё что-либо существует.

И вот — опять свет. И вот дым. Частица взрывается, и ты прощаешься со своей нелепой сингулярностью. Ты чувствуешь жар, боль, к тебе бегут какие-то существа, и ты пока не знаешь, что ты такой или почти такой, как они. И опять выскакивают из мрака картины, за ними колыхнутся серые волны, и ты хочешь, чтобы эти волны докатились до твоих ног, поднялись выше и полностью поглотили и наполнили тебя. Ты хочешь этого, потому что ты пуст, ты весь высосан этими превращениями, и без этих волн, у тебя нет памяти. И лишь волны могут наполнить тебя недостающим содержанием.

И навалилась прохлада, и закружился хоровод прошлого, и ты оживаешь и осторожно пытаешься идти, с опаской оглядываясь на чувство полного одиночества, которым ты только что был заполнен. И слышны голоса. Чужие голоса. И говорят о тебе. Ну, вот оно долгожданное... И ты тоже начинаешь много и нелепо говорить. Но на тебя никто не обращает внимания. И яркие лампы слепят глаза, и маячат расплывчатые фигуры. Что-то звякает, кто-то тихо переговаривается...

Из тумана выныривает палец и решительно опускает тебе веко левого глаза, бесцеремонно его отворачивает, через мгновение и палец, и рука растворяются в сером облаке, заполнившем эту непонятную комнату. Тебя не устраивает этот новый дом, но ты не выражаешь неудовольствия по той простой причине, что сравнивать тебе это жилище не с чем: нет памяти.

И позже тебя о чём-то спрашивают, ты пытаешься ответить — вяло, нерешительно, невпопад, трусливо пытаешься угодить спрашивающему, и у тебя это получается плохо: в голове шум, каша, тени мелькают расплывчатые. И ты один. Совсем один. И время вернулось к тебе. И тело вернулось к тебе. И память твоя яснее с каждым днём. И ты не понимаешь, что происходит, с недоумением ловишь взгляды, полные сожаления и отмеченные явным страхом, не приемлешь тюремно-больничный режим, тебя окружающий, постепенно перестаёшь верить, что стал жертвой некоего таинственного заболевания, и вскоре понимаешь: проблема не в том, что тебя не хотят выпускать из этого странного дома. Она в том, что тебя отсюда нельзя выпускать. Нельзя. И ты понимаешь, что тебя обманывают, и ты обманываешь, и делаешь вид, что слегка сомневаешься, но в целом веришь. А сам лихорадочно гоняешь в своём сознании бесконечные версии объяснения случившемуся, стараешься, пытаешься и всё равно не можешь представить, что же такое с тобой могло произойти. И твои попытки тщетны, ибо никто на протяжении твоей жизни даже и не намекал на такой исход.

Тогда, ранее, когда был другой горизонт и другие расстояния, ты позволял себе смелость снисходительно рассуждать о рождениях, перерождениях и, конечно, о биохимической миграции атомов. Ты даже допускал пролонгацию существования части сознания при полной потере его индивидуальности. И последним снисходительно подчёркивал: это мероприятие не личностное, и потому не надо быть наивными — никакой другой жизни нет и быть не может. А те видоизменения, которые происходят, к тебе уже не имеют никакого отношения, твоего осознаваемого эго здесь нет и быть не может. Твоя роль выполнена. Оставь надежду вся сюда входящий. И вот получилось, что ты и «оставил», и «вошёл», и себя драгоценного сохранил. Вот это пассажик! И лежишь ты больничной койке, волнуешься, конечно, но осознаёшь всего того кошмара, о котором дано пока знать только немногим.

И, возможно, придёт момент, когда ты с этим кошмаром познакомишься. И называется этот кошмар — «клон», «двойник» или ещё как-нибудь. Тебя включили, ты как бы пробудился. Но точно помнишь — не засыпал. И не можешь ты сбросить тяжестью непонимания, растерянности, разочарования, обиды за столь беспардонное обращение. Но существуешь. Ты будешь долго думать и без сомнения что-нибудь, как креатура мыслящая, придумаешь. Потом опять придумаешь, потом опять... Всё у тебя наладится. Но ты всё равно будешь существом ниоткуда, и, если программка твоя саморазвивающаяся, я желаю тебе, что б ты никогда не дошёл до осознанного желания ответить на вопрос: ад — это только для людей или имеются другие варианты?

Стоп. Улыбочку убираем, с фривольностью расстаёмся, минуту-другую сожалеем, что проявив nepозволительную слабость, сдуру залезли в эти дебри. Не попрощавшись, уходим — из тёмного нарисованного леса. Мы затронули закрытую тему? Нет. Кто ж её закрывал? Пожалуйста, дерзайте! Если не поплохееет.

Глава 20

Господин проверяющий, он же старший инспектор Голицын, уже явно перегнул палку: разбор полётов превратился в нескрываемое хамство. Игорь уже собирался корректно поправить чрезмерно требовательного начальника, но не успел.

Как ни странно, терпение кончилось у Антона, и он резко бросил:

— Не ругаться матом при дамах!

Инспектор Голицын, он же господин проверяющий, воровато оглянулся по сторонам и отработанным движеньем руки совершил привычную рекогносцировку: проверил, застёгнута ли ширинка. Ширинка была застёгнута. Но и дам не было.

— Молодец, наш человек: требователен к другим, прост в обращении с младшими по чину, а, главное — молодцеват и суров одновременно, — тоном, не обещающим ничего хорошего, сказал Антон. И после паузы добавил: — Слушай, ты, жук штабной, будешь воду мутить, ребятам нервы мотать, я тебя замочу и улитану кормлю. Ты меня понял?

И взгляд. Игорь, хотя работали вместе месяц с небольшим, уже знал этот взгляд. Всё в нём присутствовали и глубина не по возрасту, и жёсткость (не путать с жестокостью), и слабо уловимая смешинка и готовность ко всему. Игорь ещё при знакомстве так для себя и определил: «ко всему».

Господин проверяющий, видимо, растерял ещё не всё свойственные человеку разумному рефлексы и сообразил, скорее, почувствовал, что жить ему осталось секунд, может, две. Не стал тянуть, быстро принял решение и кратко и чётко ответил:

— Понял.

— Очень хорошо, — спокойно отреагировал Антон, — Мутация, как говорят товарищи учёные, бывает и обратимая. Так что, господин инспектор, друг Оболенского, держите хвост пистолетом. И давайте работать, а не дурака валять. — И затем насмешливо: — А то кто будет планету защищать? Я что ли?

Представитель Центра стоял и молчал. Хорошо, что не стал перечить, очень хорошо, подумал Игорь, всё ещё не поняв поведение Антона. На лице инспектора не было злости, обиды — только искреннее раздумье. Возникло на мгновение впечатление, что такая реакция стала неожиданной и для Антона.

И опять: вот оно — блюдо наше любимое и ставшее уже почти привычным. Игорь глянул на Антона и понял: тот тоже почувствовал. Одежда мгновенно прилипла к телу, что незамедлительно заставило ещё раз проклясть судьбу и то место, куда она так немилосердно забросила. Воздух стал плотным, как... Игорь в тот самый первый раз подобрал такое определение: как разбавленная вода. Вот таким он и стал. Послышалось громкое захлёбывающееся змеиное шипенье. Игорь использовал «зашкворчало». Прошла одна волна, затем другая. Жидкая вода толкала, тянула, покачивала, но за собой не увлекала. Игорь расслабил ноги и настроился пружинить. Антон крутанул несколько раз левую ногу на носке и погрузил ботинок в песок — на всякий случай. Ведь случаи бывают разные! Контролёр забеспокоился, сник и стал рыскать затравленными глазами. По опыту было известно: ещё немного и начнёт искажаться голос.

— Спокойно, инспектор, это местные сюрпризы, — сказал Игорь.

— Стойте и не дёргайтесь, упадёте — поднимем, — добавил Антон, реализуя какую-то пока непонятную задумку.

Вот и звон в ушах, вот и первые лоскутки над землёй медленно закружились. Инспектор открывает рот и что-то пытается сказать. Его голос звучит, как замедленная запись. Антон смотрит на него: побежит или не побежит? Не побежал. Это хорошо — нельзя бегать, прикинул Игорь, а то пришлось бы высокопоставленному кадру давать подсечку. Не от кого бегать. И некуда бежать. Терпи, брат, терпи, сейчас черняк придёт, может, зёрна выпадут. А может, и нет. Получилось «нет». Ощущение плотности прошло, лоскутки растворились в воздухе без следов, подул ветерок, и стало легче телу и душе. У строгого господина глаза — как у глушенного карася. Ох, теперь расскажет на большой земле: там такое, там та-ко-е...

— Пойдёмте, — не понятно, к кому обращаясь, тихо сказал Антон. Развернулся и пошёл к лагерю.

Игорь глянул на небо — чисто, без сюрпризов, «кина не будет» и двинулся за ним. Горячий песок неприятно грел ступни. Он оглянулся на инспектора, всё ещё пребывающего в явном замешательстве.

"Психиатры отмечают интересную деталь, — подумал Игорь, — есть две категории людей, которых объединяют общие черты: склонность к мании величия и отсутствие мук совести и чувства вины. Это преступники и политики. Неужели и этот из таких? Не хотелось бы иметь такой фрукт рядом. Ведь Антон его действительно завалить может. Этого ещё не хватало. Я понимаю, что может. Но не упреждаю ни словом, ни действием. Может, я этого хочу? Город всё спишет? Если это так, надо сей край покидать. Стоп. Во-первых, это не так: я просто допускаю возможные, в том числе и маловероятные модели развития событий. Во-вторых, кто ж меня отпустит? Его выпустят, а меня — нет".

Антон, шедший впереди, вдруг остановился, повернулся, доброжелательно рассмеялся и, обращаясь к пребывающему, как хотелось надеяться, в глубоком раздумье проверяющему, громко сказал:

— Господин инспектор! А почему б в последний путь не на лафете?

Игорь окончательно понял, что Антон намеренно нарывается на скандал. Но зачем?

И господин из центра вдруг совершил над собой удивительную метаморфозу: горько улыбнулся.

Игорь даже растерялся: опять на Город списывать? В любом случае такое поведение вызывает удивление и даже заслуживает похвалы. Значит, не всё потеряно? Или я обозлён? Или я наивен? Или просто устал? Я думаю о чём угодно, только не о том, ради чего я здесь нахожусь и в чём упрямо не хочу даже себе в глубокой тайне от всех признаться. Дайте мне дно, и где моя подводная лодка!

Ночью опять прокатились волны тёплого густого влажного воздуха. И этот то ли прилив, то ли отлив сопровождался шумом дождя, хотя на землю не упало ни капли. К раннему утру монотонный, свойственный более грустной глубокой осени шум стих, и когда лагерь уже пробудился, ясное синеватое небо аккуратно и даже изящно разрезал движущийся с Востока на Запад медленно вращающийся разноцветный волчок. Он оставлял после себя след в виде гигантского чёрного треугольника, основание которого скрывалось за горизонтом, и, возможно, там выглядело как-нибудь по-другому. Вершина двигалась в противоположную сторону — но не за линию недостижимую, а ввысь. Эта чёрная увеличивающаяся по мере продвижения волчка прореха в небе не открывала невольным наблюдателям ничего нового. Приземлённая интуиция подсказывала, что это треугольное окно в Космос должно было что-то показать — хотя бы звёзды. Но ничего не было видно — сплошная непроглядная тьма. Может, они, звёзды, там и были, но мешало их разглядеть какое-нибудь мудрёное атмосферное преломление света. Может, они были так далеко и удалялись так быстро, что свет просто не мог достичь Земли по не менее мудрёным физическим законам. И, если это всё-таки окно, то, возможно, не скучают и с той стороны? Что же они видят?

И ещё было интересно, что видят случайные земные наблюдатели. Став свидетелями необычного небесного явления, которое предстало их взору под разными углами, самые впечатлительные из них уже прикидывают свои близкие и далёкие воспоминания, захватывающие рассказы, комментарии, смелые версии.

Не очень впечатлительные перебирают варианты ответов на вопрос: к чему бы это — к счастью — несчастью, деньгам — нищете, победам — поражениям, здоровью — нездоровью? Вариативность не так широка, как кажется, и поиск им

быстро наскучит. Останутся только два концентрированных до состояния мудрости выводов: это неспроста; это не к добру.

А те, которым всё до фени, спишут всё на непогоду и мешающую спокойно жить чертовщину.

Волчок вспыхнул и исчез, и вскоре ровные стороны треугольника размазались, и прореха стала заполняться серовато-голубыми мазками, которые увеличивались в размерах, уплотнялись и вскоре заштопали собой рваное небо. Волчѣк называли здесь «флюрон», «люпсик», «чертовщин», а эффект чѣрного треугольника «слепое окно», иногда — «слепое око». Антон, как бы примиряя стороны, столкнувшееся на терминологическое попрѣще, именовал сей феномен «оконо».

Это был пятый наблюдаемый случай. Его уже и не комментировали: слов не хватало, да и зачем?

Глава 21

На обратном пути за рулѣм сидел Женя. Он вѣл машину аккуратно и на каждом участке, где требовалось торможение или ускорение, предупреждал: «Осторожно. Берегите себя, мой генерал!» Эдик сидел на заднем сиденье рядом с Валерием и одобрительно улыбался. Женя молчал минут десять, делая исключение только лишь для известных предупредительных фраз.

Генерал Эдик задумчиво смотрел в окно, иногда неестественно выворачивал шею и бросал тревожный взгляд на небо. «Вертушек нет, враг дремлет!» — победно заявил новоявленный руководитель, строго посмотрел на Валерия и не менее строго спросил:

— Что с бабкой полоумной?

Валерий растерялся, но быстро вспомнил, о чѣм речь. По всей видимости, уважаемый генерал имел в виду очередной инцидент в рамках дела о помилованных. Эпизод был таким же непонятным и нелепым, как и всё другие свидетельства. Пилигрим, считавший себя журналистом просвещѣнным, уже не в первый раз отметил про себя бесспорный позитив всей этой истории. Заключался он в том, что ничего не надо было преувеличивать и, так сказать, творчески наращивать. Описываемые события не нуждались в такого рода ухищрениях. Недавний разговор и бабушкой он записал на диктофон. В изложении пассаж выглядел сереньким и неправдоподобным. Но живая запись производила более яркое впечатление.

— Разрешите предоставить вашему вниманию аудио-свидетельство? — решительно обратился Пилигрим к генералу. Одобрительный кивок придал ему новые силы и без лишних предисловий достал из кармана диктофон и не без беспокойства нажал кнопку.

«... обыкновенный пушистый кот. Размер — чуть более среднего. Дымчатый, благородный такой... надменный, как начальник. Хвост — приличный, внушительный. Лежал на скамейке, что возле подъезда. Не соседский, нет — никогда такого не видела. Это я сначала подумала, что обыкновенный. А пригляделась... А у него уши длинные, как у кролика. Здоровые, особенно когда он их приподнимет, словно прислушивается. Но морду не приподнимает, так она у него на передних лапах и лежит. Только уши. Не скажу, что это меня уж сильно удивило, откровенно говорю. Сейчас столько всякой гадости понавезли — за деньжищи огромные, что уже ничем не удивишь. Сами знаете и крокодилы, и змеи, и ящерицы, что раньше только по телевизору показывали. Чем они их кормят, хотелось бы знать. Может, это порода такая — мне-то почѣм знать? Квартиры у нас в подъезде понакупали всякие, может, и кота такого с собой привезли. Сейчас мода пошла на котов ошейники надевать. Но этот — нет, без ошейника.

А вот когда собака подбежала, я испугалась. Собака огромная — дог. Ну, думаю, котику этому, на кролика похажу, и крышка. А он лежит себе как ни в чём ни бывало и на дога поглядывает. Дог к нему рванул, а потом затормозил, как машина, аж лапами по земле проехал. Затормозил и стал, как вкопанный. А кот как лежал, так и лежит. Дог долго стоял, несколько минут, наверное, а потом гавкнул. Неуверенно так. Собака большая, а волнуется что ли. А вот дальше...

Кот сел на скамейке, открыл — не знаю, как и сказать, — пасть, наверное, и зарычал, как лев. Как лев рычит в кино. В зоопарке я бывала, но что б так громко — не приходилось. И тут сердечко моё и замерло. Зарычал, и пасть его эта... Такая большая... огромная. А он, я уже сказала, крупный, но в пределах. А пасть... Не приходилось. Дог на мгновение замер, а затем так рванул, ударился о мусорный бак, о бордюр споткнулся. А кот прыгнул со скамейки и пошёл себе, медленно так... величаво. И тут я ещё раз отметила, точно: хвост большой и пушистый. Не кролик. Но пасть... Как зарычит...»

Далее шли бесполезные и не имеющие к расследованию комментарии, и Пилигрим не стал отнимать время у слушателей.

— Неплохая работа, — одобрил Эдик. — Чувствуется хватка, стиль, эксклюзивность и авторский акцент.

Неожиданно вмешался Женя:

— Не... слабовато. Он вообще мог эту запись сфабриковать, перемонтировать и подтасовать. Информации — ноль, выводов — никаких. А что рассказчица — может, она знает, в чём секрет, где собака зарыта? Или тот же кот ушастый? Бабку, в конце концов, можно было приволочь сюда, выяснить, что она обо всём этом думает! Сколько эта мистификация будет продолжаться!

— Теперь понятно, — зловеще оживился Эдик и наклонившись к водителю строго спросил: — Твоя работа, обнаглевший плут? И дог этот — откуда взялся? Ты же понимаешь — масса, энергия...

— Дог из местных... — пробурчал Женя.

Генерал Эдик устремил пронзительный взгляд в женин затылок. Тот не оборачивался. Наверное, Иннокентию Лазаревичу очень стыдно подумал Валерий. Эдик поёрзал на сиденье, устроился поудобней и задумчиво произнёс:

— Баба огромного дога не испугалась. А кого-то кота длинноухого... Удивительный народ. А вы вообще способные на что-то рациональное? — Посмотрел на Валерия и пояснил: — Эта риторика, к вам она не относится. Вы — способны, кто б сомневался. Надо же — какой-то зверёк...

— Кот повёл себя необычно, что вызвало у пожилой женщины вполне понятный страх и волнение... — робко высказал своё мнение автор интервью.

— Да какой это кот? Вы о чём? Жертва синтезатора... Это такой принтер трёхмерный. Трудно работать, трудно держать на контроле безответственных сотрудников с деформированным пониманием сущности эксперимента... Тоска! Впасть бы в анабиоз и улететь на какую-нибудь центавру...

Валерий лихорадочно обдумывал происшедшее. Я согласен только на ведущую роль, думал он. Функция информационного посредника меня не устраивает. И почему именно я? Ткнули пальцем наугад и попали. Почему такое внимание? Чудеса с помилованными, коты всякие, ящерицы... Мы атакованы могучей силой, и здесь всё средства хороши. Он с надеждой глянул на своих спутников: «С такими не пропадёшь! Какая пластика взаимодействия!»

От избытка эмоций Валерий дёрнулся. Эдик заметил нервное движение и значительно сказал: «Я вижу, мой друг, в вас происходит борение? Это хорошо. Пусть в вас всё кипит. Настоящий мужчина должен быть борцом и победителем. Не настоящий...» Генерал задумался. Ему помог Женя: « Не настоящий — моськой, сьявкой, мопсом и пикинесом!» И громоподобно заржал. Генерал треснул его по затылку, тот втянул голову в плечи. Эдик не стал развивать свою мысль, видимо, как решил Валерий, посчитав её в такой сложной обстановке малозначительной. Генерал Эдик наклонил голову к Валерию и задумчиво спросил:

— А вот этот Рой ваш... Кто он? Наш человек или так?

— Да что вы, — небрежно махнул рукой Валерий и даже запросто добавил «мой генерал», но далее стушевался и ушёл от прямого ответа, — мечтатель, позёр, недостойная нашего внимания личность. Ни цели, ни силы воли, ни здоровых амбиций.

— Да... — глаза генерала были полны удивления, — странно, странно. Я бы был более строг и категоричен по отношению к этому недостойному типу. По-моему он просто негодяй и выскочка. А вы его жалеете... Может, вас мучит совесть? Может, вы ему что-то должны, и долг офицера не позволяет вам вести себя не этично?

И тут Валерий вспомнил — было дело, брал, должен.

— Если откровенно, — сказал он, — должен. Пятьсот рублей. Всё собирался... Никак...

— Ну, теперь это поправимо. Теперь вы — член, и член платёжеспособный. Член организации, я имею в виду. А то ещё подумаете... У вас как с деньгами? Не издержались ещё?

Валерий растерялся уже в которые раз: а когда бы я их истратил, мы почти постоянно вместе, ни на шаг... Промолчал и невразумительно кивнул.

— Ваш Рой, наверное, апостолов ищет, — хихикнул Женька. — Дома ему не сидится. А апостолов этих нет и быть не может. Впрочем, они могут быть при определённых обстоятельствах, но могут и не быть. Не хер по пескам болтаться. Ищейки, мать их...

— Замолчи, придурок, — генерал Эдик опять треснул его по затылку и так сильно, что даже за отбитую ладонь схватился. — Что б понимал, идиот, бездарность, лицедей! На совещании было сказано, что есть. Только их искать надо. Экспедицию надо организовать, пожертвования, опять же, не помешают. Это тебе не баранку крутить или доллары печатать. — Осёкся, мельком глянул на Валерию и добавил извиняющимся тоном: — Фигурально выражаясь, конечно.

— Не правда, не правда, — визгливо сообщил Женя, — на совещании об апостолах и словом никто не обмолвился. На высоком собрании в основном об этом экземпляре говорили — брать его в проект или не потянет он на элиту. А вы, господин генерал, если не знаете, так не говорите — что новичку мозги пудрить?

— Я не знаю? — возмутился генерал. — Да это ты... клоун бездарный, только и умеешь людям голову морочить. Тебя для чего активировали, дурень?

— Это ещё надо разобраться, кто кого активировал, — обиделся Женя и нажал на тормоза, генерала при этом не предупредил. Взял вправо и остановил машину. Прокашлялся и заговорил лекторским голосом:

«Концептуальный саморазвивающийся экспромт — это любимый жанр нашего противника. Первоначально идёт неопределённая посылка, намёк, размытый образ, сбивчивая терминология. Закладывается шаткий фундамент, который со временем вырастает в довольно логичное, не лишённое признака завершенности здание.

Термин «апостол» существует буквально считанные недели. Понятный, сроднившийся с содержанием нашего привычного лексикона, он был благосклонно принят исследователями, и стал использоваться к месту и не месту. И что замечательно, использоваться даже не в разных смыслах, что можно было бы списать на неопределённость терминологии, а, возьму на себя смелость сказать, вообще без смысла. Новоявленным «апостолам» приписываются и тайные знания, и надуманные физические и духовые способности, и религиозное лидерство, и принадлежность к некому высшему разуму».

Он оглянулся и победным взглядом окинул пассажиров, сидящих на заднем сиденье. Валерий предположил, что генерал опять совершит экзекуцию, так как Женя своим вызывающим поведением её явно заслужил, но его ожидания не оправдались. Женя попытался продолжить: «Адаптация апостолов порой принимает формы весьма уродливые. Каждый последующий шаг контакта обогащается в сравнении с предыдущим более информативным, ориентированным на нас содержанием, детализацией....»

— Ладно, ладно, — прервал генерал Эдик. — Знаешь. Вижу — стараешься. Трогай!

И автомобиль вновь покати к городу. Смеркалось.

Валерия высадили в центре города. Генерал Эдик выскочил из машины, предупредив Валерия, что слева лучше не выходить, подал ему руку и помог выйти на тротуар. Крепко обнял и заверил: завтра много дел, надо быть на связи. Мобильных телефонов в организации пока недостаёт, поэтому лучше находиться дома и ждать звонка.

Глава 22

Начальство спровоцировать не удалось, и Антон решил уйти самовольно. Этот шаг не вызвал у Игоря удивления. Оба понимали: попытка покинуть базу наезженным официальным путём обречена на неуспех. Заморочат голову: заявления, объяснения, собеседования, ожидания — весь набор общеизвестных бюрократических форм общения, рассчитанный на бесконечное неуважение к личности человеческой, с одной стороны, и бесконечное рабское терпение, с другой. Тебе, вменяемому человеку, пристально смотрят в глаза и несут всякую чушь. Мол, куда же вы? Такое бывает — постстрессовый синдром. Сны цветные не снятся? В постельку не писаетесь? И эта снисходительная манера общения исходит от чиновника, который не встречал в своей некороткой жизни и десятой доли «красот и чудес», ставших составной частью жизни «пациента».

Процесс такого рода и ранее представлялся нелепым и противоречащим элементарному здравому смыслу. Теперь он бы выглядел просто абсурдным и, возможно, опасным. Локализацию конфликта ещё никто не отменял

Обсуждение было краткое. Антон достаточно долго подчинялся всевозможным приказам. Возможно, слишком долго. Это первое. Его функция здесь так и не была определена: что-то вроде «на всякий случай». Это второе.

Для Игоря и этих аргументов было достаточно — вольному воля. Но Антон выложил и третий мотив: чего бы это не стоило, он встретится с матерью и постарается ей дать то, что было недодано за многие годы. Игорь проводил Антона

до освещаемой границы лагеря. Далее Антон должен был идти один. Его карманы были набиты всяческими хитрыми приспособлениями — не зря же учился? — и ночные прожектора, «егоза», инфракрасные датчики — не помеха.

— Доберёшься домой, считаешь прессу, узнаешь, что ты здесь делал, — сказал с улыбкой Игорь.

— Они напишут, — на слове «они» Антон сделал ударение. — Считаю, отдохну и за дело. — Планы наполеоновские? — спросил Игорь.

— Нет, солдатские, — буду жить, — ответил Антон.

Он был явно взволнован, но не собирался затягивать прощанье. И потому не было вселенских откровений.

Антон сказал:

— Игорь, я же и не жил вовсе, я только собирался. А теперь буду жить. — Помолчал, смутился и продолжил: — Надо же, в такой ответственный момент сломался...

— Ты это зря... — ободрил его Игорь.

Решение Антона выглядело нелогичным, безответственным, мальчишеским, предательским... Список будущих обвинений можно было продолжить. И продолжат. Антона это не могло не беспокоить.

Игорь неплохо знал и на своём, и на чужом опыте, что есть такое — немотивированные с точки зрения общепринятой житейской логики поступки: отказ от привычного уклада жизни и образа действий, переход с накатанной дорожки на ухабы, добровольное лишение собственной драгоценной персоны ставших привычными благ и принятие превратностей всяческих... Однако, он считал, что более мотивированных поступков не бывает. Это — решение. Решение, которое требует и жертв, и мужества. Это решение, которое противостоит конформизму и позволяет человеку остаться самим собой.

Осуждать такой поступок может человек, который относительно собственной судьбы решений никогда не принимал — за него это делали другие, зато относительно чужих судеб и жизней принимал их с такой лёгкостью, словно речь шла о запасных винтиках к детскому конструктору. Об этом он Антону не сказал. Не сказал он и о том, что, если бы мы чаще задумывались о своих матерях, то многое, очень многое, у каждого своё, тяжёлым камнем лежащее на сердце, не случилось бы. Возможно, и Города и прочей чертовщины бы не было. И поэтому Игорь был краток:

— Чёрт с ними, — сказал он, — любителей посетовать на несознательность... — он замялся, подбирая слова, — на несознательность, строптивость и безответственность человеческого материала много! Но мы — не материал! Жить — вот самая большая ответственность. Чёрт с ними! Делай, как решил. И адрес пробей — раз уж такой расклад пошёл.

Они обнялись, и Антон ушёл в темноту.

Глава 23

Хватит юлить, думал бредущий по берегу реки Рой. Они могут нас всех заменить. И переделать. Раз плюнуть. Никто и не дёрнется. И никакого десанта не надо. И организованного сопротивления не надо. И героев не надо. И антигероев — тоже.

Рой смотрел на редкие камышики, торчавшие из мутной, почти коричневой воды. Это же надо! — прошло полжизни, и вот берёг той самой реки, ниже по течению которой он бывал много-много лет назад и из вод которой тогда, давно, взрослые дяди вытащили голову огромного сома. Эта находка не только отложилась в памяти, но и связала, в разной степени, конечно, малолетних участников события. И связь эта прошла почти через вечность, не оборвалась, не ослабла и даже пополнилась новыми узлами разной сложности.

И он вспомнил книгу в её первоначальном варианте, который удивительным образом стал основой не менее удивительной находки Игоря. И находку эту Рой прочитал с удивлением, страхом и надеждой. Были там страницы очень странные, оцениваемые им ранее как второстепенные, казалось даже, кем-то навязанные, с общим содержанием не сочетавшиеся, заслуживающие бескомпромиссного удаления. Но именно они, эти страницы, приобрели новый смысл и иную ценность.

...Вчера Рой решился. Для порядка сам перед собой покапризничал и направился в санитарную часть. Открыл дверь и зашёл в вагончик. Пересёк маленький коридор и осторожно приоткрыл вторую и единственную дверь. В комнате возле металлического шкафа со стеклянными дверцами стояла рыжеволосая девушка. Она слегка потряхивала поднятыми кистями рук и внимательно разглядывала свои пальцы.

На лице не было недовольства. Пахло растворителем, и Рой сделал вывод, что маникюр удался. Мысленно он хотел ретироваться: от только сейчас сообразил, какой букет запахов внесла в эту обитель чистоты и уюта его пропотевшая насквозь одежда. Да здравствует ацетон! Инерция уже завела его в комнату. Девушка вопросительно посмотрела на него. Он молчал.

— Заходите, не теряйтесь, — сказала она, — здесь нет ни врагов, ни друзей. Есть только постоянная забота о здоровье наших доблестных поисковиков.

Яркий свет, эта рыжая, инструменты всякие блестящие... Рой замялся.

— Вода у нас привозная, климат, сами знаете... Желудок? — и через пару секунд уточнила: — Кишечник? Давно началось?

Далее молчать было нельзя. Рой очнулся:

— Снотворное... — и замолчал.

— Содержательно. Бессонница? Кошмары? — И опять: — Давно началось?

— Недели две, — ответил Рой.

— Сны навязчивые? — девушка подошла к Рою и посмотрела на его лицо, затем в глаза. В её глазах Рой прочёл жалость. Это раздражало. Она добавила: — Насчёт снов — я серьёзно. Более, чем серьёзно. Если есть, прошу, не скрывайте. Это важно...не только для вас. Особенно, если вы видите то, чего не было. Присядьте.

Рой не хотел присаживаться. И уходить тоже не хотел — даже с полными карманами таблеток. И что же ей рассказать, подумал он: о древнем городе, том из сна, о цветах среди руин, о стенах древних, о шёпоте теней? А потом о глазах её зелёных? Да и всё остальное...

Взгляд Роя был рассеян, но он видел всё, а что не видел, дорисовывал. И только сейчас Рой вдруг подумал и осознал. И испугался, действительно испугался, что девушка прочтёт его мысли. Он с удивлением отметил: уже несколько месяцев никого не было. Ему даже стало неловко. Перед кем, он определить не мог.

Просто неловко. И немного смешно. И о том, что проблема не из неразрешимых, он подумал только сейчас. И о том, что он её не решил за всё это время, тоже подумал только сейчас. И о том, что Город только здесь, в этой комнате с этой зеленоглазой, его немного отпустил, он тоже подумал только сейчас.

Он стоял в растерянности. Но, видимо, что-то вполне понятное женщине и воспринимаемое женщиной всё же промелькнуло в его глазах, накатило упрямой прозаической волной на собеседницу, и она тихо сказала:

— Солидарна. — И затем: — Не по адресу. — Пауза. Добавила: — Валентина.

Рой взял протянутую ему пачку таблеток и, тихо простившись, вышел. Добрался до своей обители, сжевал три таблетки и завалился спать. Получилось.

...Рой посмотрел на воду, и ему показалось, что движется не вода, но берёг и он вместе с ним. Пусть так. Пусть будет, что угодно. Он чувствовал себя затравленным. Не зверем — затравленным человеком. Есть же предел? Похоже, есть. Он присел на песок, принял удобную позу и, сосредоточившись, задержал дыхание. Он не считал секунды, просто не дышал. Говорят, помогает. Вскоре в висках застучало, от лёгких и сердца передался мозгу решительный протест, и он жадно и глубоко вздохнул. Да, помогает. Затем глубоко вздохнул ещё и ещё раз. Он встал, прикинул, насколько он далеко ушёл от лагеря, учёл, что звук над водой распространяется беспрепятственно, а так же тот факт, что здесь никого и ничем не удивишь.

Он зацепился взглядом за точку на противоположном берегу и что есть сил заорал: «Гос-ти! Гос-ти!!! Отвалите от меня!» И рванул вдоль берега.

Трудно бежать по песку, вообще трудно бежать. Дыхание сбилось, виски бунтуют, слёзы градом. Да, силы не те, не те. Но он прибавил скорость и со свистом выдавил из себя: «Хва-тит!» Голос сорвался, призывный клич захлебнулся. Он продолжал бежать на нервах. С утра Рой выпил лишь чашку кофе и потому почти не потел. Упрямо бежал и понимал, что обезвоживание организма может привести к потере сознания. С реки потянуло прохладой, он продолжал бежать, испытывая жгучий стыд за свою физическую и умственную немощность. Стыдно. Он хотел ещё раз заорать, но силы его покинули. Пробежал ещё десяток шагов вразвалочку, встряхивая руками, и плюхнулся на берег. Ослабевшие руки не удержали тело, и он ткнулся лицом в мокрый песок. На зубах захрустело. Ему хотелось выгнать, вытолкнуть наружу бьющееся внутри: «будь оно всё проклято, всё, всё, всё...» И... сдержался. Не имея сил встать, Рой подполз на четвереньках к воде, упёрся о локти и погрузил лицо в спасительную прохладу. Отпустило.

Глава 24

Нехорошо подглядывать и читать чужие письма. Но есть джентльмены, которые обязаны это делать. Просто обязаны.

Крыша добротная, уложена цветным еврошифером. Что там ниже? Густые ветки. Что на них? Груши? Действительно груши. Вкусные, наверное, сочные... Вот брешь среди листвы, заглядываем. Кусок чистого голубого неба, вдали облачко, и что-то даже промелькнуло — птица. Птица? На, да — здесь можно. Но не это важно. Что там, ниже? Клумба, цветы. А вот и дом. Вернее, часть дома. Хорошо виден вход, неказистое крылечко. И дом не новенький, и крылечко старенькое. Что-то есть в это архаичности привлекательное и грусть вызывающее. Вспоминается то, чего не будет уже никогда — детство. Но и это сейчас не главное.

Плетёное кресло-качалка. В нём молодая красивая женщина в лёгком платье, на плечах большой платок — цветастый, яркий, создающий режущий глаз контраст. На лице улыбка. Нерадостная, восковая, но улыбка. Выражение лица почти не меняется. Из дома выходит мужчина средних лет. Весёлый мужик. Тоже улыбается

— естественно, широко, но видно, не актёр он — натянуто как-то, деланно. Лицо дамы не меняется. Мужчина ходит по двору, иногда пропадает из поля зрения, ограниченного зелёными листьями и ветками. Поднимает лежавшую в траве стрелянку, аккуратно прислоняет к стене и довольно громко, чрезмерно громко, словно подчёркивая своё желание привлечь внимание женщины, радостно сообщает:

— Урожай соберём, домик подремнтируем... А там, может, и на море... Тепло, чайки, винцо, креветки. Экскурсий в открытое море, может, на дельфинов нарвёмся...

Расстояние есть расстояние, но и техника не промах. Подкручиваем слегка резкость, регулируем громкость. Он не улыбается, нет, он изображает улыбку. И в глазах — тревога.

Дама поправляет сползающий платок, кладёт удобнее руку, слегка поворачивает голову в сторону собеседника. На лице просматривается внутренне усилие — она пытается что-то понять или сказать. И ей, наверное, есть, что сказать, и, возможно, собеседник даже не представляет, какой поток мыслей и переживаний уготован для него. Но женщина молчит и только шевелит губами. Что это — тень? Нет, не тень — по щеке катится слеза.

Мужчина пропал из зоны наблюдения, он где-то рядом — слышен его голос. Но разобрать можно отдельные слова: «грядки», «по весне», «ремонт»... И это понятно: хочет он настроить собеседницу на лирический дачный лад Её? Может себя? И режет ухо и душу простая фраза: «Мы же с тобой об этом мечтали?..»

У Антона, расположившегося на чердаке дома напротив, сжалось сердце. Он опустил мощный монокль с записывающим устройством и тяжело вздохнул. Затем ещё несколько раз — выбрасывая с потоками воздуха тяжёлое, слишком тяжёлое чувство тоски и безысходности.

Джинсы, лёгкая рубашка — не привык ещё — на правом боку висит небольшая спортивная сумка — почти свободный гражданин почти вселенной. Но не получается ни первое, ни второе. Уж как-то всё жёстко отформатировано, вяжет по рукам и ногам, не отпускает. «Они об этом мечтали?» — с грустью подумал он. Или господин этот мечтал и яростно, мучительно желал? Когда желал и просил? Всю жизнь? В лагере? Когда уходил в Огни? Или когда она ушла — навсегда! Или уже в Огнях? Домечтался! Допросился! Все планы к чёрту!

Антон снял камеру с монокля, положил в сумку. Бесшумно двинулся к выходу из чердачного помещения.

Глава 25

В домике жарко, но не душно: воздух сухой, что свойственно этим широтам. Дожди необычно щедро освежали лагерь, но не напоили землю. Да и что её поить — растительность здесь убогая, живности почти никакой. Да и знаем мы — «как вода в песок». Природа зря силы расходовать не станет. Она мудра, она целесообразна. Но, интересно, могут у неё быть, как у дитя её, человека, капризы, вольности непозволительные, причуды всякие? Игривое или мрачное настроение? Могут быть взлёты, паденья, депрессии после неудач? А попытки начать всё сызнова: ну, не повезло, не получилось...

И вроде бы бежать надо, думает Рой, развалившись на солдатской кровати и меланхолично водя пальцем по стенке опостылевшего сборного домика. Вот он, пусть временный, но — дом, кров. Но что значит временный? Сколько эта «временность» продлится? Из всего временного рано или поздно возвращаются. Но куда возвращаться? К обычной нормальной жизни? Но кто сказал, что она нормальная?

Как мы любим ставить границы. Был здесь, а теперь — там. Перевернул страницу в дневнике жизни, и прошлого как не бывало.

А можно ли перевернуть, пролистать вчерашний день и даже не оставить в нём закладки? А если этот вчерашний день — Город и всё с ним связанное? Ведь мы сами, часть нас, и есть закладка этого дня, и останется эта часть здесь навсегда — там, где прервалось чтение. И если этот день, эта прочитанная страница растворится, исчезнет как мираж, покинет нас как сложный, тяжёлый длинный сон, что станет с этой закладкой — с нами?

Мы гоним от себя неудобные мысли и вопросы, чтобы отсрочить ответ. Но отвечать-то на вопросы всё равно придётся. Что могут дать наши отрывочные, скорее всего, поверхностные сведения и рассуждения? Крупицу знания, микро-старт к пониманию... И всё же, если сбежать?

Рой пытается хотя бы схематично спрогнозировать события, и у него не получается, словно он взялся за решение задачи, которая решения не имеет. Миновать посты технически непросто, но варианты есть. До железной дороги добраться — не проблема, деньги имеются, можно уехать с билетом, можно без, можно запрыгнуть на повороте, где ход замедляется. Дом есть, работа есть. А если даже случится так, что её уже нет, не беда: впечатлений на всю жизнь хватит...

И Рой ещё раз пытается представить путь домой. Не получается. Пытается представить дом. Опять не получается. Может, там, в заповедье, уже ничего нет? Пустые города, толпы сумасшедших людей и одичавших собак, озверевшие от бесконечных предательств командиров и бессонницы солдаты, противостоящие уэлсовским триножникам, кровавый делёж бесхозных несметных богатств между теми, кто только делить и привык... И этот Город — всё, что осталось?

А этот, что из заповедья, бубнит и бубнит, бубнит. Пометки на листочке бумаги делает, листочек этот пронумерован — спецучёт, и попадёт он в аккуратненькую папочку. И будет там много других листочков, содержащих ценную информацию, и некто таинственный, всемогущий и всемогущий глянет на них своим всевидящим оком и откроются ему все загадки мира.

Как же он достал, думал Рой, отвечая на наскучившие вопросы коллеги из Центра. Чего он хочет? Он, дитя наивное, уже не спрашивает, что здесь происходит. Он всего лишь хочет услышать простой и понятный ответ на простой и понятный вопрос: как дальше-то быть? Сказать ему, что б почитал Апокалипсис? Обидится. Грубить в ответ вряд ли не станет: мало ли чего можно от местных отмороzków ожидать? К сознательности начнёт призывать. Как вам не совестно, скажет, такие средства расходуются, такая опасность нависла, таких людей собрали, я к вам с объятьями распростёртыми, всей душой... а вы...

А что я? Не скажу же я ему, что у нас души уже разные. Его душа забрела в лес, а моя в нём уже растворилась, живёт и не хочет отвечать ни на какие вопросы. Прыгает по веткам, купается в ручье, спит под листом папоротника... Может, отзовут? Куда? Нет, оставят. Господин интересуется: какие решительные действия можно предпринять, дабы переломить ситуацию? При этом умудряется сделать почти дикторское ударение на «решительные» и «переломить». Какие решительные? Что или кого ломать? Может посоветовать ему поискать кольцо Великого мага? Повернул его или дунул-плюнул решительно — и всё в ажуре.

Пытается Рой ему объяснить, что делать ничего не надо, подкручивать и подвинчивать — тоже. Потому что мы не знаем: что, где и как. Нам надо воспринять процесс, оценить его в меру своего понимания — без деления на чёрно-белое — и участвовать в нём, руководствуясь при этом имеющимся на настоящий момент багажом — опытом и знаниями, То есть просто пройти экзамен.

— И мы вот так просто согласимся? — удивлённо и даже с лёгкой обидой вопрошает коллега. — Будем сидеть и молча ждать приговора?

— Ну, можно, например, лежать, петь песни, возмущаться, назначить виноватых... — упрямо продолжает Рой. — Да и кто нас будет спрашивать? Можно, конечно, подёргаться для виду... Можно убежать — знать бы куда! Таким может быть персональное решение. Каждый из нас, взятый в отдельности, ТУ сторону не интересуется. Но если процесс бегства станет массовым, то привлечёт внимание. Так что выбор есть. Всё просто: от того, как пройдем тест, будет зависеть степень и качество корректировки с ТОЙ стороны.

— Но вы понимаете, что это тупик? Как можно идти, постоянно думая о том, что в любой момент тебя могут одёрнуть таким странным образом, нашлёпать и развернуть в другую сторону... Невозможно постоянно оглядываться!

— Почему невозможно? Возможно и даже нужно! — говорит Рой, — Вы же, когда едете в машине, оглядываетесь? А потеряешь контроль — будет тебе или авария, или ледниковый период, или эпидемия, или Город...

— Когда еду, я руководствуюсь общеизвестными правилами, — возразил собеседник, — и нарушение этих правил очевидно для всех.

Как же ты надоел, чертыхнулся в душе Рой, прикинул, стоит ли продолжать этот разговор. Чаша «продолжить» перевесила, и он сказал:

— Наш тысячелетний опыт и извлечённые уроки — это и есть правила. На каждом этапе свои. На настоящем этапе опыт наш бесценный уже не позволил нам устроить здесь поле сражения или гигантский молитвенный дом. И, на мой взгляд, положительный балл мы уже заработали.

— Риторическая попытка не обращать внимание на Страшный суд уже имела место в истории, — с лёгкой иронией прервал его господин из Центра, — вы прямо как Святой Августин: «...буду пасти своих овец!» А если упомянутый опыт ложный?

— Если опыт ложный, значит, поиск предназначенья не удался, — выдавил из себя Рой, отдавая себе отчёт, что эта ёмкая фраза несколько брошена истерично и невпопад. И надо бы её расшифровать, объяснить, да разговор завязался какой-то странный — ни о чём...

— Вы — фаталист? — ещё вопросик.

— Мы всё субъективные фаталисты и набор любых обстоятельств объединяем весомым словом «судьба». Мы не ломаем себе голову над сложными сопоставительными изысками по поводу того, как могла бы развиваться история в случае создания и применения ядерной бомбы во время второй Мировой войны или падения Тунгусского метеорита на столицу крупного европейского государства. Пронесло, значит, так и должно быть. Эти предполагаемые события не такие уж невероятные. И пусть не всё, но многие дают оценку не только тому, что есть, но и тому, что могло бы быть. А что такое оценка? Соотнесение с нашим опытом. Так что экзамен на соответствие предназначению мы держали и держим постоянно, и сейчас — тоже.

Рой усмехнулся, закурил. Собеседник недовольно поморщился, промолчал, отстал. Видимо, обдумывал содержание будущего отчёта. Наверное, в нём будет присутствовать: «Вместе с тем, со стороны отдельных сотрудников наметилась тенденция к формированию концепций, основанных на собственных интуиции, эмоциях. При этом попытки научного осмысления происходящего отодвигаются на второй план, а то и вовсе отменяются, что не позволяет Центру проанализировать

ситуацию в целом, дать хотя бы предварительное объяснение происходящему и оперативно предложить вытекающую отсюда программу действий...»

Глава 26

Валерий помахал отъезжающей машине ручкой и первое, что сделал, поменял деньги и купил себе навороченную мобилу. На выходе из магазина он услышал звонок. Глянул на табло — там высветилось «Жека». Пилигрим нажал на кнопку и поднёс телефон к уху.

«Валерыч, привет! Спешу жить! Там через дорогу — бар и сауна. Рекомендую. А этого старого дурака не слушай! Чао!» Ну, нельзя же так контролировать, посетовал Валерий, и глазом хищного завоевателя посмотрел на противоположную сторону дороги. Друг Женька был прав.

Нагрузился Валерыч довольно быстро — сказались переживания последних дней. Деньги он пересчитать не удосужился, но знал — есть и много. Его внимание уже давно переместилось на угловой столик, где сидели три девицы понятного предназначения. Но подходить к ним и вести переговоры Валерий считал неловким, да и ниже своего достоинства. Он заказал сауну-люкс, упрямо называя её попростому баней, и отдав соответствующие распоряжения юному, но уже отъевшемуся бармену, направился в сопровождении охранника в апартаменты.

Валерий только успел раздеться и завернуться в простыню, как стол был уже накрыт. «Видели бы эти олухи!» — радостно выдавил заплетающимся языком ухарь-агент. Уточнять список олухов он не стал, ибо таковой не был величиной неизменной — он постоянно пополнялся.

Валерий уселся за стол, налил себе полную рюмку коньку, название которого уже не мог прочитать, и только поднёс её к губам, наметив на тарелке симпатичный бутербродик с икоркой, как распахнулась дверь и в комнату впорхнула завёрнутая в простыню миловидная девица. Она быстро представилась Анжелой, быстро уселась за стол, быстро налила себе такую же рюмку того же напитка и, не спрашивая имени повесы, хлопнула её, закусив маслиной и торжественно произнесла: «За знакомство!» Валерий сделал то же самое, но молча.

Валерий мялся и не знал, с чего начать. Девица заметила неловкость клиента и, пропустив ещё одну рюмку, не забыв налить Валерию, который её проглотил, не заметив, заговорила как опытный экскурсовод: «Валера, не скучайте, вас ждёт хоровод веселья, забавных шуток, праздничных фейерверков и прочих подходящих состоянию вашей души развлечений...»

Валерий точно помнил, что имени своего не называл.

«Наш праздник можно украсить половецкой пляской на столе, метанием тарелок в цель, пением неприличных писем и даже языческим развратом...» При последних словах она дико покраснела и поперхнулась. «Угостите даму!» — сказала она и, уяснив, что собеседник не совсем дееспособен, плеснула себе ещё, с сомнением и сожалением посмотрела на Валерия, налила ему и, подняв свою рюмку, провозгласила: «Пьём, гуляем, золото, бриллианты!» Выпила и швырнула рюмку в горящий камин. Остатки коньяка пыхнули неожиданно сильно, и из камина выплыло большое облако ароматного дыма. Голова у Валерия вышла на очередной виток кружения. Анжела встала, распахнула простыню, и туманному взору Валерия предстали женственность, тайна и искус, совмещённые в одном теле: длинная шея, небольшая изящная грудь, молящие о внимании бёдра.

Анжела собралась сбросить простыню, но остановилась и озабоченно спросила: «А вы какой размер груди предпочитаете?» Валерий понял вопрос и к своему

удивлению, не теряя времени на раздумья, ответил: «Шестой». «А седьмой бывает?» — спросила девица и почему-то опять покраснела. Валерий невразумительно пожал плечами и прибегнул к философии: «Полагаю, что, если есть шестой, то должен быть и седьмой...» Девица стыдливо запахнула простыню, подскочила к столу и опять разлила выпивку. Себе наполнила кофейную чашку. Чокнулись, опрокинули. Несмотря на сумеречно состояние, Валерий чувствовал в себе просыпающегося зверя.

«А теперь — купаться!» — весело, с игривым смехом заявила Анжела, вскочила со стула, сбросила наконец балахон и Валерий увидел то, чего не видел, так сказать, в натуральном выражении никогда: и седьмой и восьмой размеры, бесспорно, существуют. Он попытался обнять Анжелу за талию, но не дотянулся и чуть не упал. Обнажённая мадам удержала его, придав ему равновесие, повела к бассейну. Валерий не хотел купаться: его беспокоило, сможет ли он вылезти из воды. Он махнул рукой и безразлично сказал: «Сама». Анжела прыгнула в бассейн, и брызги окатили Валерия. Холодная вода попала на лицо, он познал просветление. Потряс головой, обвёл взглядом апартаменты: девицы не было. Посмотрел на волны всё ещё пробегавшие по поверхности бассейна — никого. Подошёл ближе и заглянул в бассейн.

Мужество его окончательно покинуло. Голая девица лежала на дне бассейна, её совершенно не смущал двухметровый слой воды, отделявший её от покрытой мелкими волнами поверхности. Она лежала на боку, подперев голову ладонью, и что-то жевала. Приветливо улыбнулась Валерию, помахала ему свободной рукой и затем совершенно легкомысленно — ножкой. Пилигрима шатнуло. Было видно, что девица рассмеялась, но звук не пробивался сквозь толщу воды. Девица вдруг прекратила смех, глянула на своё тело, крайне смутилась, прикрыла груди рукой и плюнула в сторону глазающего на неё Пилигрима. Он не успел ничего понять, лишь почувствовал удар в глаз, и, схватившись за больное место, обнаружил в руке косточку от маслины.

Валерию показалось, что он сходит с ума. Нельзя в такой ответственный момент, подумал он, надо держаться. Но сердце подсказало ему иное. В одно мгновение он сорвался с места, скользя по полу, подбежал к вешалке с одеждой, собрал всё в охапку, пробежал одну открытую дверь, другую, толкнулся в третью, та легко отворилась. Оказался в небольшом коридоре, открыл ещё дверь, и перед ним предстала картина, которой он не раз грезил. В комнате азартно отплясывали штук пять совершенно голых девок, в кресле сидел солидный пузатый гражданин и читал газету. Гражданин удивлённо посмотрел на незваного гостя, укоризненно покачал головой и опять углубился в чтение, при этом шевелил губами. Валерий лихорадочно оделся, убедился к своему удивлению, что деньги на месте, пробормотал «извините великодушно» и выбежал в коридор. Господин посмотрел ему вслед и изрёк: «Ну и нравы!»

Валерий миновал коридор, дверь и наконец-то парадное. Ещё мгновение, и он на улице. Облегчённо вздохнул и стал прикидывать, как добраться до дома. Он не заметил, как из заведения вслед за ним вышел худощавый молодой человек, хищно улыбнулся и занёс правую ногу для пинка. Таксисты, кутившие на стоянке, наблюдали с интересом и замерли в ожидании. Удар был очень силен. Объект насилия слетел с лестницы и долго стоял на четвереньках, пытаясь осмыслить происшедшее. Сила удара и осознание творящейся несправедливости сделали своё дело: Пилигрим сник и стал просить таксистов, всех сразу, отвезти его домой за любые деньги.

Оказавшись в машине, где боязнь открытого пространства и связанных с ним опасностей была сведена к минимуму, Валерий попытался взять лихаческий реванш и прокричал гулявшей по вечернему городу стайке девчушек: «Девчонки,

идите к нам, мы писатели!» Жест, которым он сопровождал этот отчаянный призыв, ни в коей мере не соответствовал обозначенному творческому направлению. Вскоре он оказался дома. Таксист весьма и весьма обрадованный щедрым гонораром не только довёл Валерия до квартиры, но и открыл дверь его ключом и проводил до тахты. Разувать его не было надобности, так как беглец-неудачник был в носках. Валерий уснул.

Проснувшись, Валерий испытывал сложное чувство. Ему было стыдно за вчерашнее пьянство, за то, что подвёл своих коллег, за истраченные и неотработанные деньги, за беспутную юность, за двойки, полученные в школе, и за то, что своим поведением он может поставить под удар весь проект. И в то же время он задавал себе два вопроса: червь я земной или... Нет, не червь! Пыль я земная? Нет, не пыль! Мало ли что бывает. Валерий довольно долго приводил себя в порядок и радовался тому, что никогда не похмеляется — прекрасное, как он полагал, качество для оперативной работы.

Как только Валерий закончил пить третью чашку кофе, зазвонил городской телефон. Это был Женя. В телефоне стоял треск. «Слушают, сволочи!» — сказал Женя. Пилигрим попросил перезвонить на мобильный. Женя ответил, что не может: с этого номера нельзя — это ведомственный телефон, а мобильный у него забрал генерал. Он надиктовал сложный маршрут, пройти его предстояло пешком. Валерий отыскал в шкафу старенькие туфли и последовал полученным указаниям.

Он долго ходил по узким улочкам, проходным дворам, заброшенным стройкам и наконец вышел к стоянке такси напротив злополучного бара. Валерий хотел поспешно ретироваться, но тот самый, он хорошо помнил, таксист приветливо помахал ему рукой и указал на стоящий невдалеке знакомый автомобиль. Валерий подошёл, открыл заднюю дверцу и его буквально втащил Женя, сидящий на заднем сиденье. Больше в машине никого не было.

Глава 27

Машинный зал — так обозначил подвальное помещение Игорь — гудел. Старые счётные машины, осциллографы, датчики, большие серые шкафы были запитаны и работали. Чем и кем они были озадачены, можно было только гадать, а проще и не гадать. Потолочные светильники, защищённые мощными плафонами и панцирными сетками, давали слабый не достаточный для внимательного изучения оборудования свет. У выхода на закреплённом на стене сером щитке красовался большой рубильник.

Интересно, замрёт здесь всё, если выключить, подумал Игорь и сам себе ответил: скорее всего, нет. Обычно возле таких рубильников имеется надпись какая-то — предупреждающая, разрешающая, разъясняющая. Или стрелка красная, на худой конец зелёная. Ничего этого не было. Бутафория?

Мотив выбора места для размещения станции был прост. Невдалеке добывались фосфаты, работали в основном заключённые, то есть продукция недорогая. Река, к которой ныне и, похоже, издавна, так равнодушен Рой, недалеко, что также немаловажно. Поначалу на опытном поле проверяли эффективность удобрений, затем товарищи учёные перешли к обработке технологий защиты растений. Затем — как обычно: борьба умов, интриги, особы, приближённые к императору, и им не замеченные, но жаждущие внимания. Кто-то из приближённых подал идею о борьбе с саранчой, прочими вредителями и попутно обрисовал специфику самоуправления туче-мозга. А где внутренне управление, там и манипулирование внешнее.

Можно отправить стаю саранчи в море или мёртвую пустыню? Конечно, можно. Для этого достаточно смоделировать управляющий сигнал. Судя по имеющейся весьма отрывочной информации, смоделировали и даже опробовали. Мало того — получилось, если не соврали в отчётах. И попал мультиэлементный организм на поводок, если не на короткий, то на длинный. Какие уж там были сигналы и как доводились до объекта изучения, сказать трудно — это к спецам. Но сигналы такие были и туче-мозг их воспринимал.

Понятно, о том, как может воздействовать чудодейственный сигнал на другие организмы или что он несёт в заоблачные дали, никто не задумывался. Сигнал, конечно слабый, и всё это фантазии, но всё же... Что мог подумать или ощутить какой-нибудь создатель Астуса и прочих произведений, получив искажённое расстоянием и космическими выкрутасами всяким сообщением, читаемое: «Приезжайте в гости!», или «Мы сошли с ума», или «Погибаю, но не сдаюсь»...

Что только в голову не придёт! Хорошо, что хоть что-то пока приходит. А ведь именно об этом говорилось в этой книжке. Именно об этом. Может, оттуда в ответ тоже поступил искажённый сигнал, изуродованный временем и расстоянием? И, что они сказать хотят, вообще невозможно ни разобрать, ни понять? Ну, зачем показывать Антону катастрофу, происшедшую недалеко от этого места во времена, когда и велись эти эксперименты с саранчой? Логичней было бы воздействовать таким витиеватым образом на Роя, выросшего в том далёком, с его слов, волшебном, но не сказочном городе. Рой рассказывал об этом трагическом случае. Рассказывал — но не Антону.

Старинный проектор заработал... полбеда. Но это зал целый, аппаратурой напичканный. Да, старое всё, так электроэнергию, значит, ещё больше жрёт. И откуда запитан весь этот реквизит? Ладно, ничего не трогать.

Игорь вышел из машинного зала, дверь осталась открытой. Прошёл по коридору и свернул в большую комнату — что-то вроде холла с деревянными вешалками. Гул стих, но к этому надоевшему монотонному зуду примешался шорох, звук лёгких шагов, невнятное сопенье — как-то всё сразу и неожиданно. Периферическим зрением Игорь отметил несколько человеческих фигур. Не хотелось, но пришлось повернуться. Четверо. Везёт, что уж тут скажешь. Вид у подвальных незнакомцев не очень. Главного выделить вроде можно — совершенно спокойная довольно суровая физиономия с немигающими глазами. Трое — менее уверенные в себе господа, но порвут и сильно не расстроятся. Игорь почти не сомневался: вот он известный, но не виденный Му-Му с подельниками. Не устоял двойник, прибыл к месту предназначения.

Чувствовал себя Игорь препаршивенько, и неожиданно пришла в голову мысль: что за мандраж — ведь Му-Му не преступник, не злодей, просто гость, из ранних. Он лишь двойник преступника. Разогнав, это ещё очень мягко сказано, банду в Молокамске, он, скорее всего, изъясил немалые финансы. Зачем они ему? Но не встал на криминальный путь, не повёл сулящую немалые приключения и радости борьбу за власть. Он хотел сюда. Возможно, давно хотел. Насколько это желание осознанно? Это инстинкт или план?

Тишину нарушил суровый тип в спортивном костюме. Он обратился к предполагаемому Му-Му:

— Это он? Он нас приведёт туда?

Му-Му поморщился недовольно и кивнул головой.

«Куда — туда? — подумал Игорь. — Что он им конкретно наобещал?» Спортсмен с заметным пивным брюшко на этот раз обратился к Игорю:

— Так приведёшь?

— Без проблем, — ответил Игорь, совершенно не понимая ситуации. Он пока не сообразил, кому он подыгрывает. Му-Му? Всей банде? А также подумал: может, просто подурачиться, возможно, напоследок. Спросил:

— Ты Переплёт?

— Да.

— Тогда пусть ребята твои покурят. А мы побеседуем.

Переплёт окинул взглядом своих спутников и кивнул. Сопровождающие лица недовольно помялись для порядка, команду выполнили — удалились походкой, полной бакланного достоинства, в сторону машинного зала.

Му-Му приблизился и без всяких экивоков перешёл к делу. Он не спрашивал, он утверждал:

— Ты знаешь, кто я. Я знаю, кто ты. Мне нужно в Город. Взамен — твоя жизнь и, естественно, возможность получить, что ты хочешь.

«Вот как, — подумал Игорь. — Всё очень просто. Он полагает, раз Город терпит меня, то я могу ему предложить и своего протеже — отличного парня, гостя, вчерашнего сумасшедшего и недавнего уголовника. Намекну, замолвлю словечко, может, топну ножкой и повышу голос — и Город меня послушает. Если бы он меня слушал, хотя бы слышал...» Сказал другое:

— Понятно. А эти тебе зачем? — указал рукой в сторону зала, куда благо-родно удалились спутники Переплёта.

— На всякий случай. Например, пол-лагеря разнести в случае возникновения разногласий в богословском споре.

— Получится? — выразил сомнение Игорь.

— Постараемся.

— А если Город снизойдёт, куда их?

— На ваше усмотрение. Хоть в тюрьму, хоть в песок.

— Я ничего не могу гарантировать, — Игорь говорил открыто.

— Я тоже, — обрисовал свою позицию Переплёт, подумал и добавил: — Мне нужно вернуться туда, откуда я пришёл.

— Ты почти человек... зачем тебе это? — спросил Игорь.

— В том и проблема, что «почти», — пояснил Му-Му.

Короткая возня была еле слышна. Но всё же слышна. Игорь внутренне напрягся и мог только предположить, что там — в коридоре или зале? — происходит. Му-Му широко улыбнулся, в глазах загорелся азарт.

— Неплохо, — сказал он, не оборачиваясь. — Мне бы в Молокамске такого напарника.

Из-за угла вышел Антон. Пистолет словно выскочил из кобуры.

— Стоп, Антон. Без пальбы. Нет смысла, — предупредил Игорь.

— Он прав, — прибавив громкости и не поворачивая головы, подтвердил Му-Му.

Антон поставил пистолет на предохранитель, вложил в кобуру, подошёл. Му-Му был сама холодная любезность. Слегка кивнул Антону, тот ответил аналогичным поклоном. Слова Му-Му, обращённые к Игорю, стали лёгкой неожиданностью:

— Ну, и что вам мешало отправить этого парня в Молокамск и разогнать всю эту шушеру?

Игорь ушёл от прямого ответа и ограничился дипломатическим ходом:

— Долго объяснять.

— Будет врать-то, господин поисковик... или контактёр.... И не знаю, как вас величать. Самому не смешно? — презрительно прокомментировал Му-Му.

— Я давно уже только и делаю, что смеюсь, — отреагировал Игорь и вопросительно посмотрел на Антона. Тот промолчал и изобразил небогатыми мимикой и жестами нечто вроде «здравствуйте, я ваша тётя!»

— Они живы? — спросил Игорь так своеобразно появившегося коллегу.

— Живы! — ответил вместо Антона Переплёт, и, широко, но с холодком улыbnувшись, сменил тему: — Теперь у нас триумвират.

— Похоже, да, — задумчиво сказал Игорь. — Но петь нам придётся дуэтом.

— Я даже знаю, о чём, — такой была реакция Му-Му.

Глава 28

«Ты знаешь, — горячо затараторил Женя, заботливо помогая новому пассажиру усесться удобней, — когда ты мне ночью на мобилу позвонил и высказал предложение, для меня многое прояснилось и скажу честно, я тебя зауважал! Кстати, откуда у тебя мой номер?» «Когда я тебе звонил? — устало спросил Валера. — Ночью я спал — вашими молитвами...»

«Ты что, дружище! — искренне удивился Женя и игриво ткнул Валерия локтем в бок. — Я и молитвы-то ни одной не знаю. Звонил. Называл генерала рыжей бестией и чёрным полковником, предлагал его удавить при случае. Мысль неплохая, я бы и сам не прочь, но он, поганец, бессмертен, это доказано последней теорией экзистенциальной перманентности, и убить его, значит войти с противоречием с наукой. А как тогда дальше жить?»

Пульс бил колоколом. Валерий молчал и отрицательно качал головой, подтверждая высказанное мнение о том, что в противоречии с наукой жить нельзя.

Женя помолчал и произнёс речь: «Ну, ладно, замнём, чёрт с ним, с генералом. Я вот о чём думаю. В дубль-куклу устанавливается определённая программа — модель мира. Программа — результат сканирования мозга реального человека. Возникают, по меньшей мере, два вопроса. Почему ДК является двойником и по внешним, и по биографическим признакам одного и того же объекта? Ведь можно было «разбросать» — внешность от одного, модель от другого. Допустим, что такое объединение необходимо в силу строгой однозначной технологии. Это первый вопрос. Но вот второй. Если упомянутая технология реальна, как ни крути, она, эта технология, есть продукт недавний и скороспелый. Как же можно было осуществить сканирование тех или того, кого уже и прах истлел? Выдвигать и тем более рассматривать гипотезу о существовании некоего скан-банка, по-моему, несерьёзно. Здесь уже вмешивается бритва Оккама...»

Валерия мутило, он смотрел на улицу, он хотел на воздух. «Ты меня слушаешь или у тебя одни бабы на уме?» — строго спросил Женя. Валерий, как смог, сконцентрировался и пробормотал: «Слушаю, слушаю — бритва Оккама...» «Верно!» — одобрил Женя.

Дверца машины открылась, и на водительское место уселся знакомый таксист.

— Трогай! — скомандовал Женя и треснул его по затылку. Подумал и добавил: — И доллары вчерашние гони! Своих обираешь, сволочь!

Таксист молча протянул правой рукой две помятые бумажки. Это были те самые деньги, что Валерий вчера по широте души своей отдал за проезд. Он узнал их и невольно протянул руку. «Нет, — сказал Женя, — умерла, так умерла. Раньше надо было думать. Вот если бы ты по пьянке генерала грохнул...» И тут же закрыл рот рукой, заговорчески подмигивая Валерию и кивая на таксиста.

— Так куда ехать? — спросил таксист.

— Я тебе сказал — трогай, — таков был Женин ответ.

— Ехать-то куда? — стоял на своём таксист.

— Трогай, я говорю! — заорал Женя.

— Не скажешь — дам в морду. Будешь бежать спереди и показывать дорогу, — заявил таксист.

— Хорошо — убедил, — с явной обидой в голосе пояснил Женя. — В офис. Головной. К генералу. На совещание. На ковёр.

Глава 29

Встретил старик, этого можно было ожидать. Штучки всякие метаморфические — не впервой. Но он говорит о том, о чём знают немногие, о чём он не может знать: об Антоне, Рое, давней катастрофе... Говорит играючи, с ленцой и о том, о чём знаю только я. Балагурит, слэнгует. Гость, избранник наш ненаглядный, один из немногих прибывших и решившихся или, кто знает, уполномоченных на контакт. Как они влезают в наше сознание? Может, и влезать к нам не надо: мы сами к ним лезем на полусогнутых с душой нашей хвалёной? И делимся, добровольно делимся с ними миром своим. А у них просто имеется способность мир этот слегка ковырнуть. Пока слегка.

По Му-Му шансы были, по моей прикидке, пятьдесят на пятьдесят. Кордон пропустил. Только покалывание в затылке и спине показалось более острым, чем обычно. Возможно, просто показалось. Город Му-Му не впечатлил, шёл он уверенно, словно был здесь уже не впервые.

Опять встретили две куклы. Му-Му остановился и долго их рассматривал — снисходительно, почти презрительно. Не признал родственников за ровню. Ранее я рассказал ему и о Костре, и об Астусе. Создалось впечатление, что всё это для него не новость. Ожидал я от него вопроса: «А если Костер не один?» Не спросил. Однако твёрдо заверил: «Уверен, что костерок этот единственный — больше и не нужно было... В противном случае представляете: Сибирь, леса амазонские, эта пустыня благодатная — и всё в кострах...» Развито у Му-Му воображение, что уж тут скажешь.

Когда вошли, кивнул он Астусу как старому знакомому, а тот в ответ чуть глазом повёл и почти прошептал: «А, это тот — из заповедья...» Присел Му-Му и уставился в окно — словно в ожидании окончания ещё не начавшейся аудиенции.

Астус встряхнулся, словно пребывал дрёме и вдруг пробудился, бросил на меня взгляд необычный, странный, новый, горько усмехнулся, и так горько, что мне от этой горечи плохо стало — провалиться бы куда-нибудь, исчезнуть, и мороз по коже, — и выдал: «А существует оно — это запределье? Может, оно — как мы? Придумано, слеplено кем-то и переброшено. И нет там ничего за постами вашими, прожекторами, ловушками и солдатыками с железяками бесполезными. Ничего!»

Помедлил, пошевелил стариковскими губами и спрашивает: «Вы когда последний раз были там — за постами? И для чего они? Для порядка? Какого?» И опять не по себе: «там — за постами» я давно был. Кажется, очень давно. А вдруг действительно... Можно же такое представить! Сколько я здесь? Совсем немного. Совсем. Но эти недели считанные стали уже бесспорно основным содержанием жизни. А та — другая жизнь выглядит издаleка, из-за большой насыщенной яркими красками картины краешком чёрно-белой фотографии.

Издаleка и не поймёшь: что там за ней изображено. Напрягся, попытался оживить память — ничего — только фотография эта чёрно-белая — как в тумане, в туманчике, в дымке грязно-серенькой.

И что же там, за окном этой ставшей привычной комнаты? Что мне предложат на этот раз? Зовущее море? Мрак непроглядный? Улыбающуюся розу? Или бесконечность? Можно увидеть бесконечность? Конечно, нет. А можно ли изобразить бесконечность? Лучше не надо. И что страшнее: напрасное усилие осознать бесконечность, заканчивающееся грустными раздумьями на диване о бренности всего сущего, или этот старик, вобравший в себя нелепость двух миров, зависший между этими двумя мирами и пытающийся сопротивляться этим мирам? Почему пытающийся? Что в нём неожиданно проснулось? Не от нас ли набрался?

Он почти наш и совсем не наш. Кто он? А глаза? Психоз? Ну, ни как в зеркале, конечно, но похожи. И ещё на другие глаза похожи — на те самые, в том сне, но нет в них потусторонней пустоты и того жуткого дебильного счастья. И вижу я в этом надежду, и хочу я в неё вцепиться, и не знаю, как это сделать. И что у него ещё есть от меня? И от НЕГО? А Астус говорит: «Не паникуй. Я предупреждал». И действительно, предупреждал. И опять выдаёт... Уж этого он точно знать не мог. Спрашивает твёрдо — так, словно принял после долгих раздумий некое ответственное решение:

— Вы тоже считаете, что у нас... чемоданное настроение?

Этот вопрос мы с ним тоже не обсуждали. Я понимаю, догадываюсь, о чём он. Но понимает ли он, что я понимаю? Выводы эти... Он сам к ним пришёл или опять заглянул в душу мою? Про настроение это чемоданное разговоры действительно идут. И вот почему. Первоначальная информация, представленная гостями, крайне сложная и многообразная, была и есть практически непроверяемая, но, тем не менее, изучения она, естественно, заслуживала и заслуживает. Эта информация — компьютерная, аудиозаписи, фотографии, рисунки, рукописные заметки, исследовательские отчёты и прочее — стали постепенно исчезать. По дискетам, по файлам, по книгам, по отдельным страницам... И злого умысла, или, скажем, просто умысла не видно — нелепое стечение обстоятельств, бытовое или служебное разгильдяйство: то архив затопит, то проводка замкнёт, то серная кислота разольётся... Но ни в какую допустимую бытовую статистику эти события не укладываются. Отсюда и пошло: мол, не к концу ли командировочка движется, собираются гости?

Но вот — куда собираются? Домой? Нет у них дома, и не может быть. Что мне ответить? Я и говорю, признаюсь, резко:

— Считаю и надеюсь.

— Я тоже, — отвечает Астус. — Поверьте мне — я тоже. Если бы вы знали — как тоже.

Тогда я говорю:

— Вы же прекрасно понимаете... нет — осознаёте, что эксперименты эти давние лабораторные не могли привести к происходящему... просто не могли

А он спокойно так:

— Бросьте, коллега, не волнуйтесь. Всё происходящее связано с происходящим, — игриво так говорит, с улыбочкой на меня поглядывая: мол, мы тоже поиграть словами не прочь. — Ну разве могут какие-то там сигналы, пусть и необдуманные, и безответственные, к такой свистопляске привести? Важно, что вы поняли: могут быть необдуманные сигналы, могут быть и не радующий глаз и разум последствия.

— То, что потенциально опасные действия могут быть, и так ясно — без намёков, — пытаюсь я перестроиться на понятный диалог, — скажите мне, — я чуть не употребил «прошу», — можно же высказать претензии, пожелания в более простой и понятной форме? Ведь общего у нас — много! — Я стараюсь говорить осторожно. — Силы-то какие брошены... Зачем?

— Выходит всё же, что не всё вам ясно. Что означает понятие «претензия», я... мы поняли, оказавшись здесь, не сразу, по истечении времени. Претензии, противостояние... Сложно было поначалу. Я могу только... Будь я такой как вы, то говорил бы просто: уснула тайна под ледяным пологом забвенья... Получается? А пожелания... Они и так ясны. Но их недостаточно.

Астус на мгновение засыпает или впадает в забытие. Лицо меняется, и он опять тот довольно решительный и довольно молодой... гость, каким был несколько недель назад. Из глаз его текут слёзы. Я ни разу не видел такого: гости не плачут. И я сам почувствовал такую тоску, словно вся тяжесть последних дней навалилась мне на грудь, задержала дыхание моё и задала сразу всё — сразу и всё! — вопросы, которых я так старательно избегал. И потребовала при этом ответов: говори или не получишь ни глотка воздуха. И пытаюсь я на них ответить — корректно, дипломатично, конечно. Но не принимаются мои витиеватости, и понимаю я — задыхаюсь.

И приходит спасительное просветление: кого я боюсь? кто мне мешает? да наплевать мне на всё запреты! Врём без конца, изворачиваемся... Говорим, что хотим жить лучше, а, что такое «лучше» не расшифровываем. Говорим о каком-то будущем, а оно рождается сегодня. И не может в ненормальной семье родиться и, тем более, вырасти нормальный ребёнок. При случае и без случая сваливаем вину на кого угодно, кроме себя, разумеется. Не обманешь себя, не обманешь. И до тех пор, пока будем душой кривить, ждёт нас убогое самоповторение. А всё лучшее, что в нас сидит, заберут другие: что ему погибать что ли? Почва плодородная, семена неплохие, может, даже проверенные. Не ухаживаете, ленитесь? Имитацией увлеклись, других дурней себя считаете?

И этот Астус... Кого я спрашиваю? Себя? Ту часть себя, что уже в нём сидит? А сердце бьётся, и превращаюсь я в наивного ребёнка: а вдруг, а вдруг... И не вяжется ничего, и намёка даже нет, и я сам не понимаю, почему именно сейчас рвётся забившаяся в самые дальние уголки вскипающего мозга слабая надежда.

— Как это недостаточно? Вам действия нужны? — наивный я, ох, наивный.

— Нам уже ничего не нужно. Вам — нужно!

Плохо он выглядит, очень плохо. Я ещё раз окинул взглядом комнату. Ничего не изменилось. Беспорядка только прибавилось. И Му-Му не шелохнётся. И увидел я в его глазах одобрение, чему удивлён был изрядно — и на этом спасибо. А Астус продолжает:

— Давай проще, Игорь, — так он ко мне никогда не обращался. — Есть у тебя предчувствие, что чемоданчики собираются... Радостно, вроде. И не можешь ты понять: сами решили или команда поступила? Сами ничего решить не могли — это же ясно. Значит команда... Но ведь ты сам этого не хочешь?

Я не отвечаю на вопрос, тяну время и интересуюсь:

— А почему поступила?

И понимаю прекрасно, что никакого ответа не получу, и если даже и будет мне предложена какая-то версия, так версией она и останется. От кого команда поступила, и не спрашиваю.

— Откуда мне знать, почему. Может, закругляться пора, — отвечает старик.

И опять Астус меняется. Глаза те же — пугающие своей схожестью. Меня пугающие. Мои глаза меня пугают. Но сейчас в них тающий снег. И смотрит он на меня, словно я только вошёл. И пытается он что-то переломить в себе, и не верю я, что у него получится. Переплелись в нём сущности метафорические, раб он, и не верю я, не верю, что может он быть свободным. Поначалу лица их вообще безликие были. Смотреть было жутко. Мимика напрочь отсутствовала, словно лицевые нервы и мускулы для них вовсе не предусмотрены. Но освоились... А Астус сразу был... живее, что ли. Бываю же отклонения в штампованной продукции? И всё же жду.

И чувство звериное нехорошее — взять за ворот, встряхнуть: мол, можешь ты толком сказать, ЧТО ВАМ ОТ НАС НУЖНО! Не надо подсказывать, что делать, как спастись, кому и на кого молиться. Ответ на простой вопрос. Не можешь? И горит... пылает желание спросить — тихо, шёпотом, что б никто не слышал, только он, а ответ — только я. Унижусь, попрошу, попрошу помощи. Ведь такую кашу заварили! Неужели... Знает он, всё знает, только знает по-своему, и ответит, если соблаговолит, по-своему. А он уже хрипит:

— Да не нам нужно — вам нужно... — его глаза лезут из орбит. Они уже не знакомые, они уже не как в зеркале. И выдавливают он из себя: — Будут — и мудрецы, и огонь. Будут. И ты будешь. И всё, что в тебе, будет.

Астус замер. Я не врач. Да и что может здесь сделать врач? Кто он? Кто он мне? Кто? Или что? Технологический брак? Губка, умело впитывающая наше жите-бытие, и потому шагнувшая дальше других? Существует для них понятие смерти? Может, оно существовать для тех, кто не живёт — кто появился волею могучей причуды?

Я на мгновение забыл о Му-Му. Хотел выйти, закрыть за собой дверь, спуститься по лестнице и убежать, исчезнуть, свалить отсюда к чёртовой матери. Му-Му подошёл бесшумно, наклонился слегка, не без показного изящества, внимательно осмотрел лицо и голову Астуса. Я думал, зрачковую реакцию проверит. Не проверил.

Повернулся ко мне, в глазах уже не таящий снег — лёд и понимание. И говорит: «Ты уже всё решил. Уходи!»

А я ещё ничего не решил, промелькнуло только: «Ни слова о разговоре в отчёте. Ни слова. И о том, что Астуса не стало, — тоже ни слова. Пришёл вовремя,

никого не было. Где он, не знаю. Вот и весь сказ». Но решение это было не окончательным — мешал вопросик один: а дальше как быть?

И продолжил Му-Му: «Делай то, что считаешь нужным. Кресло, возможно, от нагрева слегка деформируется. Оно не горит. То есть — вспышка, горста пепла, финита». Я спрашиваю: «А если пожар?» Он отвечает: «Здесь гореть нечему. Туши свой пожар». Ноги — как ватные, вышел на полусогнутых. Затем стало легче. И надо бы вернуться и поинтересоваться: а что будет с остальными гостями, когда все это... ну, в общем, тогда... — тоже горстка пепла? Может, просветит, успокоит? Ведь он «почти»... Бесполезно все это — другой нужен уровень.

И подумалось: может это и есть ад другой жизни? И в той, другой, жизни был я неплохим и не замордованным парнем?

Глава 30

Жара. Прогулка по лагерю дело неблагоприятное: на душе и так то ли крысы, то ли кошки, то ли тараканы со шпорами скребут, а тут ещё эта суета. И вот опять посланцы с большой земли — кто в гражданке, кто в камуфляже, шумят, спорят, как торговки на базаре. Господа с трудом представляют, что здесь происходит и зачем они сюда приехали. «Из бара в бар переходя, там движется народ...» — съязвил Рой.

Игорь и Рой приблизились к группе. Некоторые празднующие активно почёсываются — откровенно, неловко до неприличия. «Да они в медузий лишайник забрели... Что их туда понесло?..» — комментирует Игорь.

Представитель группы начальственного вида отозвал Игоря в сторонку и что-то начал оживлённо ему рассказывать. Рой не слышал разговора, засунув руки в карманы, смотрел по сторонам.

— Только так! — Игорь душевно похлопал собеседника по плечу.

— А попроще что-нибудь? — «так» представительного господина не устраивало.

— Другого способа нет. Иначе карантин. И надолго. И то, если не узнает Карлос Кастанеда. Тогда — холощёная дезактивация.

Собеседник растерян и пытается выкрутиться. Мысли движутся с трудом. После паузы:

— Что — и он здесь?

— Вчера прилетел на вертолёте, — Игорь даже не скрывал насмешки.

— Но полёты запрещены? — возразил представитель большой земли с сомнением и надеждой.

— Ему можно. — Игорь твёрд и непреклонен.

Собеседник понимающе кивнул и ретировался.

Рой подошёл ближе:

— Ну, что? Теперь ребятам — душ, сода?

— Нет, клизма с ромашкой! Так, думаю, будет доходчивей.

...Рой и Игорь подыскали уютное место — подальше от занудного кондиционера. Значительная часть публики была уже в приличном поддатии. Через столик

разместилась компания. Крупный мужчина, немолодой, с бородой, похож на матёрого путешественника громко рассказывал: «Ну, встретили там пингвинов...» Напротив него — маленький и худенький немолодой мужчина, в очках. Явно не матёрый и не путешественник, возмущённо и даже не без вызова: «Пингвины на Севере не живут!» Матёрый с обидой и досадой: «Ну... Ясно, что не живут... Холодно там, трудно... — удивлённо разводит руками, — Но встретили...»

Рой отвёл взгляд от компании и обнаружил, что Игоря на месте нет. Взгляд скользнул по помещению и упёрся в барную стойку. Игорь беседовал с каким-то мужчиной средних лет, «курортником» — в шортах и майке. Они перекинулись парой слов и решительно направились к столику. Игорь указал глазами на гостя:

— А вот и доктор Самоа, рад представить.

Пододвинул доктору стул, дождался, пока он сядет и удалился.

Доктор Самоа, ни слова не говоря, налил себе рюмку водки, выпил, закусил и начал беседу:

— Как вы полагаете, коллега, телепат может читать свои мысли?

О, господи, этого ещё не хватало, подумал Рой, но ответил:

— А зачем телепату, как и любому другому человеку, читать свои мысли? Он их и так знает.

— Я говорю не о любом другом человеке, но о телепате, — уточнил доктор, чуть помедлил и продолжил: — Ищите подвох? А подвоха здесь нет. Меня вот посетила мысль: если телепат может читать чужие мысли, то у него могут возникать трудности с пониманием своих собственных: закон компенсации — как у помилованных... Или зондирование, например...

— Дался вам этот закон компенсации вместе с помилованными. Поймите, этот скорее художественный образ, притянутый за уши. Богоискательство от журналистики, если хотите...

— Понимаю: бог-сын, бог-отец...

— Бог-племянник, — иронично добавил Рой и с нескрываемым вызовом спросил: — А вы, собственно, кто?

— Гость.

— Гость? Мой? Игоря? С другой планеты? — Рой не менял тон.

— Просто гость. Я познакомился в вашем коллегой в Городе и стал его гостем. С вами познакомился здесь... — лениво зевнул и замолчал.

Доктор Самоа задумался или сделал вид, что задумался, окинул неопределённым взглядом окружающее, удивлённо пожал плечами и продолжил:

— И стал вашим гостем. Кстати, почему вы, когда хотите обозначить что-либо очень далёкое, говорите "с другой планеты"? А вы уверены, что та самая планета — дальше, чем, например, ближайший муравейник с его мириадами жителей и туче-мозгом, их объединяющим?

Рой слегка скривился, беседа в таком ключе ему совершенно не нравилась. Но и предложить было нечего.

— А вообще, не стоит драматизировать ситуацию, — довольно неожиданно ушёл от темы доктор Самоа.

— С чего вы взяли, что её кто-то драматизирует? — спокойно спросил Рой.

— А весь этот ажиотаж? На мой взгляд, происходящее, несмотря на некоторую неординарность, не превосходит по степени значимости многие другие контакты. Возьмите примеры Америки, Австралии...

— Довольно смелое заявление, если учесть последствия появления пришельцев для аборигенов.

— Насчёт аборигенов это вы верно подметили. Может, и закругляться пора?

Если бы он ещё сказал, кому закругляться, подумал Рой. Доктор продолжал:

— История не выносит сослагательного наклонения. Давайте перенесёмся из прошлого в настоящее. Был бы сегодняшний день названных континентов без тех печальных страниц, на которые вы намекаете? Настоящее вас устраивает, а прошлое печалит. Странно.

У входа в зал обозначилось оживление. Это вошли господа праздношатающиеся, обманутые Игорем. Настроены они были воинственно. Рой не на шутку встревожился, пробежал взглядом по задымлённому помещению. Самоа уловил его взгляд и с живым интересом спросил:

— Жалеете, что нет Антона? Он бы не помешал. И зачем он вернулся — не смог согласиться с новациями жизненными... Они вас беспокоят, эти... — запнулся, подбирая слово.

— Головомордые, — помог ему Рой, — они представляют опасность для нашего друга Игоря.

Самоа задумался, выпил ещё рюмку, не закусывая, развалился на стуле, словно собрался смотреть увлекательный фильм и выдал:

— То есть, вы полагаете, что эти люди представляют опасность для моего друга Игоря? Да и вас, вижу, не радуют... А могут головомордые вообще кого-нибудь радовать? Думаю, что никого. Вы предпочитаете решение демоническое или фискальное?

Рою давно надоела вся эта нахальная самоуверенная публика:

— Демоническое!

Самоа иронично, снисходительно усмехнулся и произнёс странную фразу:

— Тогда пусть снизойдёт манна телесная!

Доктор неожиданно щёлкнул пальцами перед лицом Роя. Густая дымка на мгновение закрыла глаза. Рой увидел, как доктор Самоа, словно при компьютерной трансформации, превратился в огромную толстую негритянку в набедренной повязке и ветхой тряпочке, прикрывающей грудь. Послышался бой барабанов, и мужеподобная негритянка не без скабрёзного изящества, двигая в такт барабанному бою мощными бёдрами, двинулась навстречу нежелательным гостям. Публика в восторге. Раскрасневшийся выпивший юный контрактник выскочил из-за столика и попытался включиться в танец. Парню не удалось столь экзотически расслабиться — он отлетел, как пушинка, отброшенный то ли воздушной волной, то ли лёгким прикосновением огромного тела.

Негритянка, выделявая замысловатые па, приблизилась к прибывшим господам и стала, не прекращая танца, вешать им на шеи амулеты, состоящие из до-

вольно крупных полированных костей, чередующихся с огромными драгоценными камнями. Она доставала экзотические подарки из-под нагрудной повязки, и вскоре на шее каждого из вошедших висело по несколько ярких украшений.

Танцовщица двинулась к стойке. Барабаны забили громче и быстрее. Темп — бешеный. Чернокожая не отставала. И в такт её танцу начали двигаться амулеты. Они тянулись к ней, затем рывком, повинаясь неведомой силе, дёргали своих хозяев шнурком за шею и двигали их к выходу. Рой рассмотрел их красные от нехватки воздуха лица. Страх, смятение, животный ужас. Через несколько секунд господ, одарённые африканкой, дружно и быстро ринулись к выходу. Негритянка последовала за ними. Звук барабанов доносился уже снаружи.

Роя закрыл глаза, с силой сжал веки. Открыл. Напротив сидел доктор Самоа в своём предыдущем обличье, но уже не в шортах, а в нелепом не по фигуре спортивном костюме. На нём портупее, на портупее пухлая кобура, из неё торчал кожаный шнур от пистолета.

— Вам нравится такое решение проблемы? — спросил доктор.

— Нравится. А уместен ли весь этот цирк?

— Какой цирк? Обыкновенный демонизм.

Рой посмотрел по сторонам. Инцидента словно не было. Но барабаны до сих пор слышны! Рой посмотрел на сигарету, принялся: может, наркотик. Встал, подошёл к стойке. Знакомая? Ещё один доктор, ну и вечер, подумал Рой. Молодая женщина с рыжими волосами пальцами показывала бармену «сколько». Тот налил неполную рюмку и подвинул даме. Рой посмотрел в профиль — точно, ещё один доктор, это была Валентина. Может, немного наглости, подумал он, и впился в рыжеволосую, как ему казалось, нахальным и вызывающим взглядом. Особа отметила упорство, но ожидаемой реакции не последовало — повернулась к нему и всё сказала зеленоватыми глазами. И глазами можно послать, подумал Рой, и всё же произнёс:

— Меня только ещё не хватало!

— С тоски или печали? — поинтересовалась врач.

— От недостатка мужества. Солидарен: всё мужики — они... — Рой безнадёжно махнул рукой и спросил: — А вы — по какому поводу изволите?

— Что-то паршивенько...

— Но ведь было не только плохое?

— В том вся и беда, что не только плохое, — ответила Валентина.

— Лучше такая беда, чем её отсутствие. Там, где нет даже беды, — пустота. Как в чёрный колодец смотришь, — понесло Роя.

— В колодце отражаются звёзды. Кстати, Валентина.

— Я знаю. Рой.

— И я знаю.

— Он ушёл к другой? — откровенно рискуя, спросил Рой.

— Что-то вроде этого. Зашёл раз к подружке...

— А подружку звали Калипсо... — Рой резко сменил пластинку: — Здесь негритянка не пробежала — здоровенная такая?

— Не пробежала. Отдыхать надо! — не выразив никаких эмоций, ответила Валентина и указала Рою рюмкой на зал: — Вас зовут ваши приятели. Возможно, они подскажут, куда убежала ваша негритянка.

Рой оглянулся. Ему приветливо улыбается доктор Самоа и с демонстративным радушием указывает на пустующее место за столиком. Рой неуклюже откланялся и последовал на зов. Доктор был один. Почему же «приятели», подумал Рой, и устроившись поудобней спросил:

— Что вы там про зондирование намекали?

— Я не намекал. Просто вырвалось. Дело в том, что, как бы вам проще объяснить...

— Уж как-нибудь.

— Зондирование может быть пассивным, может быть активным. Можно просто взять пробу... материала — грунта, опухоли, крови, мысли и удалить, например, иглу, оставив после операции неприятные ощущения. Можно применить обезболивающее и даже полезные стимуляторы. То есть не только сделать операцию комфортной, но и подправить состояние изучаемого объекта. Оптимизировать среду вмешательства, так сказать.

— Объекта... Как вы говорите? Объекта изучения? Неплохо. Не знаю даже, что и сказать...

— Вы многого не знаете, потому что не хотите.

Рой решил не отреагировать на колкое замечание:

— Думаю, вы не зря продемонстрировали своё могущество. Есть же в ваших действиях какая-то целесообразность?

— А какова, на ваш взгляд, целесообразность, например, маникюра или педикюра с точки зрения осьминога?

— Я всё-таки надеялся на конструктивный диалог.

— Конструктивный диалог предполагает взаимность. Я не зря упомянул Америку, Австралию... Вот вы всё время говорите о вмешательстве... Да, появление конкистадоров в Новом свете было вмешательством в оценке аборигенов. Но ведь и с точки зрения европейцем это событие было вмешательством — нарушен вековой уклад жизни, массовая миграция... Но если абстрагироваться от односторонних оценок, то возникает вопрос: о каком вообще вмешательстве идёт речь? Нормальный процесс, эволюция.

Рой вспомнил скучную беседу с господином из Центра и решил попробовать себя в его роли.

— Так что, получается — сложить ручки и ждать? —

— Почему ждать? Участвовать! Если бы наши пращуры сидели, сложив ручки, или неустанно теоретизировали в поисках закономерностей в период движения ледников, то мы бы здесь не беседовали. Представьте себе: холодает, а вместо того, чтобы учиться шить из шкур тёплую одежду и обживать пещеры наши предки сидят у затухающего костра и обсуждают какой-нибудь план под названием «Альтернатива». Слово они могут предложить альтернативу ледникам.

— Альтернатива? Это ещё что за план?

— Это из другой оперы — там своя драматургия. Не забивайте себе голову.

— Как скажете. Так насчёт ледников... Нашли же альтернативу, выжили!

— Нашли, но не в бегстве и противостоянии. В адаптации! Наши пращуры сумели найти альтернативу в себе.

— Простите наши или ваши?

— Наши. Наши с вами пращуры.

— Тогда я ничего не понимаю. Не скрою, мне и сказать нечего.

— А что может сказать о зиме медведь, проспавший её в берлоге? Вы хотели вот так сразу всё понять? До встречи.

Доктор Самоа быстро поднялся и пошёл к выходу. Походка уверенная, движения быстрые, пружинистые. Резко остановился, развернулся, подошёл к столику и спросил:

— Мне показалось, что вы что-то хотите сказать... напоследок.

— Ничего существенного. Замечание у меня одно имеется. Если мы, как вы изволили выразиться, проспавшие медведи, то и вашей безгрешной биографии этот факт должен присутствовать. Просто время его заретушировало, и вас это вполне устраивает. Так судить легче.

Доктор Самоа стоял, покачиваясь с пяток на носки. Его игривый настрой прошёл. Он выглядел так, словно не был уверен в выборе формата поведения, и сказал так, словно вынужден говорить, подчиняясь одному известному ему императиву:

— Скажите, зачем вам книга?

— Какая книга?

— Та.

Такие глазки лучше во сне не видеть, подумал Рой и неожиданно для себя ответил легко и без витиеватостей:

— Я не знаю. Я не могу ответить на этот вопрос. Это просто... поступок.

— Вот видите, вы даже на такой простой вопрос не можете ответить. Но меня такой ответ устраивает.

Было душно, но дышать стало легче.

Глава 31

Город хорошо просматривался. Рой подумал: а каким его видит Игорь? Если он один из немногих, кто к нему допущен, то не исключена возможность, что он и видит его другим. И нет смысла спрашивать, что вот в том домике, возвышающемся над другими, со шпилем и жёлтой крышей. Ибо видит он, возможно, роскошные и мощные колонны полуразрушенного акрополя и нет ему дела до моего приземлённого видения.

Огни появлялись ночью. Днём — унылый полупустынный ландшафт. Как растёт этот чёртов карагач под палящим солнцем — загадка. И загадка эта не связана с Городом. И рос он здесь в покое без вмешательства много лет, пока в одну прекрасную ночь не поднялась убийственная жёлтая буря. Эта буря рвала, метала,

бесилась, поднимала в небеса тонны песка, причёсывала верблюжью колючку и через несколько часов успокоилась. И появился Город. Взял и появился.

Джип свернул на грунтовку, обогнул небольшой кустарник. По грунту машина шла уверенней, чем по размякшему асфальту. Или так только казалось. Игорь резко затормозил, взял вправо, остановил машину и довольно неопределённо махнул рукой, что можно было, наряду со многими другими вариантами, расценить как команду: дальше пешком. Пешком так пешком.

На месте ожидаемого события уже собралась приличная группа наблюдателей: военные, какие-то пжионы в джинсах и камуфляжных куртках, увешанные видео и прочей аппаратурой, другие господа как учёного вида, так и не очень. Последних Рой называл "сильные ухом". Игорю это не нравилось, и известный негатив, связанный с упомянутыми господами, он объяснял профессиональной деформацией. На что Рой традиционно отвечал: у нас, куда ни плюнь — сплошная деформация!

Чуть в стороне расположилась группа очередных спецов — что-то из области химической, биологической и прочих защит. Вид у них был внушительный. Какие же мы, люди, козлы, подумал Рой: ну, зачем ребята напялили на себя эту защитную форму — скафандры как у космонавтов! — если рядом находится человек двадцать совершенно ничем не защищённых людей?

Присутствующие расположились полукругом. В центре внимания — пульсирующий оранжево-красный вертикальный эллипс. Он расширялся, сжимался, переливался всеми цветами радуги. Звука не было, только доносился слабый шелест, возможно, с Костром и не связанный. Рой мельком глянул на лица наблюдателей — полный букет: интерес, тревога, показное равнодушие, ожидание чуда и затаённый страх.

Свечение перешло на огненные цвета, эллипс потерял правильную форму и обернулся большим костром. Огонь настоящий или — как настоящий? Получается настоящий: жар явно ощутим. Появился негустой белый дым — как от добротных сухих дров. Слышно потрескивание, гуденье огня — костёр, да и только.

Всё стоят молча. Один из пжионов, меняя позицию для съёмки, споткнулся и чуть не упал. Обаятельный мордоворот из охраны обернулся и что-то ему, ласково улыбаясь, резко сказал. Костёр затухал. Пламя сжималось. Из смеси затухающего огня и не имеющего запаха дыма до присутствующих на этой нелепой смотровой площадке донесли стоны, за несколько секунд переросшие в жуткие вопли. В них — боль, отчаяние, мука. Там, в огне, орал, вопил человек.

Сначала крики, затем отдельные непонятные фразы. Это уже слишком, подумал Рой. Мурашки по коже, холодный пот. Почему никто не бежит, не спасает? Что здесь происходит, чёрт возьми? Что с нами происходит?! Костёр сжался, осел и погас. На пепелище стоял человек. Человек ли? В грязной мятой рубашке, в таких же брюках, босой. Длинные лохматые волосы, худой. Далеко, но видно глаза — дикие, безумные, чужие. За головой просматривается нетолстый металлический стержень. Рождённый огнём человек к нему привязан.

Игорь слегка тронул Роя плечом и тихо сказал:

— Сейчас похолодает. — Помедлил и уточнил: — Температура понизится.

Ценное уточнение, подумал Рой. Холодом не потянуло, не повеяло. Он сразу, в мгновение заполнил всё пространство. Присутствующие ёжились, но не паниковали. Рой понял, что он единственный, оказавшийся здесь впервые. Допустили? С чего бы это? Такой либерализм. «Зима» была недолгой, и это также не было

неожиданностью. Холодная волна прошла. Прозвучал хлопок, уши слегка заложило, и на свидетелей таинства хлынул со всех сторон, втянулся как в вакуум, поток тёплого воздуха. Будь оно всё проклято, подумал Рой: опять одежда мокрая. Будь оно всё проклято и без одежды. Будь оно всё проклято и при прекрасной курортной погоде. Будь оно вся и всё.

Вот и "космонавты" зашевелились. Трое побежали к посланцу из преисподней, почему-то без носилок. Один быстро распутал или разрезал хорошо видные верёвки. Двое подхватили несчастного под руки и повели к машине через образовавшийся среди наблюдателей коридор. Пациент надсадно выл. В этом вое — страх, отчаяние, безысходность. Мрак. Уже возле машины пациента уложили на носилки, пристегнули ремнями, ловко погрузили. Дверца хлопнула, и через мгновение от машины скорой, а может, запоздалой, а может, ненужной помощи осталось только воспоминание.

— Всё? — спросил Рой, глядя на Игоря.

— Почти.

Металлический столбик, к которому был привязан новорождённый, потерял форму и обвалился, словно был слеплен из чёрного песка.

— Теперь — всё, — сказал Игорь. — Финита. Реверсивное сожжение — можно и так сказать. Ты это хотел знать? Теперь знаешь. Ты это хотел увидеть? Теперь — увидел. — После довольно длинной паузы он продолжил свой нервный монолог: — Девятый случай. — Опять замолчал, подумал, и добавил: — По официальной статистике.

— Это и есть?.. — спросил Рой.

— Это и есть! Собственной персоной — новорождённый, полуфабрикат, будущий двойник, клон, — можешь называть, как хочешь. Кстати, некоторые экзальтированные господа называют их апостолами. Пока это заготовка — безумец, вещь в себе, чёрный ящик, табулам расам... Пройдёт недели две, и он станет двойником. Какого типа двойником, кто является его матрицей, этого пока сказать никто не может.

Может моим двойником, силясь пробудить в себе героическую бравладу, подумал Рой. Игорь смотрел на него внимательно, уловил состояние, и потому сказанное им не стало шокирующим:

— А может, моим. Или того, кого уже давно нет с нами. Или не очень давно.

Рой знал о двойниках немало и даже не раз позволял себе сложные фантазии на эту тему. И вот он стал посвященным. Рой не был шокирован увиденным. Вычурно, искусственно, нелепо — такую он дал оценку разыгравшейся, если точнее, разыгранной драме. Изуверское представление не вогнало его в шок, но добавило в чашу переживаний и протеста еще одну тяжелую каплю, которая вполне могла быть последней.

Глава 32

Тяжёлый день был наполнен тяжёлыми разговорами и тяжёлыми событиями. Были взаимные упрёки, споры. Наметился разрыв, но не состоялся. Приняли решение и договорились: ни слова больше, ни слова.

«И тихий вечер несёт поклон, покой дарует нам небосклон...» — продекларировал Рой, вытер белым казённым полотенцем пот со лба и присел на раскладной стул.

— Кто командует парадом? — спросил Игорь, хотя ответ был и так ясен.

— Думаю, что самый скромный из нас, — ответил Рой, снял часы, посмотрел на бронзовые руки, демонстрируя озабоченность их чистотой, и приступил к обязанностям командующего.

Он всё сделал без суеты, но быстро. Порезал, покрошил, открыл, накрыл... Выставил бутылку водки и две стограммовые рюмки, взялся разливать. Спросил:

— По половинке?

— Нет, сначала два раза по полной, затем по половинке.

Выпили. Игорь сказал: не будем об усталости — наливай да пей, и так всё ясно. Рой согласился и после второй полной снял рубаху, контраст белого тела с шеей, лицом и теми же руками был разительным.

Игорь сказал, что всегда хотел настоящего дела. Вот и получил. Но ЭТО уж слишком. Рой спустил на тормозах: чёрт с ним, с ЭТИМ, наливай ещё.

Они выпили. Игорь сообщил, что четыре года не был на море, намекнул, что болен сын. Рой знал, что в доме Игоря случилась беда, знал о ней с чужих слов, уточнять не стал. Он лишь слегка стукнул рюмкой о стол и заверил: поедem мы и на море, и с сыном всё будет хорошо — только не надо думать о плохом. Игорь помолчал и, как бы соглашаясь, сказал: «Да, всё будет хорошо. Всё должно быть хорошо». Он помрачнел, но это состояние длилось недолго. Рой не мешал ему и даже не пытался мысленно проследить содержание его направленного в никуда взгляда — чужая душа...

Рой понимал, что он сам, и Игорь, и многие другие, выполняя, выражаясь протокольным языком, свои служебные обязанности, ведут дополнительно ещё и свой личный поиск. В обстановке необычайного всякое может случиться. Плохое само придёт — его звать не надо. А вот хорошее...

Если рядом чудо, почему бы в него не поверить? И верили. И не раз замечал Рой в глазах своего напарника надежду. И отводил глаза, чтобы не спугнуть, и желал в душе удачи. Большого он сделать не мог. А на что он сам надеялся, чего хотел? Он старался не вступать в эту сложную дискуссию с самим собой, отшучивался, мол, опасно эту тему затрагивать даже в мечтах — можно спугнуть птицу счастья. И не затрагивал — вдруг, действительно спугнёшь.

Они обсудили, чем лучше закусывать — грибочками или маринованными огурчиками. Выпили и пришли к выводу, что закусывать можно чем угодно, лишь бы была нормальная компания. Рой рассказал, как, будучи студентом, пил с товарищем армянский коньяк и закусывал грибочками. Нетрадиционно, но тоже — нормально. И было после этого хорошее доброе настроение. За окном — зимний день, холод, ветер. А когда вышли на улицу, ветер стих, и пошёл редкий пушистый снег. Товарища давно нет, а воспоминание живёт.

Игорь поведал, что служба наложила на него паршивый отпечаток, и стать он хотел финансистом. А получилось так, что на его счету задержание двух серийных убийц и известное дело об утечке информации из лаборатории по проекту F-6. Рой хотел уточнить, что такое F-6, но, подумав, махнул рукой, сунув вилку в миску с салатом и убедившись, что закуски маловато, достал из-под стола банку тушёнки, вскрыл, разрезал помидор на две части, подумал, разрезал ещё один, посолил, одну половину протянул собутыльнику и предложил выпить за удачу.

Поговорили на отвлечённые темы. Пришли к выводу, что лучше осваивать океан, чем космос; бабы — странные существа, но без них — никак; сом и белуга больше амазонской бараруку, и поэтому нечего всяким болванам писать, что последняя — самая большая пресноводная рыба; пора свести всё системе в физике к одной; в людях есть много хорошего и плохого, и не надо создавать условия, чтобы это плохое проявлялось; нельзя уступать своё место подлецам, но и нельзя становиться ими.

Игорь решил, что полной ясности по обсуждаемым вопросам нет, и это странно: при таком углублённом подходе этого просто не может быть. Взял полиэтиленовый пакет, пошёл к мордоротам. Дежурный пытался его остановить, но Игорь сообщил ему, что несёт овёс для Боливара, а сам он награждён орденом Звезды Полыни. Дежурный понимающе кивнул и пропустил.

Игорь выпросил две бутылки водки. Дежурный намекнул, что утро будет трудным — уж лучше по бабам. Игорь парировал встречным вопросом: разве может любовь к женщине сравниться с любовью к дисциплине? Дежурный тогда дал совет: утром — пробежка и банька. Удалявшийся молодцевато-пеликаньей походкой Игорь съязвил: если утром пробежаться по росе, то можно промочить казённые сапоги. Затем попытался развить мысль с учётом того немаловажного факта, что в здешних местах росы нет, как и нормальной привычной травы, но оборвал свой монолог на полуслове, безнадёжно вздохнул и удалился по направлению к месту постоянной дислокации.

Игорь нарушил договорённость и в монологе случайно помянул Огни... Рой помрачнел, помолчал и выдал: горят они огнём эти Огни...

Пришли к единой точке зрения: блондинки лучше, брюнетки — хороши, но коварны и мстительны; абсолютная честность — ординарный идиотизм; мужскому хамству до женского цинизма очень далеко; жизнь есть то, что мы о ней думаем. Поговорили о несовершенстве мира, о счастье. Больше говорил Игорь. Затем и Роя понесло. Он выдвинул постулат: счастье — это когда всего так много, что аж противно. После паузы добавил: для того, чтобы добиться совершенства мира, надо малоподвижным дать шило, а чересчур активным — универсальный ключ от капканов. Потерял мысль. Подумал и выпалил: жизнь есть взаимодействие полевых структур с различной степенью овеществленности! Игорь одобрительно кивнул и поддержал товарища, решительно заявив: именно эта смелая теория объясняет многое необъяснимое.

Игорь заснул с зажжённой сигаретой. Рой, как ему показалось, ловким молниеносным движением руки выхватил источник пожароопасности и бросил окурочек в пустую бутылку. Решил прогуляться. Вышел из палатки. Небо — сплошные звёзды. Пытался разобраться, где звёзды и где планеты. Но всё мерцало. «Бардак, не будет здесь порядка!» — сказал сам себе Рой, и пошёл спать.

Ночью уже не первый раз по земле прошла лёгкая дрожь, и всё ещё горячий липкий воздух наполнился мириадами микроиглоочек. Они кололи глаза, не давали нормально дышать, лезли за шиворот, проникали сквозь одежду. Огни Большого Города разгорались всё ярче, и как только стало светлее, словно из-за туч выплыла полная Луна, иголки исчезли, воздух стал прохладней. Сквозь Огни прорывался иногда более яркий свет, как от прожектора. Наблюдающий мог бы подумать, что среди слабых огней захолустного селения мечется заблудившийся автомобиль, пытаясь проложить себе дорогу в лабиринте ярким светом фар. Но попытки его тщетны. Луч блуждающего прожектора вдруг поднялся вертикально, рассеиваясь в звёздном небе, на мгновение замер, и, закрутившись сначала в жёлто-голубую спираль и затем сжавшись в бесформенный огненный комок, с бешеной скоростью пронёсся над лагерем и исчез то ли среди безжизненной степи, то ли среди звёзд.

И было трудно поверить, что в этом лагере — убогом палаточном, бедненьком и неухоженном — отдыхало в эту, как и во всё предыдущие, ночь столько надежды и веры, что их с лихвой хватило бы на гораздо большее количество землежителей, которые здесь в эту ночь не пребывали и пребывать не собирались. Они руководили, управляли, готовились защищаться, дорабатывали план "«Альтернатива», основным содержанием которого было сохранение драгоценного генофонда и несгибаемое противостояние. При этом сами они противостоять не очень собирались, а носителями того самого «драгоценного» считали, естественно, себя. И ни в вере, ни в надежде они не нуждались по простой причине: они не знали, что это такое. Считая себя великими прагматиками, они были уверены, что всё, в чём нуждаются, могут или забрать или купить. И потому на достояние отдыхающих в ночном лагере не претендовали. К счастью. Ибо тогда бы у последних ничего не осталось. Кроме сна. И этого незыблемого в своей угрюмой непобедимости Города и его окрестностей.

Утром Игорь сказал, что Армагеддон бывает всякий, в том числе и похмельный. Рой дополнил это ёмкое замечание банальным высказыванием о том, что если утром у тебя болит голова, то радуйся, что ты — не Змей Горыныч.

Игорь понимающе усмехнулся и произнёс всего два слова: «Прощание удалось!» Рой промолчал.

Глава 33

Пока машина плавно катила к головному офису. Валерий посматривал в окно и отметил одну весьма поднявшую ему настроение деталь: многие прохожие, особенно молодёжь, оглядывались на машину, улыбались, приветливо помахивали ручками, некоторые смеялись. Валерий кланялся в ответ и даже пытался обозначить рукой ответный, полный признательности жест. «Будьте строже. Держите дистанцию!» — одёрнул его Женя. Экипаж подъехал к полуразвалившемуся трёхэтажному зданию. Пассажиры вышли, водитель остался в машине. Валерий посмотрел на машину и понял, насколько он ошибался, оценивая внимание прохожих. Машина была украшена лентами, на крыше кольца, на капоте — и как он в пути не заметил? — сидела не то чтобы кукла... лилипутских размеров надувная женщина — как в легкомысленных журналах.

Женя с осуждением покачал головой, поманил пальцем водителя. Тот вышел, попинал колесо и лениво направился к Жене.

— Бегом, — высокомерно скомандовал Женя. — Ты что, негодяй, устава не знаешь?

— Знаю, знаю... — лениво ответил водила, не меняя темпа движения. — Сначала надо бегом, затем подойти строевым и доложить...

— Так что ж ты, стервец? — возмущённо спросил Евгений.

— Бегущий полковник вызывает в мирное время смех, а в военное время панику, — назидательно сказал водила. — А мы сейчас на военном положении.

— Кто? Ты, прапор занюханный, — полковник? — со смехом спросил Женя.

— Да. Ночью присвоили. Приказ уже пришел. За успешное проведение операции по твоему обезвреживанию.

Физиономия — бронзовая, лицо — в ранних морщинах, усы — топорщатся, плечи — лучше не пробовать. Водила решительно направился к Жене. «Заговор? — подумал Валера, — может, дать ему подножку? Но плечи...» Женя отошёл на шаг и принял стойку богомола. Водила издевательски рассмеялся. Женя постоял секунд

десять, ноги от напряжения начали трястись. Он выпрямился и мужественно сказал: «Ладно, чёрт с вами. Сдаюсь. К чему лишние жертвы? А на моё место кого? Этого недоделанного что ли? Ни ума, ни силы, ни харизмы... Плунуть и раздавить!» — и подтвердил свои последние слова движением ноги, имитирующим процесс раздавливания.

Водитель подошёл к нему и положил руку на плечо, голос его был полон печали: «И срывать нечего. Погон — нет» Вздохнул и добавил: «Не погоны ты потерял. Совесть ты потерял. И чувство вдохновенья...» Опять вздохнул и продолжил: «Завалить бы тебя, карьерист и кляузник. Но жалко. Людей и так мало. Иди приberi и помой машину! И извинись перед товарищем, мерзавец!»

Женя послушно подошёл к Валерию. Его глаза были полны слёз: «Друг мой! Прости меня! Я профессионал и поэтому никогда не говорю, что думаю. Я тянул время. В гневе он мог меня убить. Надо было что-то говорить, и я сказал... Будь великодушен. На возьми...» И протянул Валере изъятые у водилы две помятые купюры.

«Нет, ребята, только извинения! — вмешался водила. — Давай сюда! Нашли пацана: вы тут бабки делите, а я смотрю и наполняюсь негодованием. Не пойдёт!» Подошёл и выхватил у Жени деньги. Женя смахнул рукой слезу и поплёлся к машине. «И эту гадость — тоже убирать? — спросил он, указывая на надувное произведение, — А зачем тогда вешали?» «Вопросики, мерзавец! — рявкнул водила. — Читай устав. Один из эффективнейших способов маскировки — полное самораскрытие. Вот я раскрыл сущность твою гнилую...»

«Ну, это уж слишком», — с тяжёлым вздохом вымолвил Женя, сел на бордюр возле машины и обхватил голову руками. «Не мешай ему, — тихо сказал водила, обращаясь к Валере. — Может, застрелится? А то кончать придётся. Тебе!» Валерий почувствовал предательскую слабость в ногах.

Водила закурил. Сделал несколько затяжек. Глянул на часы и аж присел: «Время! Мы на полчаса опаздываем!» Забычковал сигарету, тщательно поплевав на неё, и положил в карман. Махнул с сожалением рукой, словно потерял что-то большое, родное и бесконечно дорогое, подошёл к сидящему на бордюре Жене и сказал: «Ну, ладно, хватит. Не расстраивайся Иннокентий Лазаревич. Я пошутил. Идите на совещание — я машину приберу».

Женя вскочил с неподдельной радостью на лице. Затем стёр улыбку и потянулся к подмышечной кобуре, но кобуры не оказалось, да и был он без пиджака — в одной цветастой рубашке. «Задушу, мерзавец. Меня — офицера, разработчика и последователя, неувядающего оптимиста и просто человека с большой буквы... и вот так? Харей?! Загоню в пустыню! Будешь там варанов жрать!» Водила приосанился и возразил: «Во-первых я вообще не ем. Я кваркофаг. Во-вторых, это генерал приказал! Проверка».

«Ну, если генерал... Понимаю, служба. Придайте машине достойный вид — что б не стыдно было... А мы на совещание» — миролюбиво сказал Женя и осторожно взял Валерия за локоток. Тот был нем и напряжён. Но сопротивляться не стал и последовал за ожившим Евгением.

Они зашли в грязный тёмный подъезд. Женя хорошо ориентировался в полумраке. Быстро нашёл кнопку лифта и нажал. Двери отворились. Внутри — светло. Женя зашёл и широким жестом пригласил плохо соображающего Валерия: какой лифт, какой здесь лифт? Кабина дрогнула, и Валерий почувствовал, что его вдавливают в пол. С этим чувством он уже сталкивался — когда жил в столичной гостинице и пользовался скоростным лифтом. Подъём длился минут пять. Женя молчал

и только один раз прервал тишину: «Курить нельзя! А то было дело — тут одни обкурились...»

Наконец пол качнулся, и створки лифта отворились. Женя вышел первым. Взору Валерия предстал слабо освещённый небольшой коридор, который заканчивался массивной добротной дверью. Пол устлан старенькой ковровой дорожкой. На потолке висели лампы дневного света. Одна из них надоедливо мигала. «Прошу соблюдать тишину и порядок», — мягко сказал Женя и направился к двери, увлекая жестом Валерия. Уверенным движением взялся за изящную деревянную ручку, отворил дверь и вошёл. Валерий последовал за ним и разглядел большой кабинет.

Т-образно — большой и малый столы. У малого стола стулья. За большим в кресле восседал генерал Эдик, курил сигару и разговаривал по телефону. Было хорошо слышно: «Ты знаешь, дружарик, бабла я накопил море. А там дешёвого рыжья — как тряпок на одесском привозе...» Женя быстро подошёл к генералу, нажал на рычаг телефона, прервав разговор, выхватил у него изо рта сигару, сам с удовольствием втянул дым и выпустил его аккуратными кольцами. Удовлетворённо хмыкнул и, скосив взгляд на Эдика, небрежно сказал: «Пошёл вон, баклан. Работать пора».

Эдик неохотно встал с кресла и вышел из-за стола. Проходя мимо Жени он перешёл в боевую стойку и попытался ударить его с разворота ногой в ухо. Тот резко присел и подбил задней подсечкой опорную ногу. Эдик шлёпнулся на пол. Женя лениво пнул его пару раз, потёр руки от удовольствия и занял командирское место. При этом он умудрился не выпустить сигару изо рта. Эдик встал, ощупал ушибленные места и, молча, занял место за малым столом. «Садись, Валерыч», — он указал рукой место напротив себя. Валерий обошёл стол и сел.

— Итак, господа, развлеклись, и хватит, — вынув сигару изо рта и аккуратно положив ее в пепельницу, сурово сказал Женя. — Я теперь генерал. И надолго. Может, навсегда. Задание надо выполнять. Эй ты, слюняй, доложи! — он строго глянул на Эдика.

Глава 34

Посмотрев на звёздное небо, Рой про себя отметил, что эта влекущая в бесконечность бездна уже не вызывает у него бывшего волнения. Бездна здесь, она рядом. А там? Ещё большая бездна. Но не рядом. По мере приближения к Огням гуденье нарастало. Монотонным его назвать нельзя — менялись и тембр, и сила звука. Ночная увертюра. Воздух потеплел, плотность не изменилась. Ветерок присутствовал. То, что издали производило впечатление более менее сложившихся очертаний, — а там уж кому что привидится, — постепенно размазалось и превратилось в рой светящихся шариков, состоящий из роёв поменьше. И светлячки, и пчёлы, и шаровые молнии — определяй, как вздумается.

Рой и Игорь замедлили шаг. "Пчёлы", описывая замысловатые траектории, уже кружились возле них, иногда пролетали мимо лица, но ни одна "на таран" не пошла. Их слишком много, подумал Рой, какая-нибудь всё равно нарвётся. Так оно и случилось: одна ударила его в левый рукав, по касательной, как бы отпрянула, рассыпалась на мелкие искорки и погасла. Рой прислушался к ощущениям в той части руки, куда пришёлся удар. Последствий нет. Пока нет.

Что-то мне этот улей не нравится, подумал Рой, и имя у меня подходящее к ситуации, — может, за своего примут. Хочется верить, что осознанного зла нам никто не желает. Лишь бы добра не пожелали. Перерастёт монотонное гуденье в одно мгновение в вой сирены, ощерятся хищные и всеядные «осы» ядовитыми

жалами, покружат с минуту над двумя бродягами, напугают их до полусмерти и ринутся за условные границы Города. И никто их не остановит.

Универсальное модульное оружие: простейшие искусственные организмы с ярко выраженным инстинктом совершенного убийцы. Размер, скорость передвижения, искусная маскировка, превосходная ориентация при выборе жертвы, молниеносное нанесение точного удара... Или веселее: погружение добычи в анабиоз, её доставка и сохранение. И главное — способность объединить мириады бездумных элементов в крупную модульную систему с задачами и возможностями другого порядка, при сохранении того же инстинкта уничтожителя. И если заложена в них какая-нибудь мудрёная репликация, превратится мир...

Возможен такой вариант развития событий? Возможен. Всё возможно. Но речь идёт о процессе, предположительно, управляемом. Хоть и не нами. В этом случае ты — участник, хотя и невольный, большого драматического действия. И на том спасибо. Более пугает другая опасность, как на производстве, — несчастный случай. Тогда кино досмотреть не удастся. А хотелось бы.

Гул усилился. Скорость хаотического движения «пчёл» возросла, и разрозненные святающиеся объекты образовали над поисковиками разноцветный слегка колыхающийся купол. Прямо как в планетарии, подумал Рой. Заложило уши.глянул на Игоря. Спокоен. Под ногами сухая трава — как наша, родная, но сухая. Как она называется? Понятия не имею. Какое разнообразие оттенков! Светлячки, образующие свод, — красные, оранжевые, зеленоватые.

Интересно было бы, подумал он, принять участие в составлении инструкции по технике безопасности для ситуации, с которой человек никогда не сталкивался. Можно делать резкие движения или нельзя? Можно обернуться назад или нельзя? Можно думать о плохом, о хорошем, о детстве, о сибирских пельменях — или нельзя? Можно палить из пистолета в белый свет или нельзя? И можно ли, наконец, позволить себе легкомысленные фантазии? И если что-то не так — разверзнется земля! А в некрологе напишут:

"Гоняясь за солнечным зайчиком, он получил солнечный удар. С тех пор в его голову приходили не только светлые мысли, но и протуберанцы мудрости. Он также научился жевать, не чавкая, изобрёл вечную подкову для счастья и написал сказку про циклопа-романтика..." Что это со мной, подумал Рой, страх обычно мочу гонит, а здесь... Чего ты ждёшь от этих Огней? Что они просветят тебе мозги и потом сыграют такую шутку, что белый свет милым не покажется?

И вопросик один вертится такой назойливый: почему мы здесь так поздно оказались? Эту акцию можно было предпринять и месяц назад. Говорили, говорили, и вот наконец собрались и пошли — как по команде. Вопреки всему. «Была прогулка быстротечна, и в роще той не соловей уж напевает: информкукушка откровенно сообщает, что наша жизнь, увы, не вечна...» — поток продолжался.

Гул стих. Свечение свода ослабло и затем постепенно сошло на нет. И ночь спустилась. Не совсем ночь. Неба звёздного не было. Вместо светящегося свода — непроглядная тьма. И справа, и слева что-то происходило. Рой сначала не мог идентифицировать шум. Но вскоре пришёл к выводу, что он напоминает шлёпанье вёсел по воде. Приближается лодка, с гребцами. Яркий свет, как от прожектора, ударил по глазам и затем погас. От этой вспышки Рой и Игорь должны были хотя бы на мгновение ослепнуть. Но случилось ли это, определить было невозможно: тьма.

И тут Рой явно услышал фразу, произнесённую, как ему показалось бодрым и даже игривым мужским голосом: "Сушим вёсла — едем в Осло!" И всё стихло. Унеслась вдаль дурацкая бессмысленная присказка, слышанная в детстве. Опять

голоса. В такой гробовой тишине должны быть слышно каждое слово. Не понятно: перепалка какая-то. Звук словно пробивается сквозь темноту. Рой стоял и смотрел перед собой. Прямо перед лицом, возникнув из ничего, завис светящийся шарик. Повисел несколько секунд, взмыл свечой и затерялся. Ни звёзд, ни Луны по-прежнему не было. Голоса приближались, вернее, окружали. Рой находился, словно в толпе, притом толпе, непрерывно болтающей.

"Самарийцы выживут и дойдут... В надземном царстве нет подземных ходов... Я вас уверяю, господа, сторожевик далеко, а граница — близко, и никаких арамейцев нет: это те же зулусы в зеркальном перерождении...Ты не хочешь есть — ты хочешь жрать, как единорог после поста... И каждому — подкова на счастье, а то, как перекасти—поле..." Подкова-то здесь причём, подумал Рой. Я ж сам о ней недавно вспоминал. Совпадение? Или ОНО издевается? Страх, что уж тут скрывать, беспокоивший минутами раньше, прошёл.

Но пришёл другой страх. Он уже не боялся, что его ударят, убьют, схватят и уташат в преисподнюю. Он боялся только одного — что сейчас его слегка толкнут в спину и скажут: "Извините, вам здесь не место". Щекочет струйки пота, и нет желания оглянуться. Нет. Сделать шаг вперёд или нет? Он не сделал. Посмотрел вниз: трава видна — та же.

"Дует ветер! Дует ветер! Дует ветер!" — скандировали несколько мужских и женских голосов. И вдруг возле правого уха, рядом — два голоса, не различимых ни по тембру, ни по интонации, но — два.

«Когда мы последний раз кружили, всё вращалось, и трудно поверить, что всё так изменилось! А зонд придётся запускать в тумане, вслепую».

«В тумане всё люди серы. И потому — одинаковы. А с кем же тогда разговаривать? Со всеми сразу? Может, сначала туман развеять? Мы — им, они — нам».

Голоса удалились. И слева — игривое приглашение: "Процедура лучезарной улыбки... Опробуем? " «Опробуем! Опробуем!» — послышалось со всех сторон. Ветер усилился, стало свежее, и самочувствие должно измениться в лучшую сторону. Должно. Но что принёс этот ночной, рождённый Огнями большого города ветерок? Сведёт с ума? Нет смысла создавать всё эти сложные и дорогостоящие декорации с простой целью свести с ума человека. Задачи такой нет. А если с кем и случится беда — нет и не было здесь злого умысла. Он, умысел, конечно, был. Но во всяком случае он не заключался и не заключается в стремлении множить на матушке Земле ряды безумцев. Их и так хватает. Мы их сами множим. Но, настоящих буйных мало. Настоящих — мало! Что есть «настоящий» будем держать в секрете.

Рой пошатнулся. Что это? Земля колыхнулась под ногами. Ну, ты и даёшь, парень. Рой почувствовал слабость в ногах. И сердце замерло. Его взяли за правое плечо. Рой медленно повернулся. Это был Игорь. Он смотрел на него спокойно, во взгляде — страшная усталость. Его губы шевельнулись, и Рой не услышал — понял: "Терпи!"

Но это было не всё. Поезд. Рядом мчится поезд. То лодка, то поезд — бредятина какая-то, подумал Рой. И голова кружится. И земля уплывает, уплывает. Рой понял, что он падает. Не ничком, не навзничь, не на бок. Всем своим существом и во все стороны падает. Распадается в этом полумраке.

Жизнь должна пролететь перед глазами. Ничего не летит, подумал Рой. Ни кадров, ни стоп-кадров. Сам я в полёте. И он признался себе, что не хотел и не хочет, чтобы жизнь эта — эта! — пронеслась перед очами его не совсем ясными.

Нельзя роптать — это понятно. Но и не роптать нельзя. Да, тварь я, но ведь — понимающая! Не надо мне эту плёнку прокручивать. Зачем эта назидательность? Сам помню, и потому вдвойне, втройне страшней. Не о чем жалеть и не в чем раскаиваться. Нет, нет — не так: отбросим браваду мальчишескую. Не к чему жалеть и раскаиваться, не к чему прощение выпрашивать, не надо жалеть себя. Не будьте наивными, господа: прощение единой секундой не выпрашивается. И не выпрашивается оно вовсе. Оно просто даётся. В любом случае даётся — будьте спокойны. В любом случае. Но вот примете ли вы его? Примете вы его — в любом случае? Забавно, да? Вот он весь я — во всей красе. Хоть и убогий, хоть и падаю. А вот и серьёзно закрутило. Видно, надерзил. Действительно — падаю.

...Горит трава. Без паники! Сейчас она прогорит, и всё прекратится. Так оно и случилось. Рой сделал несколько шагов по тёплой земле, разгребая золу. Обошёл очажок затухающего пожара и двинулся по невысокой рыжей растительности, которой огонь не коснулся. И то же небо, и то же Солнце — как тогда, очень давно. Несколько шагов, и вот она, грунтовая дорога, через дорогу шлабгаум. Никого нет. Глянул в одну сторону, другую. Пролез под поржавевшей труб. покрытой бело-красной "зеброй".

Дорога ведёт к станции. Ветхие деревянные сборные домики, простенькие мазанки. Никого. Вышел на пустую платформу. На путях поезд. Сообщают: "Поезд номер семнадцать следует до конечной остановки". Зашёл в вагон. Старый вагон. Такие ходили давно. Может быть, и сейчас ходят где-нибудь в захолустье.

Людей немного. Каждый занят своим делом. Слева семья — двое взрослых, двое детей. Обедают: взрослые, сидящие напротив, положили на колени чемодан, накрыли газетой. Традиционно: курица, варёные яйца, помидоры, хлеб, соль в спичечном коробке. Традиция такая была давно. Рой подумал: почему давно? С чего я взял? И увидел он, что между тем «давно» и настоящим пролёг лес — чистый и прохладный. А с деревьев свисает застывшая серая пена. Лес шевелится, а пена — застывшая. И есть там, чувствует он, за деревьями лица. Не выглядывают они, но точно есть. Добрые лица и грустные.

Справа — «дама с собачкой»: пожилая особа в очках усадила рядом с собой на сиденье болонку, разломила пирожок с ливером и кормит своё чадо кусочками фарша. Молодой человек пытается открыть тугое окно. Девушка, его соседка, смотрит на него с надеждой: жарко. Но это не та девушка. Та — осталась там, за шлабгаумом, за тьмой, за голосами, за Огнями. Рой смотрит через окно на платформу. На платформе — верблюд. Гигант высокомерно посматривает по сторонам и равнодушно перемалывает жвачку. Дальше по вагону сидит человек. Спиной. В летней шляпе.

Рой делает шаг, другой, останавливается. Он понимает, что не сделает больше ни шага, не сядет напротив и не будет разговаривать. Он знает, что он услышит. Тот человек скажет, что ему очень одиноко, что он разменял себя по мелочам, что он долго едет в этом поезде и давно не встречал доброго попутчика.

Мы ещё поговорим, думает Рой, но не сейчас. Я знаю, что ты скажешь: что твоя жизнь — сплошная ошибка. Но так ли это?

Что есть ошибка? Отход от очевидных или, напротив, скрытых правил, несоблюдение прагматичных норм, которые могут и могли бы способствовать достижению неких показателей, которые большинством твоего окружения рассматриваются как положительные? Но если вдруг перестанут ошибаться многие, очень многие? Тогда достижение этих самых показателей станет настолько массовым, что пряников на всех не хватит. Взрыв будет, и большой взрыв. Так что, мой друг, способность не совершать ошибок — удел немногих. И попасть в их число — более вопрос выбора, а не благоприятного стечения обстоятельств.

Ты мне возразишь: уж не хочешь ли ты сказать, что умение совершать ошибки — чуть ли не благо? Поверь тебе, добавишь ты, и получится, что отсутствие так называемой жизненной логики — это спасение, а наличие её — гибельная бездна. А я скажу: да, так оно и есть. Так и скажу. Только не надо устанавливать такую жёсткую полярность — спасение-бездна, ведь мы живём не по чёрно-белому варианту. А если и прибегаем к нему — так потому что заблудились: путаем человека и человечество, потребности каждодневные и вечные, подход личностный и исторический... Эти «сосны» и заставляют нас плутать.

И тогда ты скажешь: ведь мы уважаем вселенские законы, значит, можно снизойти и до нас? Если человек — винтик, бактерия, зачем ему дан разум и притом такой, что мешает спокойно жить? Я тебе скажу: а с чего ты взял, что мы уважаем вселенские законы? Ты промолчишь, раздумывая, а я добавлю: ты рассуждаешь сейчас, повесив на себя вериги неудачника. Но был бы ты бактерией, винтиком, ты бы этот вопрос ни себе, ни окружающим и не задавал — не было бы у тебя никаких вопросов, кроме немых и самых насущных. Вот тебе и выбор.

Ты тогда скажешь: хорошо, я смирюсь, но ведь обидно и нелепо быть частью некой генераторной среды и готовить всю жизнь нечто, предназначение которого неизвестно, и при этом осознавать, что ты есть «часть» и не более.

Я тебе скажу, что нам только и остаётся что «осознавать», а дальше повторюсь: а вот быть «частью» и какой — это уже вопрос выбора. И если б ты выбрал путь без ошибок, шёл напролом к своей цели — которой у тебя, кстати, нет, и потому горевать тебе не о чем — ты бы не сидел здесь в этом поезде № 17 и не искал доброго попутчика. Потому что — кому поезд и попутчик, кому путь, где всё известно наверняка...

Рой разворачивается и идёт в соседний вагон. Не то, не то, не так надо, не так, шепчет он. Затем, поймав на себе косые взгляды пассажиров, перестаёт шевелить губами. Мы ещё поговорим, думает он и верит в это, обязательно поговорим, быть может, вместе пустим красную ракету, вызовем огонь на себя и постараемся выкрутиться. Но не сейчас. Рой видит и понимает, что в вагоне жарко, пассажирам дискомфортно. Но он ничего не ощущает. Он лишь видит, слышит и понимает.

Вслед несётся: "Соколиная охота не удалась". В этом вагоне полно народу. Юная циркачка крутит колесо в проходе. Дым стоит коромыслом. Пьяные разговоры. Много солдат. Запах табака, водки и тушёнки. На одной из скамеек сидит эсэсовец. Старый уже. Жарко, но он в фуражке. Циркачка поскользнулась и чуть не упала. Эсэсовец ловко вскочил, поддержал её и затем сел на своё место.

Рой идёт в тамбур. Двери открыты настежь. И он вдруг ощутил жар. Легче на душе, если она ещё есть, если он сам уже не душа. Горячий воздух гоняет по тамбуру мусор. На полу валяются кусочки угля. Топят что ли, недоумевает Рой. Душно. Мелькают телеграфные столбы. И они здесь тоже есть? Белый песок слепит глаза.

Заходит циркачка. Крутит пальцами добротную сигарету. Рой не видит названия. "Мужчина, огоньку не найдётся?" Рой даёт ей прикурить от зажигалки. "Мужчина, Ниццу не проезжали?" Рой молчит. "Зачем же морщиться? Ты что — моралист, или у тебя зубы болят?" Рой молчит. "Проблемы? И ехать не хочется, и прыгать не хочется? Может, тебе ещё чего хочется?" Рой молчит. "Ну, если и ещё чего не хочется, тогда прыгай, а то стемнеет". Рой молчит. Как стемнеет, если утро, думает он.

"А я говорю — стемнеет. И не спасут тебя ни солнце, ни звёзды от мрака. Прыгай! Это нехорошая репетиция — здесь не цирк!" — почти визжит гимнастка.

Рой, держась за поручень, спускается на нижнюю ступеньку подножки и прыгает. Пробегает несколько метров по гранитной насыпи и, кувыркнувшись через голову, падает. Ударился спиной, дыхание перехватило. Опять туман, слёзы заливают глаза. Он с трудом встаёт и идёт — прямо, по ходу поезда.

Спина болит, ноет колено. Вернулся или продолжается? В груди по-прежнему бьётся маленький и вредный дух сопротивления: ну и чёрт с вами. С кем, не уточняется. Просто признать себя раздавленным не хочется. Рой смеётся над собой. И всё же: вернулся или продолжается? Он опять смеётся, спотыкается, но идёт. Итак: стоп! Вот ты и познакомился с Огнями. И к какому выводу ты пришёл? Прочь, прочь спасительную и, бесспорно, часто спасающую игривость. Маска это, притворство. Помирать так с... оркестром. А если без оркестра? Выползаем, выползаем... Рой остановился, глядя вслед ушедшему поезду. Глянул на рельсы: блестят, отшлифованы колёсами. Виртуальность близкая к реальности. Может, я надышался чего? Или Огни мозги просвечивают?

И боль пронзила спину. Он замер не в силах пошевелиться. Знакомо, но что-то не в меру. Рой с трудом посмотрел влево и увидел то, что и ожидал увидеть. Тень, незаметно подкрадываясь, уже закручивалась дырявым волчком. Смерч приличных размеров, в два человеческих роста, стремительно приблизился, и Рой не смог уступить ему дорогу, хотя хотел, очень хотел. Он стоял неподвижно, и мягкие чёрные лоскуты скользили, шелестя по одежде, гладили лицо. Рой не чувствовал в этих действиях враждебности — дружеские объятья. Но спина... Что спина? Он пошевелил плечами — боли нет, можно двигаться. Лёгкое дуновение ветра словно подтолкнуло его, и он пошёл. Лоскутный вихрь отклонялся то вправо, то влево, но не покидал путника.

И куда мы держим путь? Вихрь, словно услышал вопрос, и выдвинулся на несколько шагов вперёд по ходу движения — приглашает? Мы не гордые. Вперёд! Шелест лоскутов усилился, вращение вихря ускорилося. Он быстро двинулся в сторону Роя, опять «обнял» его, и исчез. Рой оглянулся. Ничего. Он встал на колени, затем рухнул на правый бок. Положил голову на правое плечо и замер. Если бы можно было уснуть и проснуться в той жизни, которой уже не будет. Если бы. Какой горячий песок. Он медленно встал, отряхнулся.

Рой не слышал шорох шагов. Кто-то трясёт его за плечо. Он оборачивается. Перед ним Игорь, улыбается натянуто и говорит:

— Ты ещё крепкий старик...

— Но пасаран, — отвечает Рой.

Утренний свет уже развеял Огни Большого Города. Они в поле, покрытом рыжей травой.

Они идут, не сговариваясь. Сухая трава, затем потрескавшаяся земля. Мёртвый пейзаж. Рой посмотрел на небо — голубое, выгоревшее.

Рой, прикидывая, сколько воды осталось во фляге, пожалел, что поленился заварить зелёного чая. Не знаю, что там насчёт сердца, подумал он, но жажду желанный чай утоляет лучше любого другого напитка. Поленился — теперь пожинай, натуралист хренов.

Игорь шёл чуть сзади, слева. Он уже несколько минут посматривал на появившуюся по направлению движения инородную точку, явно не вписывающуюся в ставший уже родным ландшафт. Он ещё раз присмотрелся, предварительно смахнув капли пота с бровей, и пришёл к выводу: не показалось.

Теперь уже вместо точки была видна фигурка человека. Игорь отхлебнул воды из фляги и сказал: «Прямо по курсу ещё один идиот!». «Хоть это радует», — ответил Рой и, помедлив, добавил: «Я его заметил, но думал — галюки». Появление путника в этой пустынной глуши само по себе было явлением неординарным: кто? откуда? зачем? Каким солнечным ветром тебя сюда занесло? С нами всё ясно, но ты-то здесь — по чью душу? Что тут думать: догони и спроси! И надо бы ускорить шаг. Но куда там. И солнце уже не жарит, но палит, и ветерок уже забыл, что такое утренняя прохлада — горячий, как в подготовленной для выпечки местных лепёшек печи, и дорога такая — попади нога в трещину, вывиха не миновать.

Расстояние сокращалось. Одинокая фигурка, бредущая по пустыне, приблизилась. Уже стало видно, что у идущего (или идущей) не серая, как сначала показалось, а белая одежда, как у киношных пустынных жителей — замотан с головы до пят.

«Смотри!» — услышал Рой. Игорь указал кивком головы и взглядом направо и вверх. По небу катился шар. Важно первое впечатление. Абсолютно правильный шар, размер определить невозможно, так как расстояние не воспринимается. Объект передвигается справа налево, Вот он уже и по направлению движения путников. На директрисе стрельбы, как бы сказал Антон. Объект не летит, а как бы катится по несуществующей (или невидимой) направляющей. Ушёл влево и почти исчез из поля зрения. Затем вернулся, завис на некоторое время над идущим впереди незнакомцем.

Впереди в небе серебристый шар, на земле таинственный незнакомец. Фигура движется, не оборачиваясь. «Идёт быстро, но медленно», — пробормотал Рой, и это был не каламбур. Незнакомец шёл, как казалось, уверенно — не спотыкаясь, без задержек. Но именно казалось: ни рук, ни ног, закутанных в белое, не было видно. «Не нравится мне этот странник, — тихо с присвистом сказал Игорь, — хорошо, что ещё посоха нет».

И копыт, хотел добавить Рой, но промолчал. И всё же внимательно глянул на порезанную трещинами почву. А будь здесь песок, а на нём отпечатки копыт? И докладывает Игорь по несуществующей радиостанции — не спеша, с расстановкой: всё нормально, преследуем двуногое парнокопытное, внешне напоминает бедуина. Пауза в эфире, и в ответ настоятельная рекомендация, почти команда: передайте связь напарнику. А напарник откашливается и докладывает то же самое. Пауза. И что же затем последует? Команда: свяжите друг друга, будьте на месте, вас найдут.

Начались сплошные «или». Шар или замедлил движение или остановился. Затем стал увеличиваться в размерах или приближаться. Всё происходило беззвучно. Теперь уже можно было сказать, что шар — метров восемь-десять в диаметре. Объект опустился на землю или изменил свою форму или погрузился в почву. Теперь дорогу впереди идущему преграждала или приглашала к себе серебристо-туманная полусфера.

До незнакомца оставалось шагов десять, его отделяло от полусферы приблизительно столько же. Он подошёл к объекту и остановился. Путники — тоже. Затем сделали ещё несколько шагов и замерли. И что? Стоять не двигаться, повернуть назад, разбежаться и стукнуться обожжённым солнцем лбом об эту полусферу? Где вы, инструкции пишущие? Явитесь и встаньте рядом. «Бедуин» — не наш. Об этом можно было сразу догадаться. Он не гость из Города: поведение совершенно не типичное. На развлечение скучающего доктора Самоа тоже не похоже. «Убежать мы уже не успеем, — бодрясь, прошептал Игорь, — придётся защищаться». Рой промолчал.

Ах, добрая солдатская шутка. Как защищаться? Что мне готовит шаг грядущий? Не без волнения задавал себе вопросы, не настаивая на ответах, Рой. Он смотрел на стоящую перед ними фигуру. Тот, который шёл впереди, не оборачивался. И Рой не хотел, чтобы он обернулся. Именно эта завёрнутая в белую простыню фигура беспокоила его. Полусфера — как бы само собой разумеющееся. Рой облизнул пересохшие губы, хотелось пить, но отстёгивать флягу он посчитал неуместным. Глянул на Игоря. Тот стоял и смотрел вперёд — спокойно и, как показалось Рою, с вызовом. Тот, который шёл впереди, слегка покачнувшись, пошевелил плечами, сделал шаг, другой и вошёл в полусферу. Его было хорошо видно сквозь белёсую дымку. И вот он обернулся.

Из полусферы смотрел незнакомый Рою человек. Он внимательно, не встречаясь глазами, рассмотрел лицо незнакомца и никого, и ничего, по меньшей мере, на данный момент, не вспомнил. Пересилил себя. Вот и глаза. На него смотрело человеческое лицо, но оно не было ни мужским, ни женским, ни живым, ни мёртвым, ни восковым... Оно было никаким, оно было НИЧЬИМ. Это был образ лица, обозначение, объёмный штрих. Это было универсальное лицо. Это была концентрация человеческих лиц и глаз. Невозможно было определить его выражение. Смеётся, сердится, улыбается, осуждает, просит, требует... Оно было всеобъемлющим.

Рой посмотрел в непознаваемые, включающие всё оттенки чувств глаза и понял: на него смотрит бездонность. И вот тот, который шёл впереди, заговорил, вернее, Рой услышал его голос — губы на лице не шевелились. «Вот ты и пришёл!» Прозвучало громко и торжественно-снисходительно. «Вот ты и пришёл!» — прозвучало ещё раз. Но снисхождение уже перешло в сожаление. «Не надо стоять — иди!»

Волнение, охватившее Роя, перешло сначала в чувство лёгкой обиды, затем трансформировалось по законам, известным лишь тому, который в нас сидит, в волну покоя, прокатившуюся по всему телу и размывшую дамбу напряжения, окружавшую его последние месяцы. А, может быть, всю жизнь. Это была не лёгкость, это было освобождение от тяжкого бесформенного бремени, но не только освобождение. На смену тому, что его давило и ломало, пришла мягкая тяжесть таинства — свободы и соприкосновения с непознанным, нового понимания.

«Уж не смерть ли это? — подумал Рой, — нельзя, сейчас — нельзя». Всё эти недавние дни и ночи, и всё эти годы, предшествовавшие этим дням и ночам, рано или поздно должны были или должны будут оборваться. Но не так быстро, не так бездарно. Рой, сопротивляясь этой мягкой тяжести, добавил: нет — так в тупую нельзя. Он сделал шаг к полусфере, ещё один и остановился. Вызов? Можно назвать и так. Просьба? И так тоже. Смирение? Вряд ли. Но тот, кому этот вызов был брошен, уже скрылся, затянутый дымкой тумана. Рой оглянулся на Игоря. Тот стоял чуть позади. Его губы шевелились, в глазах, устремлённых на полусферу, горел безумный азарт. Он словно вёл жёсткий спор и был близок к окончательному решению — дело за действием. И ещё Рой понял, что Игорь его не видит.

И как подтверждение тому, что «сейчас нельзя», перед Роем, там, где была туманная полусфера, словно по волшебству, развернулась яркая картина — как проекция слайда на гигантском экране — чёткая и насыщенная цветами. И объёмная. Краски неестественно яркие.

Он не мог видеть всё: слишком много деталей — реки, горы, небо, звери, птицы, люди, механизмы, города и деревни... Он понимал, что не мог видеть всё, но видел всё сразу. С картины как бы снимался невидимой рукой слой, затем другой, и виды менялись. Рой поначалу пытался задержать внимание на отдельных элементах, но не получилось. И он решил, что пытаться и не надо.

Рой не сообразил, что и как произошло: то ли он приблизился к многолистной картине, то ли «экран» приблизился к нему. Сгустки всевозможных видов и красок надвинулись, накатились на Роя, в мгновение просочились, пролетели сквозь него, и он оказался в центре кричащей красками, множеством и многообразием деталей панорамы. Подул ветер, Рой вздохнул с облегчением. Но тут же его качнуло и он чуть не потерял равновесие. В висках стучало: стоять, стоять. Он очень боялся упасть. У него возникло ощущение, что на много метров и километров под ним ничего нет. Ничего. Пустота. И если он упадёт, то падение его будет бесконечно долгим и страшным.

Рой глянул вниз — ноги покрыты ярко-зелёной травой. Его окружала уже не панорама. Слева могучий сосновый бор сменился огромными океанскими волнами. По ним скользит плот, где мореход, капитан и экипаж в одном лице, завис над кормовой частью и, держась левой рукой за канат, пытается что-то подправить держащей небольшой топор правой рукой. «Ремонтирует руль», — подумал Рой, не имеющий представления об устройстве плота, предназначенного для морских путешествий.

Справа прошло стадо мамонтов, и только сейчас Рой, услышав тяжёлую поступь, прерываемую шумом океана, зафиксировал, что «врубили» звук. Грохот за спиной, Рой обернулся — рушились каменные стены древнего города. Поднялась стена пыли и «погналась» за разбегающимися во все стороны человеческими фигурками.

Впереди из небесной синевы вырвался метеорит. Вид — как в замедленной съёмке. Каменная глыба, прочерчивая огненный след, пронеслась над океаном и врезалась на горизонте в невидимую сушу. Вспышка. Зарево. «Вспышка, потом ударная волна, спрятаться некуда...» — невольно подумал Рой, в то же время осознавая, что к нему вся эта картина мира отношения не имеет, она — сама по себе. А он сам по себе? Он для неё или она для него? Или обе стороны предназначены одна другой? Ведь не зря же всё это!

Резали глаз красные цветы. Кружил шмель. И цветы, и шмель неестественно крупных размеров. Дальше за цветами грунтовая дорога, по ней медленно бредёт понурая лошадь, под седлом, без всадника. Слой опять сменился: дикари отплясывают вокруг костра, а над лесом медленно «плывёт» воздушный шар. Слой сменился, но изменилась не картина, а положение самого Роя. Он уже стоял на горной вершине, ниже — облака, а почти рядом, напротив, — гондола воздушного шара. Опершись локтями на край гондолы, на него смотрит жюльверновский путешественник. Были когда-то и такие новые герои — творцы и гуманисты.

И тут вспыхнул «чёрный свет» — словно зажглась «чёрная» лампа. Всё окружающее мгновенно погрузилось в крошечную темноту. Абсолютно тихо. Он не чувствовал ничего — ни грунта, ни ног. Рой хотел слегка хлопнуть по ляжке, сделал мысленное усилие, но не более. Ему нечем было хлопнуть и не по чем. У него не было тела, волевые усилия, направленные на инициацию хоть какого-нибудь движения, позволившего почувствовать и осознать тело, оставались безрезультатными. Остались только мысли и темнота. Рой не был уверен: слушаются ли его веки? Получилось. Вроде, получилось. Закрыв глаза — может, так будет светлее? Нет. Даже закрыв глаза, плотно сжав веки, он не увидел привычную «вселенную» — мириады светлячков. Возможно, он не закрыл глаза, а лишь мысленно обозначил желаемое действие.

Глава 35

Эдик пригладил рыжую шевелюру и начал доклад:

«Смею заверить моих доброжелательных оппонентов, что определение, к которому мне пришлось волею недоброго случая прибегнуть, имеется в виду «концептуальный экспромт», себя вполне оправдывает. Я был полностью объективен и искренен, когда указывал на ограниченность информации о мировосприятии гостей. Равно как и был искренне убеждён в возможностях гостей не только в области мифотворчества, но и преобразования среды обитания на свой вкус. Полагаю, что моё видение проблемы позволяет и позволит в дальнейшем не только понимать пути построения гостями мировоззренческих креатур, но и прогнозировать их развитие». Замолчал, виновато посмотрел на Женю и добавил: «Прогнозировать с точностью до...в общем, с большой точность...»

Женя слушал внимательно, но быстро начал проявлять беспокойство.

— Стоп, стоп. Это уже было на прошлом совещании. Что делать? — прервал генерал доклад.

«Хорошо, — согласился Эдик и продолжил. — Считаю необходимым отметить, что такая, мягко говоря, неразборчивость и в исследованиях, и в выводах привела и к смешению новообразованных понятии, и к искажению смысла первоисточников...»

— Нет, нет, так не пойдёт, — опять прервал Женя. — Что ты городишь? Ты можешь толком объяснить, что происходит?

— Объяснить я могу, — ответил Эдик, — но, что делать, не знаю.

—Понятно, — с досадой сказал Женя и застучал пальцами по столу.

— Ты где учился, бездарность и лицедей? — спросил он Эдика.

— И всё учителя мои — в Тибете, — задумчиво ответил Эдик и гордо замолчал.

Женя вздохнул и обратился к Валерию:

— Ну, а ты, зелень болотная, только коньяк дармовой жрать можешь? Да из заведения, за девочку не заплатив, убежать?

Валерий оскорбился: он как-никак вёл в журнале серьёзную научную рубрику «Тайное и явное». Читатели были довольны. И нечего всяким твердолобым генералам — он вызовом посмотрел на обоих присутствующих — корчить тут из себя корифеев. Поэтому он начал с маленькой контратаки:

— А в чём, собственно, проблема? Против чего мы боремся?

— Разве не понятно? — грозно сказал Женя, — против внеземного вмешательства.

— Но это же так просто, — осторожно продолжил Валерий. — Лучше, конечно, сбежать. Но, чтобы бежать, надо знать, от кого бежать и в какую сторону. Противника надо понять, оценить. Но как мы поймём и оценим внеземную сущность, оперируя земными категориями? Нам надо абстрагироваться и ...

— Толково, — стукнул кулаком по столу Эдик, — Шеф, запиши: надо разработать и отработать новую теорию познания.

— О! Вот уже другое дело! — с радостью сказал Женя и стал быстро писать в блокноте. Отвлёкся, показал ручкой на Эдика и скомандовал: — Ты разрабатываешь!

Затем показал сломанной сигарой на Валерия и сообщил:

— Ты — отрабатываешь! — Подумал и принял другое решение: — У тебя, зелёный, оперативной хватки нет. Так что, ты — разработаешь. А этот, — он небрежно кинул на Эдика, — отработает.

Опять углубился в блокнот, закончил писать, оторвал листок и швырнул по столу Эдику и пояснил:

— Передашь шифровальщику.

— А шифровальщик кто? — спросил Эдик.

— Сегодня таксист, — ответил Женя.

Затем достал сигару из пепельницы, раскурил и продолжил совещание:

— Что у нас по проекту «Альтернатива»?

Эдик достал из кармана большую записную книжку и стал её деловито листать. Прокашлялся, достал сигареты, зажигалку, встал, подошёл к большому столу, забрал с него пепельницу и уселся на своё место, поставив её перед собой. Закурил и стал опять листать книжку. Женя стряхнул сигарный пепел на пол и вопросительно, гневом посмотрел на Эдика. Тот продолжал листать.

— Понятно, — сказал Женя. — Так что — ему докладывать? — Спросил он и указал сигарой на Валерия. Эдик наконец заговорил:

«Шеф, он не по курсам. Не знаю, что и делать... Кто-то листы вырвал. У меня тут тезисы были. Ладно, я по памяти. Цель проекта, как известно господам присутствующим, законсервировать часть населения этой удивительной планеты с целью сохранения генофонда. Это на случай, сами понимаете, самого драматичного исхода. Ну, на тот случай, если всем кранты. Элита отбирается, формируются списки, — Эдик хмурил лоб, глубоко затягивался сигаретой, — даются и получают взятки, закатываются истерики. Процесс идёт. Наша задача спрогнозировать, какие элитарные черты возо... — он мучительно задумался, -во-зо-бла-да-ют по истечении времени консервации. Ибо это будет новое лицо планеты. И нам небезразлично, каким будет это лицо. Желательно, чтобы оно было привлекательным и...»

— И миловидным, — вставил Женя. При этом подмигнул Валерию

— Конечно, иначе какая репродукция? — продолжил Эдик. Подумал и решительно сказал: — А вот дальше я забыл.

— Репродукция предполагает отбор, идиот! — вмешался Женя. — Какими они станут эти... Назовём их элитяне. Красиво я придумал?

— Так точно, красиво и ёмко! — отреагировал Эдик. — Лучше не скажешь. — Повернулся к Валерию, чувствительно пнул его под столом под коленную чашечку, от чего тот громко ойкнул, и спросил: — Ты, зелёный. Ты что-нибудь в селекции соображаешь?

— Нет, я только раз был в племенном фермерском хозяйстве... Хорошо встретили...

— Ладно, помощнички! Кабы не работа... — Женя был явно раздражён. Он достал из стола здоровенный том, открыл с помощью закладки в нужном месте и стал сразу читать по складам: — Племенной отбор ведётся по известному признаку.... Это понятно. Что значит известному? Так... — Он шевелил губами и, было видно, что он впитывает в свой разум каждую букву текста. — Так. Это технология...

Здесь всё ясно. Но что значит — известному? Ты знаешь? — Он грозно посмотрел на Эдика.

— Никак нет. Надо полагать, это известно авторам этой книги. У них надо и спросить.

— А ты что скажешь, каналья? — он обратился к Валерию.

— Известному — значит по тому признаку, который известен, — выкрутился, как ему показалось, Валерий.

— Известен им, — с достоинством заключил Женя. Подумал и продолжил: — Но не известен нам. Кто у нас опер? — Взгляд на Эдика. — Что надо сделать, чтобы неизвестное стало известным?

— Допросить, что ж ещё, — Эдик снисходительно улыбнулся и потёр ладошку о ладошку.

— Насилие ещё никогда интеллектуала не украшало. А если без насилия? — вопрос был обращён к Валерию.

— Надо поговорить, расспросить, заплатить, может быть, — высказал своё мнение Валерий без всякой надежды на успех.

— Отлично! — Женя громко шлёпнул ладонью по столу. Задумался. Посмотрел на Валерия и продолжил: — Был у нас один. Один из первых кандидатов. Занимательная личность, широчайшего кругозора, без тормозов... Мы его вели. И довели. Он сейчас на лечении. Занимается проблемами гармонии. — Перешёл на решительный тон. — Ты, зелёный, и займёшься этим делом.

— А как же разработка теории? — высказал сомнение Валерий. — Вот у меня записано в блокноте: разработать теорию познания и доложить.

— Совмещать надо, инициативу проявлять. Про орден помнишь, что тебе этот самозванец обещал? — рявкнул Женя.

Валерий сник.

— Отлично, — радостно сказал Эдик. — Уф, словно гора с плеч. Всё ясно. Совещание окончено, можно расходиться. — Встал и пошёл к выходу.

— Стой, идиот. Отвези парня — он дорогу не знает.

— Туда дорогу любой знает, — дерзко возразил Эдик. — Что я ему — девица из эскорта?

— До девицы из эскорта тебе далеко — мордой не вышел! — высказал своё авторитетное мнение генерал Женя и загоготал.

Эдик поджал губы и проглотил обиду. «Пойдём, Валерыч, — сказал он, — а то тут такое сейчас начнётся — хамство, пьянка, пережимание рук, стрельба по-македонски...»

... Эдик привёл Валерия в светлую и чистую комнату. На разобранной кровати сидел человек, на коленях у него лежал большой школьный блокнот для рисования. Он что-то чертил.

— Виктор Фёдорович, — тихо представил незнакомца Эдик, — занимается вопросами гармонии.

— Проекцией золотого сечения на нашу разбалансированную действительность, — не отрываясь от работы, поправил хозяин комнаты.

— Вы сечение да Винчи имеете в виду? — заинтересовался Валерий.

Разработчик теории гармонии прекратил чертить, отложил блокнот, строго посмотрел на Валерия и уточнил:

— И его тоже. — В его взгляде родилось одобрение. Он спросил: — А вы по какой части?

— По части новой теории познания, — скромно сообщил Валерий и радостно кивнул головой, подумав при этом, что наконец-то он встретил достойного собеседника. Не сдержался и сразу вступил в разговор: — А как насчёт племенного отбора? Элитяне, понимаете... И такой момент — можно газетку выпустить, для разъяснения в массах, так сказать, и поднятия волны...

— Понимаю, — прервал его Виктор Фёдорович, — но давайте по порядку: сначала теория познания, потом племенной отбор, а уж потом элитяне, банк, телеграф, вокзал... Уверяю вас, мой юный коллега, что со своей стороны тоже обещаю быть последовательным.

— Ну не буду, друзья, вам мешать, — тактично шаркнул ножкой Эдик. — Пойду доложу этому прохвосту, что всё чики-брики.

Когда утром люди в белых халатах нарушили творческий уют палаты, Виктор Фёдорович и Валерий в один голос заявили, что они готовы вступить в ряды элитян и даже подготовили кое-какие предложения по оптимизации проекта «Альтернатива». Их слушали внимательно. Никто не прерывал.

Глава 36

Он не чувствовал времени. Его охватило растущее чувство тоски, жалости. Словно он потерял что-то неизбежное безвозвратно, и теперь между прошлым, связанным с этой потерей, и будущим пролегла пропасть. Непреодолимая. Как в детстве: отняли единственную любимую игрушку или веру в сказку.

Тогда давно ему, ребёнку, было горько, но он пытался сопротивляться. Душная ночь. Мальчик встаёт со своей кровати, идёт тёмным коридором к двери в соседнюю комнату. Дверь приоткрыта. Он прислушивается сначала к одному из спящих взрослых, затем к другому. В эту ночь он, засыпая, вдруг понял, что люди не вечны, они умирают и уходят навсегда. И он, весьма туманно представляющий себе даже процедуру похорон, никак не мог понять: как это исчезнуть навсегда? Он никогда об этом не думал и вот теперь вдруг осознал. В один беспокойный вечер и в одну душную ночь. И это было горькое и пугающее открытие его маленького доброго мира. Одни люди умирают, другие остаются. Человек есть, а потом его нет, нет вообще — нигде и никогда!

Он убедился, что двое взрослых спят, они живы, они с ним. Успокаивается и возвращается к себе. И думает о том, что так будет долго, но не всегда. Он вытирает невольные слёзы несогласия: он не хочет примириться со своим открытием и не может примириться с тем, что это открытие касается всех, в том числе и тех, в спокойном сне которых он только что удостоверился. Он сидит на кровати и мучительно пытается найти решение, разыскать исключение, палочку-выручалочку, которая бы поколебала нерушимость его открытия — хотя бы относительно тех двоих, которых он не хотел терять. И не может. Он предлагает кому-то большому, далёкому, всемогущему и мудрому свою жизнь — в обмен. Но ответа не слышит.

И вот он уже не ребёнок, он стоит на вершине в кромешной тьме и не понимает, куда делась та трагическая, но добрая ночь и всё хорошее, что он из неё вынес. А, может, потому он здесь и оказался, потому что не понимает. И он ловит себя на мысли, что и сейчас, именно сейчас он хочет найти палочку-выручалочку, которая хоть на мгновение разгонит тьму и даст ему возможность убедиться, что это он, только он один так влип, влип, может быть, безвозвратно, но с «остальными» всё в порядке. Ты растворишься в этой тьме, потеряешь разум и перестанешь быть тем, кем ты был ранее, то есть исчезнешь, но с «другими» всё в порядке, хотя, что такое «всё в порядке», «другие» ты описать не можешь.

И Рой всем своим существом чувствует, что его оторвало от условной точки, невидимых и неосязаемых координат и бросило ни вверх, ни вниз, ни в глубь — на тысячи, миллионы парсеков, в ещё больший мрак, и там он один, СОВСЕМ один. Через мгновение его опять перенесло в другую сторону бесконечности. Но Рой пока чувствует, что может «найти» обратную дорогу, что может даже после этих гигантских бросков в мире, где нет ни начала, ни конца, указать дорогу возвращения. Этот путеводитель формируется в его существе в виде пока ещё аморфного, но постепенно оформляющегося сигнала, суть которого — сконцентрировать всё ощущения передвижения в пространстве и запустить этот механизм ощущений в обратном порядке. Как это сделать, он не в состоянии себе объяснить, но чувствует, что сделать пока может.

И обволакивает его медленная исходящая из тьмы волна снисходительности и, как ему кажется, неприятия. Рой тонет в одной гигантской мысли, которая вонзается невидимыми и неосязаемыми потоками в его мозг, раскрывает всё его существо, весь маленький мир и, как кажется Рою, привносит в его сознание что-то новое, пока ещё неясное. словно огромная толпа мудрецов даёт ему одновременно беззвучные, но воспринимаемые советы, каждый мудрец — свой совет и на своём языке. И он уже не висит одинокой точкой во тьме, он сам — тьма. И он думает, верит, что эти мгновения не могут быть последними: должно быть дано хоть какое-то время на разгадку тайн.

И тут же Рой удивляется своей наивности: на разгадку тайн не хватит никакого времени, нужна вечность, и, если ему дана вечность, то, разгадав тайны, он в этой тьме так и останется навсегда. Выбор ему дан небольшой: или остаться здесь, и тогда мудрецы соизволят и начнут изъясняться яснее, или вернуться туда, где недавно был, и продолжать ползти, но уже со знанием того, что мудрецы, говорящие на непонятных языках, знают о тебе, помнят и, есть надежда, подскажут. И даже помогут.

Но есть и ещё вариант: попытаться им объяснить, дать что-то своё. Но что можно им дать, нуждаются ли они в этом? Наверное, нуждаются, раз затащили в эту космическую глубину, и наш маленький мир — это тоже маленький кирпичик построения большого мира и каждый из нас тоже мудрец, но говорящий пока даже сам с собой на непонятном языке. И не можем мы быть просто прямоходящими, осознающими себя в этой неисчерпаемости песчинками. Зачем мы тогда нарушаем свой «банановый» покой и думаем о том, о чём думать и не надо? Пусть они не снисходят: мы есть их часть, мы — есть они сами. Мы тоже им помогаем вершить их грандиозный план.

Рой почувствовал, что он уже не висит беспомощной точкой. Из его существа протянулись осязаемые, но не поддающиеся пониманию и описанию многочисленные жёсткие нити, и он как бы зафиксировался, приобрёл точки опоры в пространстве, и хотя вокруг чёрная ночь, он уже может, пользуясь появившимися опорами, «оглядеться», поворачиваясь вокруг некой зарождающейся оси. Но понятия «верх» и «низ» для него пока не существуют.

И что сказать? Меня не учили — я сам учусь, и раз не научили, почему судите? Да, мы сглупили, возможно, совершили ошибку, шагнули туда, куда лезть не надо было. Но нам никто не подсказывал. И то, что сейчас происходит, — это не подсказка, это наказание. Но ведь не каждый день мы совершаем роковые ошибки!

Мы ошибаемся и, как айсберг, подтаиваем, теряя убегающими ручьями надежды, заблуждения, наивные порывы, которые, как многие начинают думать, столкнувшись с могущественной силой, на этом айсберге и не нужны. Но, если бы мы от этих ручейков отказались,плыли бы в вечном холоде и лишь высокомерно посматривали сквозь лёд ледяными глазами? Было бы это лучше?

И вновь тысячи мудрецов заговорили в один голос и заполнили своим громовым шёпотом весь эфир. И Рой почувствовал, как его понесли, успокаивая и убаюкивая, невидимые во тьме волны. Куда? Тебе неуклюже демонстрируют силу? Тебе хотят показать собственное ничтожество? Ты согласишься — тебя пожалеют и дадут тебе жёсткую паутину, чтобы легче было крутиться во мраке, покатают на мягких волнах, может даже, развеют тьму.

В благодарность ты рассыплешься в признании собственной никчёмности и с лёгкостью и нечистой надеждой согласишься, что ты есть пыль, вирус, нечисть, зло на Земле. И тогда тебя опять пожалеют и... избавят от тебя тех, кто сдружился с тьмой, тебе дадут возможность больше никогда с ней не сталкиваться, и ты опять будешь трескать свои бананы и радоваться жизни, уже безнадёжно не понимая, что тьма — это атрибут тех красок, которые только что сводили с ума. Мир станет серым, но ты этого не заметишь.

И Рой не стал ничего объяснять. Он «висел» в темноте и ждал, верил, что первая волна — неприятия — пройдёт, и её сменит другая. Какая, он не знал. И тон мудрецов изменился, и почувствовал Рой, что его снисходительно прощают. И он пошевелил несуществующими руками невидимые путы и с сожалением подумал: «Зачем мне прощенье! Вы же мудры и могучи — вы всё можете! Вы сами всё знаете. Всё! И про ночь, и про утро, и о том, что не бывает дня без утра...»

И скользнула мягка кисточка, окрашивая тёмные мысли в яркие краски. И зажглись мириады огней в глазах, и сумасшедший хаос лоскутков света превратился в день. И нет никого и ничего. Нет полусферы. Нет таинственного путника. Нет мудрецов. Нет тьмы. Рой лежит на земле, навзничь. Ему на лицо льётся вода. Он хочет вытереть лицо, но боится: «А вдруг рук нет?» Решился.

Он вытирает лицо, смотрит на коричневую от загара и чёрную от грязи правую ладонь. Над ним склонился Игорь, у него в руке фляга с водой. Рой сначала подумал, что ошибся, но присмотрелся: на Игоре обгоревшая одежда, его лицо обожжено. Рой молчит, пытается прийти в себя. Приподнимает левую руку. Затем правую. Сколько времени? Почти одиннадцать. А вот какой день? — здесь сложнее. А может, и год. Переворачивается на правый бок, становится на четвереньки, трясёт, как собака головой, капли воды падают на горячую глину и мгновенно высыхают. Поднимается и идёт.

— Ты куда? — спрашивает его надтреснутым голосом Игорь.

— Туда! — отвечает Рой и неопределённо показывает рукой вдаль.

Затем останавливается, берёт себя в руки и старается прекратить сумбур телодвижений.

— Так оно лучше, — улыбается Игорь. — Туда ты не пойдёшь, там тебя не ждут.

— Ждут, — отвечает Рой. И он знал, что ждут. И знал, кто ждёт. Он пытался прикинуть, в какой стороне лагерь, гоня прочь сомнение: а существует ли он вообще? Солнце слепило глаза, он размазал грязь и пот по лицу. Далеко в небе виднелись маленькие чёрные точки.

Игорь спросил:

— Ты где был?

— Беседовал с мудрецами. А ты?

— Спасал детские игрушки.

— Дойдём? — спросил Рой, озабоченно глядя на его ожоги.

— Теперь дойдём, — ответил Игорь.

Они шли. Спотыкались, чертыхались, надрывно шутили. И всё же шли. Волны горячего воздуха, поднимающиеся от земли, уже через несколько метров закрывали перспективу пути, и когда Рой увидел сквозь полупрозрачную колышущуюся пелену вдалеке в небе вертолёт, он подумал, что это мираж: полёты над зоной были строго запрещены. Или происходило что-то чрезвычайное.

— Смотри, — сказал он Игорю, указывая на увеличивающиеся на глазах чёрные точки в небе, — по нашу душу. Обложили!

Игорь остановился, посмотрел, прищурившись, вдаль, затем на Роя и снисходительно и, как показалось Рою, немного с грустью и затаенной надеждой произнёс:

— Ну, и рожа у тебя... Это не вертолёт, это — птицы.